

ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2015

Сборник произведений участников
Пятого Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря – 2015»

Одесса, 2015

ББК 84(4Укр-Одб)6
П 78

Редакционная коллегия сборника:
И. Василенко, С. Главацкий, А. Семькин
Провинция у моря – 2015. Сборник произведений
участников пятого Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря». – Одесса –
КП ОГТ – 2015 – рус. - 208 стр.

ISBN 978-617-637-090-1

Фото на обложке – Дана Павлова
Фото в сборнике: 1, 3) Юрий Гуртовой, 2) Дана Павлова

ISBN 978-617-637-090-1

© Редакционная коллегия
(состав, вступительная статья), 2015
© авторы сборника, 2015

**ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРТ-ФЕСТИВАЛЬ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ – 2015»
(27 августа, Одесса – 6 сентября, Ильичёвск)**

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

В этом году Международный арт-фестиваль «Провинция у моря» – юбилейный. В пятый раз строчка из «Писем к римскому другу» Иосифа Бродского, давшая название фестивалю, объединяет друзей из разных стран. Помимо своего небольшого юбилея, фестиваль приурочен к 75-летию со дня рождения Иосифа Бродского. Нельзя не сказать, что в дни проведения фестиваля 15 лет исполняется и одному из организаторов действия – Южно-русскому Союзу Писателей.

История «Провинции у моря» началась в маленьком и уютном Ильичёвске в 2011 году, в 2012 году программа фестиваля вместила около 20 разноплановых мероприятий, а в 2013 и 2014 годах – около тридцати. В нынешнем, 2015 году, «Провинция у моря» продолжает свои традиции. Открытие пятого Международного арт-фестиваля состоится 27 августа в Одесском литературном музее, который всецело и не первый год поддерживает наш проект, а закончится этот одиннадцатидневный арт-марафон 6 сентября в Ильичёвске. Презентации книг и литературных журналов, мастер-классы известных писателей и круглые столы, спектакли и фотовыставки, рок-концерт и концерт авторской песни, литературные конкурсы и «Книжная лавка» писателей, буккроссинг и «Свободный микрофон» ждут гостей фестиваля. Вы сможете побывать на Дне города в Одессе и на Празднике цветов в Ильичёвске. Ну и, конечно, море – многие наши друзья приезжают к нам не только ради интересных знакомств и встреч, выступлений и побед, но и ради по летнему тёплого Черного моря. А что может быть лучше, чем читать стихи на берегу моря?

Организаторами Пятого Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2015» традиционно стали Южно-русский Союз Писателей, проект «Территория I», Литературный портал «Графоманам.нет» и ЛИТО им. В. Домрина. В оргкомитет вошли люди, без которых фестиваль не мог бы состояться: Председатель Южно-русского Союза Писателей Сергей Главацкий, руководитель проекта «Территория I» и редактор портала «Гра-

фоманам.нет» Ирина Василенко, Председатель ЛИТО им. Владимира Домрина Леонид Кулаковский, руководитель творческого объединения «Аргонавты» Александр Бедикян, член Правления Южнорусского Союза Писателей, редактор сайта Творческой гостиниой «Diligans» Людмила Шарга, музыкант Сергей Кравчук, председатель «Союза студентов г. Ильичёвска» Ирина Боброва, представитель арт-проекта «Территория I» Александр Семькин, журналист Лиана Фатеева, операторы Александр Манакин и Владимир Кунянский, фотохудожник Мария Чугунова, представители молодёжных и творческих организаций Ирина Бедикян, Юлия Петри, Владислав Киреев, Ольга Ксенофонтова, Дарья Островская, Арина Утробина.

Неотъемлемой частью фестиваля, одной из основных его составляющих, несомненно, является международный поэтический конкурс. В этом году он назван строкой И. Бродского из стихотворения «Осенний вечер в скромном городке...» – «Здесь можно жить, забыв про календарь...». В состав жюри вошли как знаковые фигуры в пространстве литературы, руководители крупных литературных проектов, так и авторы, ярко заявившие о себе в последние годы: Станислав Айдинян, Дмитрий Артис, Евгения Баранова, Дмитрий Бураго, Владимир Гутковский, Андрей Дмитриев, Владислава Ильинская, Ольга Ильницкая, Кирилл Ковальджи, Юрий Ковальский, Александр Петрушкин, Елена Росовская, Марина Саввиных, Александр Семькин, а Председателем жюри, как и в прошлом году, стал Президент «Союза писателей XXI века» Евгений Степанов.

В конкурсе приняли участие 245 авторов из 16 стран – Украины, России, Беларуси, Австралии, Армении, Германии, Грузии, Израиля, Индонезии, Казахстана, Канады, Молдовы, США, Узбекистана, Финляндии и Черногории. Согласно баллам и оценкам жюри, был сформирован шорт-лист конкурса. В него вошло 45 авторов из Украины, России, Беларуси, Казахстана, США и Черногории. Их имена мы называем в алфавитном порядке:

1. Ольга Андреева (Ростов-на-Дону, Россия)
2. Вадим Бакулин (Оренбург, Россия)
3. Дмитрий Близнюк (Харьков, Украина)
4. Наталья Бугаре (Краснолука, Украина)
5. Виталий Будашко (Одесса, Украина)
6. Виктор Володин (Самара, Россия)
7. Анна Галанина (Москва, Россия)
8. Юлия Герасим (Николаев, Украина)

9. Григорий Горнов (Москва, Россия)
10. Арина Грачёва (Москва, Россия)
11. Николай Даниш (Минск, Беларусь)
12. Майя Димерли (Одесса, Украина)
13. Юлия Долгановских (Екатеринбург, Россия)
14. Олег Духовный (Николаев, Украина)
15. Галина Ицкович (Нью-Йорк, США)
16. Роман Казимирский (Будва, Черногория)
17. Владимир Кац (Одесса, Украина)
18. Владислав Китик (Одесса, Украина)
19. Юлия Крылова (Санкт-Петербург, Россия)
20. Татьяна Кузнецова (Москва, Россия)
21. Ирина Кузнецова-Груздева (Харьков, Украина)
22. Елена Лазарева (Киев, Украина)
23. Анна Маркина (Климовск, Россия)
24. Андрей Мединский (Севастополь, Крым)
25. Анатолий Михайленко (Одесса, Украина)
26. Игорь Муханов (Горный Алтай, Россия)
27. Маша Не (Москва, Россия)
28. Ольга Питерская (Санкт-Петербург, Россия)
29. Анна Протасова (Киев, Украина)
30. Елизавета Радванская (Киев, Украина)
31. Вячеслав Рассыпаев (Киев, Украина)
32. Аркадий Ратнер (Санкт-Петербург, Россия)
33. Валерий Ременюк (Выборг, Россия)
34. Татьяна Рудовская (Токмак, Украина)
35. Виктор Сапиро (Санкт-Петербург, Россия)
36. Олег Сешко (Витебск, Беларусь)
37. Тамила Синеева (Киев, Украина)
38. Александр Соболев (Ростов-на-Дону, Россия)
39. Анна Стреминская (Одесса, Украина)
40. Валерий Сухарев (Одесса, Украина)
41. Елена Тихомирова (Санкт-Петербург, Россия)
42. Елена Уварова (Алматы, Казахстан)
43. Лилия Цьмоха (Одесса, Украина)
44. Павел Черников (Москва, Россия)
45. Елена Шелкова (Киев, Украина)

И уже в июле были названы имена победителей первого, дистанционного конкурса; ими стали Маша Не (Москва), Андрей Мединский (Севастополь), Майя Димерли (Одесса), Анна Маркина (Климовск) и Арина Грачёва (Москва); Лауреаты конкурса – Анна Протасова (Киев), Аркадий Ратнер (Санкт-Петербург), Владимир Кац (Одесса), Павел Черников (Москва), Елена Уварова

(Алматы), Юлия Долгановских (Екатеринбург) и Анна Галанина (Москва). Мы с радостью ждём их и других финалистов конкурса в приморском уютном Ильичёвске для участия в Основном поэтическом конкурсе, анонимном Конкурсе одного стихотворения, Поэтри-слэме и других заключительных мероприятиях фестиваля, которые пройдут 5-6 сентября 2015 года.

Нашими постоянными информационными партнёрами являются Евразийский журнальный портал «Мегалит», литературно-информационный портал «Пиши-Читай», поэтический альманах «45 параллель», Объединение Русских ЛИТераторов Америки «ОРЛИТа», информационный портал «Одесский обозреватель», городской информационный портал «Вести. Ильичёвск», газета «Вечерняя Одесса», газета «Вечерний Ильичёвск», Первый одесский онлайн-портал «01.ua», телекомпания «ИТ-3», газета «Черноморский маяк», интернет-портал «Глобус Одессы», интернет-портал «Графоманам.Нет», интернет-портал «Myfest.ru», интернет-журнал «Эрфольг», литературный портал «ТЕРМИтник поэзии», информационный портал «Таймер», интернет-проект «Видеомост», литературная гостиная «Diligans», информационный портал «Русские в Молдавии», паблики в ВК – «Южнорусский Союз Писателей», «Вечерний Ильичёвск», «Ильичёвск, как он есть», «Проект Территория I», «Литературное объединение им. В. Домрина» и другие.

Территория «Провинции у моря» по-прежнему является территорией Мира и Взаимопонимания!

Каждый, ступивший на эту территорию, находится вне политики, вне вражды, вне войны.

Мы признаём только один язык – язык Творчества и Созидания.

*Оргкомитет
Пятого Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря – 2015»*

ОРГКОМИТЕТ И ЧЛЕНЫ ЖЮРИ
ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2015»

Юрий Гуртовой

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Москва

Поэт, прозаик, литературный критик, издатель, культуролог. Президент Союза писателей XXI века, член Президиума МГО СП России и Правления Союза литераторов России. Также входит в Союз писателей Москвы и Пен-Клуб. Генеральный директор Холдинговой компании «Вест-Консалтинг».

Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института в 1986 году по специальности «французский и немецкий языки», Университет христианского образования в Женеве в 1992 году, экономический факультет Чувашского государственного университета в 2004 году по специальности «финансы и кредит» и аспирантуру факультета журналистики МГУ в 2004 году.

Издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер» (Санкт-Петербург), газет «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), Интернет-издания «Персона ПЛЮС» и других СМИ. Соиздатель и заместитель главного редактора журналов «Крещатик» и «Знание-сила. Фантастика».

Лауреат Отметины имени Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка, международного фестиваля FEED VACK (Румыния), фестиваля имени В. Хлебникова ЛАДОМИР (Казань). Лауреат премии имени А. Дельвига. Фонд имени В. П. Астафьева (Красноярск) признал Евгения Степанова в 2008 году в числе 11 лучших писателей России.

Как поэт, прозаик, критик, мемуарист, интервьюер печатался в журналах, альманахах и газетах: «Звезда», «Знамя», «Нева», «Дружба народов», «Арион», «Юность», «Интерпоэзия», «Южное сияние», «День и Ночь», «Крещатик», «Дон», «Новый берег», «День поэзии», «Поэзия», «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Слово», «Новый берег», «Журнал ПОэтов», «Членский журнал» (Нью-Йорк), «Столица», «Российский колокол», «АКТ» (Санкт-Петербург), «Черновик» (Нью-Йорк), «Литературная газета», «Литературные известия», «Поэтоград», «Литературная Россия», «Ex libris НГ», «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Собеседник», «Совершенно секретно», «Семья», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец» и во многих других. Автор 10 книг стихов, прозы, вышедших в России и за рубежом, а также культурологических монографий «Плакаты Госстраха как социокультурное явление» (М., 2003), «Карманные календари Госстраха» (М., 2004), «Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция» (М., 2006). Переведён на английский, французский, немецкий, румынский, болгарский языки.

ИМПЕРИЯ ЛЮБВИ

МОЁ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

Я нашёл Америку
В Одессе

Я нашёл Париж
В Одессе

Я нашёл Москву
В Одессе

Я нашёл себя
В Одессе

Это самое неожиданное

ГОРОД РОДНОЙ

счастье какое – любовь непродажная
друг непродажный и город родной
счастье какое – Москва трехэтажная
город исхоженный радостно мной

счастье какое – Покровка Никитская
песни дворовых родных аонид
счастье какое – и пуля бандитская
в час этот утренний мимо летит

ИМПЕРИИ

сродни тарифам жкх
растёт империя греха
растёт и расширяется
сосед торчок ширяется

растёт империя греха
куда ни кинь везде труха
пиар и фанаберия
греховная империя

но Карлсон прав: ты не реви
ведь есть империя любви
и женщина любимая
никем не заменимая

растёт империя любви
её не изведёт орви
ни грех по воле случая
империя могучая

они ведут суровый бой
одна империя с другой
бой этот не кончается
и маятник качается

СТАЯ ЛЕГКИХ ВРЕМИРЕЙ

*Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В. Хлебников*

пролетели улетели
стаи лёгких времирей
пролетели улетели
стаи лёгких долларов

прилетели загалдели
стаи северных ворон
обживая сосны ели
каркают со всех сторон

пролетели поелику
стаи лёгких времирей
я сажаю землянику
патиссоны лук-порей

будут сыты домочадцы
будет мир чуть-чуть добрей
я надеюсь воротятся
стаи лёгких времирей

ПОРТРЕТ

мальчик
на улицах Москвы

юноша
в российском чернозёмном райцентре

мужчина
на улицах Нью-Йорка и Парижа

дедушка
на улицах Берлина

неужели
это всё один человек
один обычный
маленький
человек
живший
в необычное
переломное
время

НОСТАЛЬГИЯ ПО БОЛГАРИИ

может это и предательство
или просто я ишсяк
хочется закрыть издательство
и уехать в Слынчев Бряг

хочется забыть про фортели
«дружбанов» моих лихих
нервы мне они попортили
хочется забыть про них

хочется чтоб гладиолусы
выросли в саду у нас
и на рейсовом автобусе
ездить с внучкою в Бургас

хочется ах перехочется
бизнес это кандалы
и душа ночами корчится
да и дни невеселы

жизнь – тетрадь школяра – перелистываю
понимаю что я невелик
понимаю что главную истину
я хоть рыпался а не постиг

и учился и вкалывал вроде я
но не понял основ бытия
в мозг – компьютер – приходит мелодия –
я не знаю – в чём тайна ея

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ПРОКОШИНА

а жизнь – три шага
вперёд – и вспять
я смерть как благо
готов принять

пусть как горчица
горчит строфа
страшна больница
а смерть – лафа

ПАМЯТИ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА

бесы хороводы шумно водят
и звучат призывно бубенцы
женщины приходят и уходят
остаются на сердце рубцы

бесы на просторах азиопы
телек бесам делает рг
ватники и янки и укропы
тушат керосинками пожар

бесы стали гибельною силой
неужели здесь они одни
что же делать? Господи помилуй
Господи спаси и сохрани

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

Москва – Одесса

Искусствовед, художественный критик, литературовед, писатель, поэт. Член Союза российских писателей, член Союза писателей-переводчиков, член Южнорусского Союза Писателей, член Конгресса литераторов Украины. Вице-президент по связям с общественностью Творческого союза профессиональных художников (Россия). Главный редактор одесского литературно-художественного журнала «Южное Сияние» (с 2011 г.). Научный сотрудник и член учёного совета Литературно-художественного музея М. и А. Цветаевых в Александрове (с 1992 г.).

Родился 13 апреля 1958 г. в Москве, в семье известного певца, народного артиста Армянской ССР Артура Айдиняна, репатрианта из Греции. Окончил филологический факультет Ереванского государственного университета (1975-81), параллельно учился на курсах искусствоведения в Государственном педагогическом институте русского и иностранных языков им. В.Я. Брюсова. Автор многих статей, посвящённых культуре, искусству, современной живописи, выходящих как в России, так и за рубежом. Печатался как писатель, поэт, журналист в газетах, журналах, литературных альманахах на русском и иностранных языках.

Был литературным редактором и секретарём старейшей писательницы России А.И. Цветаевой (1984-93), составил, отредактировал и прокомментировал два тома её известных «Воспоминаний» (2008), составил «Хронологический обзор жизни и творчества А.И. Цветаевой» (2010). Автор десятков публикаций, посвящённых жизни и творчеству сестёр Цветаевых; вступительных статей к книгам А.И. Цветаевой. Создатель книг прозы – «Подслушанный Фауст» (1993), с предисловием Ю. Мамлеева, своеобразной версии вечной темы; книги новелл «Атлантический перстень» (1994) с предисловием А.И. Цветаевой; сборников стихов «Скалы» (1995); «С душой побыть наедине» (2001), «Химерион» (2002), в котором более 130 стихотворений объединены одной темой, «Механика небесных жерновов» (2015); литературоведческих книг «Малый жанр Агаси Айвазяна» (1988), «Константин Бальмонт: в ореоле памяти» (2005). Составитель и редактор литературно-художественной антологии «Одесские страницы» (с 2003 г.) в составе журнала «Меценат и Мир». Переводчик 1-3 песен «Божественной комедии» Данте (журнал «Грани», № 185). Член жюри фестивалей «Славянские традиции» (2010 – 2015), «Провинция у моря» (2013-2015).

Награждён медалью Лермонтова «За личный вклад в отечественную многонациональную культуру и укрепление российской государственности», медалью «Профессионал России» за искусствоведческую деятельность, медалью Чехова за литературные заслуги. Лауреат литературной премии Международного сообщества писательских союзов и Конгресса литераторов Украины им. Юрия Каплана (2012).

Великолепна ярость бытия.
Пусть конь несёт
И порваны страницы –
И с них на волю пущены слова,
Они летят – как искры и как птицы...

Великолепно тонет тишина
Над полем, где неслись недавно кони,
Где ветер тихо проносил слова,
Уже не слышно стонов и агоний...

Они прекрасны –
Взрыв и тишина,
Они живут по Вечности закону.
И первый крик рожденья,
И луна, которой дышит тишь
на небосклоне.

Я ездил на двух черепахах тогда, –
Не гасла на небе ночная звезда,
Узором восточным пылился мой путь,
Возница не мог бы волов повернуть.
Мои черепахи – степные волю
Меня протащили и мимо беды,
И мимо ненастья, и мимо золы,
И мимо углей, что под ней до поры...
Я ездил на трёх черепахах тогда,
Когда раскалилась и пала звезда –
За белым холмом разветвляется путь,
Мои черепахи успели заснуть.
И спали они, как волю, на ходу,
Петух затрубил в заревую трубу –
И вспыхнуло солнце, и встало оно,
Как будто внезапно открыли окно.
Проснутся мои черепахи тогда,
Когда вновь появится свыше звезда,
Откроют глаза, выпрямляя мой путь,
С которого мне никогда не свернуть...

ОГОНЬ

Затеплишь искру-уголёк,
И затрещит чуть-чуть осина
И малый, нежный язычок
Пойдёт ласкаться к древесине.

Уже дымок, уже пожар –
Костра трепещущие вздохи
Ярящийся и пылкий жар
И всполохи, и искр потоки...

Огонь есть символ естества
И глубины, где лавы жилы,
И вертится, плывёт Земля,
От Солнца набирая силы...

Скрипач провёл усталую рукою
По кругу диска – «Пишущий Амур»...

Шипит пластинка, вертится Земля,
И наша жизнь летит, стремится к звуку,
Неясен голос, тянущий печаль.
Из трепетно-сверкающих созвучий
Встают, как скалы времени, века...

Я раскрываю двери в старый дом,
Встаёт заря,
Зола ночного ветра, –
Алеет на восходе горизонт...
И в доме старом по углам огни,
Они отброшены от занавесок,
Что в ветре мечутся –
Как дивные бурлески – по белым стенам
Алые огни.
Они летят – бесплотны и равны,
То выйдут строем, то бегут толпою,
И тень и ветер – брат с сестрой по крови,
Прозрачной крови
Божьей тишины...

Над лагуною рассвет,
Звёзды – свечи в изголовье,
День давно уже ослеп,
И прислушался к прибою...

Ждущий колокол времён
Колокол небесной тверди
Грянет и повеет смертью,
Но восстанет, кто силён.

Холод отольёт с лица.
Кровь взбурлила. В жилах – силы.
Не откроются могилы
Неизбежного конца?..

Кто имеет сердце – слышит.
Кто в овечьей шкуре дышит?
В хлеве тихо и темно...
Но звонарь не спит над миром –
Бурным, тёмным, боязливым;
Час настанет все равно...

ДМИТРИЙ АРТИС Санкт-Петербург

Поэт, литературный критик, театральный деятель, литературовед.

Лауреат международной литературной премия имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2010). Лауреат национальной литературной премии «Поэт года» (2011). Лауреат литературно-критической премии им. В.В. Розанова «Летающие собаки» (2012). Лауреат журнала «Зинзивер» (2013). Лауреат Международного литературного конкурса «Открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии» (2012, 2013, 2014). Лауреат Международного поэтического конкурса «Лёт лебединый» имени Петра Вегина (2014). Лауреат Международного поэтического интернет-марафона «Сокровенные свирели “45-й параллели”» (2014). Обладатель Гран-При IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря» (2014).

Произведения публиковались в периодических изданиях «Дети Ра», «День и Ночь», «Южное Сияние», «Зинзивер», «Нева», «Литературная газета», «Нева», «Новая Юность», «Бельские просторы», «Другие берега», «Современная поэзия», «Российский колокол», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературные известия», «Независимая газета», «Зарубежные записки», «Поэтоград», «45-я параллель», «Сетевая словесность», «Литература» и др.

Автор поэтических книг «Мандариновый сад» (2006), «Ко всему прочему» (2010), «Закрытая книга» (2013), «Детский возраст» (2014). Член Южнорусского Союза Писателей (2014) и Союза писателей Санкт-Петербурга (2014).

В январе на море смотри, смотри
и не смей глаза от него отвести.
Только всем, что есть у тебя внутри,
можно море съесть.

Горизонт повсюду, куда ни ткнишь,
завалился набок небесный штырь,
и совсем не стыдно подняться ввысь,
растянуться вширь.

Ледяную крошку запьёшь вином.
К сорока годам как подросток тощ,
но какая сила в тебе одном
и какая мощь!

Будто кто тебя наделил движком,
в оборот пустил, отвалил щедрот –
в январе по морю ходить пешком,
разевая рот.

Наконец-то выспишься, корешок,
ни о чём не думать как можно дольше –
это всё к чему ты годами шёл,
до чего ты дожил.

Воду, пищу, воздух, слова глотал,
преуспел во многом, почти что сразу,
но предвечной полночи нагота
затенила разум.

Где роили мысли тревогу пчёл, –
сквозняки – другой одного сутулей,
и бежит медведь задевать плечом
опустевший улей.

Припомнишь навязчивый холод
в готическом стиле
и скольких семейных психологов
мы посетили –

моментом напишется в блоге
короткая фраза:
страдал от прокачанной логики
женского глаза.

Отметишь плывущие по небу
райские кущи,
и я в этих кущах не кто-нибудь,
а – всемогущий,

и тут же фиксируешь в блоге
крикливую тему:
хватило прокачанной логики
женскому телу.

Припомнишь, конечно, а я
ничего не припомню –
отправь рукоблуда подъячего
в каменоломню –

отметят наскальные блоги
искомое средство
забыть о прокачанной логике
женского сердца.

У Бога за пазухой тесно,
и всё-таки лестно, поди,
пластами слоёного теста
лежать у Него на груди.

Забыться, отринув печали,
не ведать земной суеты,
когда упадают ночами
с небес ледяные цветы.

Его аккуратные Длани
любого к себе приберут.
Каких ещё надо желаний
святому и грешнику тут?

Припеваючи, сродни
птахам, а на деле –
коротал чужие дни
долгие недели.

О себе не вспоминал,
скромничал чего-то.
Неожиданный финал
вышел без почёта.

Получилось потому,
то, что не случилось,
потому что, потому,
через пень колоду.

Придави меня плита,
раз – и я – готовый,
начинать в мои лета
нечего по новой.

Обнеси меня забор,
чёрная ограда.
Раньше не было забот
и теперь – не надо.

Потемнеет око дня –
облако на блюде,
в этой жизни без меня
радости не будет.

ЕВГЕНИЯ БАРАНОВА

Ялта

Поэт, прозаик, журналист. Родилась 26 марта 1987 года. Родной город – Ялта.

Победитель Финалист Илья-премии (2006). Лауреат Международного поэтического конкурс «Серебряный стрелец» (2008). Лауреат Международного литературного конкурса «Согласование времен» (2010). Лауреат Международного конкурса короткой прозы «СТОсло-вие» (2010). Дипломант Международного поэтического конкурса «Лужарская Долночь» (2013). Лауреат Международной поэтической премии им. Игоря Царева (2014). Участник фестиваля «Киевские Лавры» (2009, 2013). Победитель фестивалей «Альгамбра» (2003, Симферополь), «Синани-Фест» (2008, Ялта), «Фокус» (2010, Харьков) и др. Судья Международных поэтических конкурсов «45 калибр» (2013, 2014), «Провинция у моря» (2013, 2014).

Произведения опубликованы в литературных изданиях: «Юность», «Южное сияние», «Дети Ра», «Журнал ПОэтов», «Новая реальность», «Литературная газета», «45-параллель», «Сетевая словесность», «Окно», «Гостиная», «Пролог», «Зарубежные задворки», «Контрабанда», «Ликбез», «Каштановый дом», «АРТ-шум», «Лава», «Лампа и дымоход», «ЛИТЕРА_DNEPR», «Новая литература», «Litteratura» и др. Автор поэтический сборников «Зеленый отсчёт» (2009, 2014), «Том 2-й» (2012, 2014) и аудиольбома «Песни для любви и революции» (2015). Член Южнорусского Союза Писателей.

ПОСВЯЩЕНИЕ КРЫМУ

Вспоминай меня, отрава,
насмешник, ухарь, птичий крик
(и нежный говор Донузлава,
и караимский запах книг).

Вспоминай меня, живую,
с корнями-пальцами волос,
в солёных капельках лазури
и в босоножках на износ.

Я – только дерево, я – слово,
произносимое в горах.
Какая разница, с какого
мы переводимся как «прах».

Как порох-пламя. Мёд-гречиха.
Как вой бездомных Аонид.
Креманка Крыма. Очень тихо.
И чувство Родины саднит.

ЖИЛИ-БЫЛИ

Мы жили тихо, тихо так,
что облака ходили цугом.
И солнца огненный кентавр
слегка завидовал подпруге.

Мы жили тихо, как сверчки,
как нерпа в недрах межсезонья.
Нас не преследовал манчкин,
и не выдумывал Светоний.

И в этой тишине была
такая преданность предметам!
Мы жили тихо, как Тува,
как Ладога, как нанометр.

Курлы-курлы! Лишь журавли
вбивали клинья для полёта...

Мы жили тихо, как могли.
Как завещал нам некий Гёте.

КУКУРУЗА

Горячий запах кукурузы
и снеговик на Рождество...
А интересно, знал ли Рузвельт,
что в Ялте улица – его?

А интересно, знала я ли –
или предчувствовала власть –
что жизнь по нотам разыграет,
потом шарманщику продаст.

Что засыпать в обвисшем кресле –
привычка взрослых, как и спирт.
Что кукурузный запах честный
не так уж в горле шелестит.

Что строчки, нежные когда –то,
из лап не выпустят живой...
Горячий запах. Снег из ваты.
Лошадка с красной головой.

Мир устроен очень мудро.
Ночь всегда линияет в утро.
Танцовщице снится паровоз.
И взлетает Айседора,
словно шар, цветной и полый,
словно шарф по лестнице колёс.

Разметались строчки – тени.
Пьёт с провидцем Провиденье.
Из Кореи тянет в Кореиз.
Я любила. Это слишком.
Каждый маменькин парнишка
подтвердит, что love теряет is.

Нравственный закон снаружи
вряд ли будет обнаружен.
Кантом вышивает Фейербах.
Министерство горькой правды
превращает стадо в равных.
Осторожней в мыслях и словах.

Впрочем, стоит ли об этом.
Мы расстались светлым летом.
Ранней/поздней осенью/весной.
Мир устроен очень чётко,
потому пошлю всё к чёрту
и уйду на цыпочках в прибой.

МУНК

ни слова ни любви не говори
налим в сети и яблоко в налив
ни жестом ни движением спины
ни способом заслуженно иным

не надо ни поэзии ни По
ни господ в тельняшке самого
оставь меня пустынной дождевой
оставь меня не встреченной тобой

игрушки спят убийцы доктора
из рыбы спит изъятая икра
и сердце спит на дребезгах помех
спокойной смерти каждому из всех

ДМИТРИЙ БУРАГО

Киев

Поэт, издатель и культуртрегер. Родился 28 октября 1968 года в Киеве. Учился в средней школе № 38 им. Молчанова. Окончил филологический факультет Киевского педагогического института (1990). В 1990-е годы преподавал историю мировой художественной культуры, русскую и зарубежную литературу в средней школе-гимназии № 153 им. А.С. Пушкина и в Институте повышения квалификации учителей. В настоящее время преподает в НПУ им. Н. Драгоманова. Кандидат филологических наук.

Основатель и руководитель «Издательского дома Дмитрия Бурого» (Киев). Издатель современной научной и художественной литературы, журнала «COLLEGIUM», книжной серии «И свет во сне светит, / И тьма не объяла его». Организатор ежегодной международной научной конференции «Язык и культура» им. проф. С.Б. Бурого. Проводит вечера «Журнал на сцене „COLLEGIUM“» в Киевском Доме Актёра, принимает активное участие в организации мероприятий культурного и научного характера на Украине и за рубежом. Главный редактор научного журнала «Язык и культура». Член редколлегий научных и художественных изданий. Публиковался в журналах «Континент», «День поэзии», «Радуга», «Южное Сияние», «Многоточие», «Самватас», «Collegium», «Соты», «Юрьев день», «София», «Футурум Арт», «Звезда», «Альманах Поэзия», в «Антологии русского верлибра», антологии «Русские поэты Украины», антологии стихов о войне «Время Ч», поэтической антологии «Киев XX век» и др. Автор поэтических книг: «Эхо мертвого города» (1992), «Здесь» (1996), «Поздние времена» (1998), «Шум словаря» (2002), «Спичечный поезд» (2008), «Киевский сбор» (2011), «Снеговик» (2015).

Член Национального союза писателей Украины. Лауреат литературной премии имени Леонида Вышеславского (2007), премии НСПУ им. Н. Ушакова (2008), Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (2011).

КОЛОКОЛ

Начинается город с верлибра, начинается Киев с дождя.
И ещё Оболонь не охрипла, и Подол не молчит уходя.
Начинается город со звука, начинается осень с нуля:
Что по Павловской метит разлука? Что молчат с высоты тополя?

Что на дальних баянах-заборах ветер в пёстрой накидке садов
начинает из скрипа и сора выводить в первый ряд голосов?
Из пугливого ропота листьев, из нестройных порядков жилищ
бьются ставни, и выхода ищет сквозняков потайной пересвист.

Перевертыш, Простыш, тише будешь,
если дальше и дольше бежать
из соседнего детства Иуды в молчаливую ложь-благодать.
Но взлетают шумы мостовые, собирая обратно круги,
где базары гудят разбитные, вознося над собой пироги,

где трамвайные альты и скрипки, контрабасы бетонных цехов,
где гудят изложений ошибки и скребутся обрывки стихов.
И круги, замыкая всё уже, всё настойчивей слух теребя,
под прохожими шлепают лужи из каштанового октября.

Даже те, что почти не речивы, что вообще не способны на звук
полушепотом, речитативом возвращаются из разлук,
моросят из обид, обещаний, изо всех недосказанных зол.
Ах, как лают дворняги-мещане, сторожа от молчанья Подол!

И затягивая пояс туже, собирая звук в скорлупу,
Лаврский колокол голову кружит разгулявшемуся Днепру.

СНЕГОВИК

Поле возниким собрано в узелок –
комом за левым плечом.
Небо наотмашь, лес напролом.
Хаты дрожат подпольем.
Старая ведьма бредит: Сынок! Сынок,
где же твой сладенький позвонок,
чтобы звонить по нему тайком
изо всей боли!

Снеговик – Голем
с морковкой и в жестяном ведре
грезит на проходном дворе
и, почти уверовал, что перешёл поле.

Что же ты, Голем? Где твоя власть?
В этих заборах, какая страсть,
если за полем город.

Если до тридевяти земель
будет бродить в тебе зоркий хмель
не преломив забора.

Если на всех дворовых ветрах
будет распят твой родимый страх,
и до седьмого пота

будешь искать свои семь колен
в скрепах имён и расстрельных стен,
перебирая фото.

Катит безумие свой клубок –
в сердце губительный погромок
с кровью играет в прятки.

Холодно! Холодно! Чуть теплей!
Почерк уборист, ручей острей,
что же ты ждёшь отгадки?

Солнце напаялило каблуки,
захорошели лучей штыки –
жарко, уж очень жарко!

Это с тебя жестяной должок –
ближе чем на смерть нельзя, дружок,
Голем – насмарку.

Тащит морковку шальной ручей
в бликах хохочущих палачей –
имя-воронка.

Поле возникчий пускает влёт.
В небе отчаянный ледоход.
Жребий вдогонку.

БАБАХ

Сергею Шаталову

В подвале собственной судьбы, в воронке страха
от милосердия до вражды два-три бабаха.
Какое небо на сносях! Зрачком воловьим
восток ворочает в кострах настой с любовью.

Бабах! Бабах! Не это крах, Сергей Прокофьев,
а то, что с пеной на губах приходят гости.
И эти ленточки, флажки, порывы страсти
наносят ловкие мазки стальной напасти.
Бабах! Бабах! Сбегает дробь из барабана.
Литавры, скрипки, брызжет кровь из фортепиано.
И там, на короточках солдат внутри разгрома,
как будто праведен разлад, и он как дома.
Прости, Шаталов, за Донецк, и крест без веры.
Был у истории конец, но нету меры.
И с терриконовых вершин, с подвёздной грани
бесстрастный месяц-исполин сознание ранит.

ПОЭТЫ

Мои ровесники сбежали в непроходимые печали
из торжества.
Листва раскачивает дали, в которых солнца прогорали
их озорства.

Косятся на погосты травы. Дрожат от полымя дубравы.
Даль занялась
Какие ваших душ суставы не раскрошили для забавы
молва и власть?

В какие песенные реки ходили из варягов в греки –
а брода нет.
И нет такой библиотеки, чтоб отдышались человеки
от зол и бед.

И нет такого оправданья или такого покаянья
чтобы на всех,
когда срывается дыханье, и замыкается сознание
и страх на смех.

Юродивые, скоморохи – то пир, то крохи,
то пляска до конца души.
Ох, окаянные пройдохи, во все века вы были плохи
и только засмерть хороши.

ПИОН

Есть в синем цвете красный брадобрей.
Есть в жёлтом – чернь. В зелёном – долгий омут.
Из тучных клубней тянутся бутоны
на ломких кисточках в лохматый белый свет.

Зажмуришься, и катится назад
цветочный шар переплетённых вёсен,
бунт красок переходит в буйство, жар,
и ветер в нём беспутен и несносен.

Кружит палитру трепета наклон –
теряет страх и голову пион.

ИРИНА ВАСИЛЕНКО Ильичёвск

Поэт. Родилась в Санкт-Петербурге, живёт под Одессой, в небольшом портовом городе Ильичёвске. Закончила филологический факультет Уральского государственного университета. Вместе с друзьями девять лет назад создала творческий проект «Территория I», в рамках которого и родился арт-фестиваль «Провинция у моря».

Член редколлегии литературного портала «Графоманам.нет».

Автор сборников стихов «Кофейные зёрна» (2008), «Ты прикидывалась птицей Метерлинка...» (2014); стихи также публиковались в коллективных сборниках серии «Территория I», в антологии одесской поэзии «Солнечное сплетение», в сборниках «Пространство слова.od.ua», «Формула осени», «Открывая имена», в журнале «Южное Сияние», в альманахе «Крылья», газете «Интеллигент», журнале «Фаворит» и т.д.

Победитель III международного фестиваля «Славянские традиции» в номинации «Стихи о любви», обладатель специального диплома международной литературной премии «Золотое перо Руси-2009», финалист Конкурса одного стихотворения им. Р. Казаковой, лауреат ялтинского музыкально-поэтического фестиваля «ЯЛОС» и других поэтических конкурсов. Награждена литературной премией «Славянские традиции». Член Южнорусского Союза Писателей.

И кто-то тебя костерит, ругает, полощет имя, как простыню.
А ты, надменно ведя бровями, ни в грош не ставишь всю их грязню.
Смешливо смотришь на лица-маски:

опять, скрываясь, кого-то пнёт?

Тебе их жалко: у них есть жало, вот только осы не носят мёд.

С тобою – утро, корицы привкус, горячий кофе и тёплый взгляд.
Ты засмотрелась опять на небо, в котором рифмы, смеясь, шалят.
Добавишь в кофе щепотку соли, добавишь в будни глоток шабли...
Пусть мир – как книга, где на страницах –

излом сюжетов картин Дали, –

Ты в Зазеркалье, и хрупок воздух, но кто-то держит твою ладонь.
И кто-то рядом, и всё надёжно: свеча не гаснет, горит огонь.
Взрывает время мосты и стены – и чью-то глупость развевает в прах.
Ты замираешь в Его ладонях, и бьётся сердце в Его руках.

СИТО

Как внезапно закончатся прятки, и устало, навзрыд, невпопад,
Позабыв про былые порядки, перепутав, где рай, а где ад,
Оставляя царапины света на душе – на стихах – на судьбе,
На страницах полночного бреда, на прикушенной больно губе –

Замолчу, и исчезну, забудусь, утеку, как сквозь пальцы вода.
Не прошу, не прошу, не торгуюсь, отвернувшись уже навсегда.
Лепестками засохших соцветий не согреешь ни душу, ни дом.
Я, смеясь, в череду междометий без оглядки уйду босиком...

Поджидая красивой развязки, зал замрёт, но лишь эхо в тиши
Отзовётся. И музыки краски не согреют продрогшей души.
И не будет пустых разговоров, и не будет назначенных встреч,
Лишь погашенный свет мониторов, да короткое:
«Рукопись – сжечь».

Петербургское время в ладони осыпалось медью,
Жёлтым цветом листвы, ароматом вчерашних потерь.
Нас окутала осень разлуки незримою сетью,
Нам открыла она в не-любовь уходящую дверь.

Мы упрямо в себе убивали способность к дыханью,
и меж реплик заглавных героев, иуд и шутов
Затерялись в словах, растворились – и по умолчанью
Превратили свой мир в зазеркалье без бурь и штормов.

Мы другие?! Нам хочется свежего воздуха, света,
Нам по крышам гулять и с звездой легко флиртовать!..
Ведь над нами – смеётся ли? плачет? – над Питером небо,
Повторяя, как мантру: лишь любящий может дышать.

ТАКИЕ ДЕЛА...

А ты глохни, тони, душа моя, слепни, никому уже больше не до-
веряй. Не зови, не жди, ближе метра не подпускай. Всё, что было
живо – в архив, на полку и под замок. И чернилами красными
– «не кантовать» – строгий выведи ярлычок. И кому там плохо,
кому хреново, кому лафа – не психуй, не дёргайся, не твои дела.

Ах, как раньше билось на нашем флагштоке алое полотно, зато-пляло нежностью, и летать дозволяло – до: до ближайших звёзд, до любимых глаз, до разбиться вмиг/до напиться вдрызг... до тебя, хороший мой, и до рук твоих. А теперь – такие, мой Бог, дела: посчитала ошибки, реестр составила, всё учла – и водой сквозь пальцы – неслышима – утекла.

И никто не узнает, что там, внутри, впотьмах – как поёт, змеится, на волю рвётся, болит, скребёт. Да иди ты лесом – второй, иль третий – окончен счёт! Ничего не вздрогнет, не порвётся нить, пальцы не задрожат; ни к чему, хороший мой, поцелуя след на сухих губах.

...Все вокруг, как положено – при своих делах. То ревут, то мятся, и то мат, то шах. У меня осталась капелька, ничего, чуть-чуть: ломкий, призрачный, невесомый, нелепый луч. Я давно не верю всякой белиберде, утонул ковчег мой в твоей воде, и ни зги не видно в дождя стене... Посмеёмся весело – всякой ерунде?

Вот такие, милый, теперь дела. Ни углей, ни света. Черта. Стена.

ОБЕЩАЙ, ЧТО БУДЕШЬ РЯДОМ...

Обещай, что будешь рядом – взглядом, жестом, словом, строчкой,
В нашем царстве тридевятом, где любовь и гнев – с рассрочкой,
Где рифмуются глаголы с ветром/небом/снегопадом,
Не страшны ничьи уколы, если только будешь рядом.

Не спросивши разрешенья – ни у чёрта/ни у бога,
Кто-то создал уравнище, где одна у нас дорога,
Где глаголы расставаний жгут глаголы нашей встречи:
«Я скучаю. Возвращайся. Без тебя так долгод вечер».

Прочь неверные прогнозы, перепады света/тени,
Не кори меня за слёзы и дрожащие колени,
Улыбнувшись у порога, обещай вернуться – взглядом
Всё уйдёт – беда, тревога... если только будешь рядом.

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

Одесса

Поэт, драматург, музыкант. Родился в Одессе в 1983 году. С 2002 г. – председатель Южнорусского Союза Писателей, с 2006 г. – председатель Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, в 2009-2012 гг. – член руководства Конгресса литераторов Украины.

Выпускающий редактор литературного журнала «Южное сияние», главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис».

Автор более 600 публикаций в изданиях Украины, России и дальнего зарубежья. Живёт в Одессе.

ОТВЕТ

1.

Испуганные сны
стареющих Индиго
впечатаны от века
в решётки хромосом,
как огненный Псалтырь
в лесов живую книгу,
где – кома человека,
познавшего свой сон.
Не бойся испугать,
любимая, родная –
проносится, как поезд,
глухонемой вокзал.
Разомкнутая плоть
свой зодиак познает –
сирот колючий пояс
стучится в тронный зал.
Колодцев тайный быт –
глаза дремучих марев –
играет с верхней бездной
и – с нижней заодно.
Не думай, что теперь,
когда живее зарев
становится Невеста,
заляжет Сон на дно.

И я тебе приснюсь
там, где случилось Чудо –
вослед оледененьям
и пасеке венер.
Храни такие дни,
мы – прибыли – Оттуда,
там – камера хранения
нас, словно общий нерв.
Не тщишься не сниться мне –
ни в саване ознобном,
ни в пелене азота,
ни в раненой фате –
мы всё равно найдём
Кристалл в миру загробном,
что так похож на одурь
двух спаянных людей.

2.

Колыхание ветра по кругу, в надир и – обратно,
Шевеленье эпох в сонме чёрных квадратов...
В точку невозвращения Земли – вход парадный
Утопает в цветах, и в венках, и в костях, и – в распятых...

Вот и я, как архангел Пьеро, как пастух Зодиака,
Каждый раз тебя жду здесь – живой, неврежимой,
Облучённый давно чередой ложных знаков...
Я, наверно, привык, я привыкну сильнее, вестимо,

Всякий раз, одевая посмертную тогу,
Улетать в небеса из любых небоскрёбов
И смотреть им в глаза удивительно строго,
Ожидая от них подношения мне в виде гроба,

И спросить с них за всё, что они натворили
С этим местом и временем, с духом и телом,
И – уходит вода – из воды, её боги сморили –
Звонари в храме атомных маятников беспредела.

Но послушай, послушай, ты властна сломиться,
Неразменный мой Ад – ждать тебя – сдастся сам, ведь
Цвет выходит из темени, звук – из жар-птицы,
Жизнь выходит из нас, словно джинн из беременных амфор.

3.

На самых подступах к Вокзалу –
Внезапный сон, сто раз на дню...
Ты никому не рассказала,
Что я тебе в Сочельник снюсь.

Пусть этим снам мой рок поверит,
Что побережье всё – твоё,
Что мы выходим там на берег,
Но не вдвоём, но не вдвоём...

Иная явь – явь лишь местами,
Иные сны – что белый шум.
То, что ты снишься мне годами,
Я и тебе не расскажу.

БЕСПОЛЕЗНОЕ ЗАКОПАЕМОЕ

Будь проклят тот, кто нас разъединяет...
Кто нас разъединил...
Убийца даже ада не достойна! –
Но – я в аду поник...
Единственная, вечная, родная! –
Моя душа фонит –
Тобой... Раз этот мир сжигают войны –
Со мною хоть... усни...

Пусть гостем на своей собачьей тризне,
Я буду, но истёк
Мой сон, я еду рядом с небесами
К тебе, в судеб котёл,
Я буду наблюдать всех смыслов жизни
Бессмысленный падёж
И – ждать тебя на Гомельском вокзале,
Пока ты не придёшь...

ЗА СЕМЬЮ – ПЕЧАЛЯМИ

На икону Богоматери
Смотришь долго, словно в зеркало.
Череп детский – на руках её,
Две руки и обе – левые.

Ну и что, что мы, создатели,
Распадёмся – фейерверками.
Ну и пусть Лилит я трахаю,
В тундре сердца – только Ева есть.

Годы – словно расстояния,
В недрах, за семью печалями.
Истина всплывёт над прерией –
Каждый труп всплывает все...
Ты пойми, что я – не я.
Мы с тобой – одноначалие.
Утони со мной во времени,
Если время существует.

ВЛАДИМИР ГУТКОВСКИЙ

Киев

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Живёт и работает в Киеве.

Родился 16 июня 1945 г. в Киеве. По образованию математик, окончил КГУ им. Т.Г. Шевченко. Публиковался в журналах «Крещатик» (Германия), «Южное Сияние» (Одесса), «Радуга» (Киев), «Самватас» (Киев), «Соты» (Киев), «Живой журнал» (Киев), «Сетевая поэзия» (Москва), «Полутона», «45-я параллель» и др. Стихи включены в антологию «Киев. Русская поэзия XX века», входили в состав многочисленных альманахов и коллективных поэтических сборников. Автор поэтических книг «В то же время» (1993), «Сюрлиризм» (2005), «Не сезон» (2000), «Перебор» (2000), «Фонограф» (2008), «Свод» (2011).

Лауреат 3-его Международного литературного фестиваля имени М. А. Волошина (2005). Член жюри ряда литературных конкурсов, в т.ч. 4-ого Международного литературного Волошинского конкурса (Коктебель), «Пушкинское кольцо» (Черкассы), «Редкая птица» (Днепропетровск), «Ватерлиния» (Николаев), «Одна маленькая свеча» (Киев). Руководитель поэтической студии «Третьи ворота».

Член Национального союза писателей Украины, почётный (иностранный) член Союза писателей Санкт-Петербурга. Ответственный секретарь жюри премии им. Николая Ушакова для русскоязычных поэтов Национального союза писателей Украины. Член редколлегий ряда литературных интернет-порталов, в т.ч. интернет-ресурса «Поэзия и авторская песня Украины» (Poezia.org).

Вот, наконец-то, стою – на берегу и возле чего-то.
Странно, казалось, грудь волнением сдавит.
Но ничего, обошлось, – а название любого экзота,
в качестве местности, – вам предлагаю подставить.

На этот бесстрастный пейзаж повяжу фантазии бантик,
покуда внутри него под небом холодным стыну,
за спиной ощущая ещё не облупившийся антик,
попирая всем весом своим первичную глину.

При освещении нейтральном взгляд освоит едва ли
пространство до горизонта. И что толковать о вере,
то отстраняться, то вновь с трудом различать детали,
если, помимо всего, ещё и не твёрд в размере.

Выдох короткий – в горле застрявшей костью.
Так возвращается то, что жизнь когда-то скачала.
Ветра порыв вдали, как зверя былинного посвист.
Время – оно бесконечно, но здесь я ближе к началу.

Всё гуще жижа. Всё тверже поступь прилива.
Возвратно-неотвратима, как часто свойственно славе.
И может я, как вода, тоже буду счастливым,
если только сумею это себе представить.

Нынче пасмурный день.
Самое время на
плетень набрасывать тень,
чтоб выветрилась она.

Маршрут плодотворно хмур.
Роняет под ноги слова
испытанный терренкур,
бредущий под номером два.

Но вечер, неожиданно чист,
развеял марева муть.
Как будто бы новый лист
надеется перевернуть.

Закат, как всегда, спасёт.
Ему, за то, что он есть,
прощаешь избыток красот
и первобытную спесь.

Он будет опять и опять
в угоду прядям седым
воздух испепелять,
переводить в дым.

Сладкий холодный огонь
щедро омоет рот.
Может, добрый кагор
разом тоску уймёт.

А горизонт – как плач.
Кровь его так горька,
словно вытер палач
лезвие об облака.

Плыву сквозь дождь. Слепые брызги боли.
Подтёки на космическом камзоле.
Зачёркнутые строчки как года.
Без сожаленья в их впиваясь мякоть,
так толком и не выучившись плакать,
произносить пытаюсь – Никогда!

Пусть хлещет дождь обильно и бесстыдно,
сквозь пелену его так ясно видно –
другие даты, дни календаря.
Всё, что во мне всплывает неизменно
почти с другого края Ойкумены,
рефреном кратким – жизнь прошла не зря.

А дождь как давним астраханским летом,
пронизанным скуластым жарким светом,
румянцем смуглым местных юных дев.
Преодолеть взаимное смущенье
пытались мы, искусством оболыщенья
ещё не в полной мере овладев.

В сознании исполненного долга
вперёд текла и разветвлялась Волга.
Расслабленно скользнувши в самый низ,
тогда ещё не понимая, где мы,
(теперь я точно знаю, что в Эдеме),
по грудь в воде среди лотосов паслись.

И тут он налетел, внезапный, светлый,
весь осенённый благодатным ветром.
Казалось, что случаен он. Но вот –
в сознании подробно перемолот
бред бытия, души смертельный холод.
А этот дождь – он до сих пор идёт.

Родина моя – Евбаз!
Вот ответ на ваш вопрос,
почему я Жидкоглаз.
Жидконос. Жидковолос.

Говорят, что был Исход.
Кажется, ещё Завет.
Всё давно прошло, и вот
нынче и в помине нет.

Наш Отец настолько дряхл,
что не может ничего.
Время обратилось в прах.
На престол взошёл И.о.

В глубине священных книг
то ли сказка, то ли быль.
Но, когда вникаешь в них,
то глотаешь только пыль.

И от нестерпимых уз,
и от бесконечных дум
помутился и обрюзг
мой не больно крепкий ум.

Как мечтал один Арап –
дескать, «тленья убежит»!
Но судьбою смерть поправ,
Вечен в мире только Жид!

Жизнь несущий на весу.
В душу тесно облачён.
Что скитается всюду.
Проклят. Этим и прощён.

Ну, а я уйду туда.
В царство призрачных теней.
Понимая, никогда
больше не увижусь с Ней.

В рай довольно узок лаз.
Но, похоже, кончен рейс.
Как ты там, родной Евбаз?
Я уже на месте. Хвейс!

Что же, Отче, Твоих щедрот,
Как и все, удостоен я.
Лишь глоток мне остался от.
Ничего не осталось для.

Так что времени вопреки,
Всё почти испытал на веку,
Разбираешь черновики,
Но никак не найдёшь строку.

Ту, что сможешь перебелить.
Постепенно спускаясь вниз,
Неизбежно теряешь нить.
Соглашаешься на компромисс.

На вполне равноценный обмен
Журавля – на синицу в руках.
Ведь, по сути, – что светлый тлен,
Что такой же, пусть чёрный – прах.

Сколько можно вокруг кружить,
Уповая на сдачу дней.
Поневоле приходится жить.
По неволе – Твоей и своей.

Если в клад превращает хлам
Этот самый призрачный свет.
Горизонт по-прежнему там,
Где его, как известно, нет.

ВЛАДИСЛАВА ИЛЬИНСКАЯ

Одесса

Поэт. Родилась 11 февраля 1984 года в Одессе. Училась на филологическом факультете ОНУ имени И.И. Мечникова. Стихи писать начала с шести лет. Тогда же публиковалась в газете «Вечерняя Одесса». С 2010 года – член Южнорусского Союза Писателей.

На сегодняшний день имеется множество публикаций как в одесских, так и в международных литературных изданиях: «Меценат и мир» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Южное Сияние» (Одесса), «Октябрь» (Москва), «Новая реальность» (Челябинск), «Литера_Днепр» (Днепропетровск), «Ренессанс» (Киев) и т.д., в коллективных сборниках – «Провинция у моря – 2013» (Ильичевск), «Пять» (Одесса). Стихотворения публиковались также на различных сетевых ресурсах – «45-я параллель» (Ставрополь), «Гостиная» (Филадельфия), «Великороссь» (Москва), «Ликбез» (Барнаул), «Авророполис» (Одесса), «Что есть истина?» (Лондон) и др.

Шорт-листёр Международного литературного конкурса «Согласование Вре́мён» (2010). Лауреат литературного фестиваля «Славянские традиции» (2011). Лауреат литературной премии им. Ю. Каплана (2011). Участник от Украины Первого Международного Сопевания Молодых Писателей в Переделкине (2011) и Фестиваля Русской Литературы в Украине (2011). Лауреат поэтического конкурса III Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2013» (основной конкурс – 3 место; поэтри-слэм – 2 место). Финалист VI Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2014». Член жюри IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014».

Автор поэтической книги «Игры разума» (2014).

30 ШЕКЕЛЕЙ

так, как ветер вздымает новые паруса,
так, как воздухом наполняется парашют –
он стремился ворваться в сказочный райский сад,
забывая о том, что сначала положен суд.

а когда над каналом свешивалась луна,
ему снился тот, кто однажды его спасёт...
убиенных своих нашептывал имена,
забывая о том, что за это представят счёт.

только утро всегда приносило такую муть,
что простить себя никаких не хватало сил...
день за днём проходил он тот же порочный путь,
забывая, о чём недавно ещё просил.

день за днем, постигая суть своего стыда,
он скитался по миру, прячась от пустоты...
правда, даже самые мудрые города
забывали о нём, не успев от шагов остыть.

и когда, наконец, случился тот самый суд
и спаситель ему представил тот самый счёт,
тридцать шекелей – знал он – точно его спасут,
тридцать шекелей – это мелочь, Искарriot.

то ли торс лоснится, словно литая сталь,
то ли просто сухой и стройный суровый стан.
закрывай глаза и послушай, каким ты стал,
а потом открывай и спокойно считай до ста.
и тогда никто не сможет тебя достать...
выключай идиота – прыгай в ближайший люк,
напоследок отметься хоть бы вон в тех кустах
и попробуй не выбрать название кораблю,
ведь тебе умирать с его именем на устах,
защищая нательный завет твоего креста:
не кради и не лги, не жадничай, не подставь.

ПАНДОРА

она лежит прекрасна и грустна,
она лежит без отдыха и сна,
она лежит и смотрит, как волна,
беснуясь,
набирает обороты

а под неё стекаются года
внутри неё полощется вода,
которая затопит города
по щучьему
велению
природы

утопленников всплывшие глаза
осмотрят сверху опустевший зал:
им многое захочется сказать,
им многое
захочется
послушать

сквозь толщу изумрудного стекла
ворвётся малахитовая мгла
и от неё родятся Тишь да Гладь,
которые
родят
Другую Сушу

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

время вытекает из-под лопатки соседского малыша,
играющего в песочнице. вытекает на прозрачную улицу,
переливаясь в первых лучах весеннего солнца
и если ненадолго остановиться и прислушаться,
можно услышать, как вырастает первый куст можжевельника
на склонах ещё никому не нужного полуострова,
как выползают на каменистый берег рыбы
с прозрачными головами,
как в ритуальном танце сдвигаются
и сдвигаются тектонические плиты,
высвобождая потоки раскаленной любви,
которая создаст и уничтожит стеклянную бесконечность
всего за несколько мгновений
до следующего большого взрыва...
мы с тобой временно обитаем внутри неё
и стремительно приближаемся к тому моменту,
когда придётся стать маленькими бестелесными песчинками,
чтобы перебраться по узкому тоннелю на другую сторону
и всё, что мы можем друг другу дать –
немного надежды на то, что там
уже не действуют
законы
гравитации...

ВОБРАЖАЕМОМУ СЫНУ

всё начнется со света и им же кончится...
и пока твоя матушка в родах корчится,
ты впервые поступишь не так, как хочется,
покидая уютный мир.
из него выползаешь, как будто из лесу
(оторвавшись от самой надежной привязи)
в ледяные тиски мирового кризиса,
дикарём – на роскошный пир.
поначалу ты нем и не знаешь правил, но
не бойся, тебе объяснят, как правильно
нужно жить, чтоб тебя подключили к кабелю,
раздающему барыши.
реверансами будет намного проще, но
когда ты поймёшь, что везде непрошенный –
обнаружишь внезапно себя на площади,
среди груды горящих шин.
можно делать что хочешь, и жить по совести,
пребывая в тактической невесомости.
не просить и не спорить, ни с кем не ссориться,
посадить свой контрольный бук.
всё, что ты в этот мир принесёшь хорошего –
обернётся в итоге троянской лошастью,
и ты вновь очутишься на той же площади,
проклиная свою судьбу.
расширяется космос, планета вертится,
продолжает надежда оттуда черпаться,
и я знаю, родной, как тебе не терпится
доказать мне, что не права.
твоя матушка просто трусиха, нытик и
переевшая этики да политики
на сегодняшний день может стать родителем
лишь красивым своим словам.

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

Одесса – Москва

Поэт, прозаик, журналист. Родилась 31 июля 1951 г. в Одессе. Окончила исторический факультет Одесского университета. В советские времена публиковалась в самиздате Подмосковья и Ленинграда. Первая публикация в Одессе состоялась в 1991 году, в коллективном поэтическом альманахе «Вольный город» (составитель – Юрий Михайлик).

После перестройки вышли шесть книг стихов и прозы. Первая из них – «Жизнь тому вперёд» (1995) – переведена на английский язык, следующими книгами стали – «Твоими молитвами», «Дебют на прощание», «Божий человек, книга про всё хорошее», «Семь встреч с Богом», «Идёт по улице война».

Произведения публиковались в энциклопедиях и антологиях России и Украины, в периодической печати России, США, Украины, Германии, Франции, Венгрии, Израиля, в т.ч. в журналах и альманахах: «Знамя», «Арион», «Октябрь», «Крещатик», «Юность», «Нева», «Футурум АРТ», «Бельские просторы», «Меценат и Мир», «Журнал Поэтов», «Вестник Европы», «Дон», «Византийский Ангел», «Крещатик», «Соты», «Окно», «Русский переплёт», «Черновик» (Нью-Йорк), «Гостиная» (Филдельфия), «Артикль» (Тель-Авив), «45-я параллель» (Ставрополь), «Ликбез» (Барнаул), «Пассаж», «Горизонт», «Одесса», «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса).

Член PEN International (русское отделение), Союза писателей Москвы, Южнорусского Союза Писателей, Национального союза журналистов Украины, Конгресса литераторов Украины. Член жюри Член жюри IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014». Зав. отделом прозы литературного журнала «Южное Сияние».

ПОЛОСА ПРИЛИВА И ОТЛИВА

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПОХОЖА НА ЛЮБОВЬ

Я стала путником чужих высот,
поверила, что высота спасёт
от сорванных засовов и ворот
распахнутых, но ошибался тот,
кто мне внушил надежду на победу.
В разбеге подворотен вижу страх,
на светлой колокольне – тлен и прах
и звонаря, зовущего к побегу.

Нет, не полёт слоистых облаков
и не озноб октябрьских листопадов,
а старой страсти новый поворот
предчувствую, и таинством дышу,
настоянным на зерни русской речи:
о, суеверное предошущенье встречи
с тем, о котором помню и молчу
под куполом, где случай гасит свечи.

Действительность похожа на любовь –
растёт печаль, перерастая боль
рождения свободы и отваги.
Здесь прадеды склоняли долу стяги,
здесь мать молчит, и здесь горит звезда
над местом горним, на священной плахе,
где Иоанна никнет голова
к суровой окровавленной рубахе.

*

Словам нечаянным и тесно, и темно.
Здесь завязь зреет и таит загадку:
что мой вопрос? Что я впишу в тетрадку?
Как спрячет солнце в глубине мороз?
Я новичок простуженного лета.
Я ласточка с надломленным крылом.
Улитка, выющая уютный дом.
Я – это ты, шагнувшая за veto!

*

Нет. Не прошу ни зноя, ни прохлады, ни тесноты заплечного жилья.
Улыбка я и только свету рада, я акварельной кисточки игра.
И, может, в этом синем куполе, где холода слоится нить,
откроется окно, как обморок, чтоб мне гнездо, по-птичьи, свить.
Луч солнца, паутинка света, и день за днём, за вехой веха,
Свою судьбу, как неба эхо я буду петь. И стану жить!

*

А я боюсь разреза резкого, когда вдоль крыльев маховых
вдруг брызнет кружево небесное, замрет на миг –
то девочкой, то птицей, то сном, который снится.
Но крылья сомкнуты, и небо уже прорезано насквозь –
непостижимое. И мелкое, что на «глазок», что на «авось».
И, может в этом странном куполе, где жизни провисает нить,
щель образуется? И ласточкой своё гнездо там стану вить...
А в этом творчество и мука: из безразмерности пространства –
вдруг – вырваться пугливым звуком! И тем нарушить постоянство.
О, баловница, чудо, девочка! «жизняночка и умираючка» –
быть может, главное у неба – твоя игрушечная ранка!

*

Все междуречья наши – связки
разрозненных событий. Судеб.
В которых ты. В которых я.
Не помним то, что – будет.
Никак из времени не выпрыгнуть –
чтоб слово верное сказать.
(Юг манит но – отец так холоден!
И – молится на север мать) –
ах, детское сердце остыло.
И все глаголы временят.
И матери (в коротких платицах)
о нашем прошлом говорят.

*

Жизнь без сносок и без правок приведёт прямой дорогой
в лес густой, где каждый ствол на тебя глядит в упор.
Пустотелые берёзы внемлют голосу пустому,
пусто небо над поляной, где лишь папоротник густ
да боярышника куст...

*

Представь, это – только набросок.
Чтоб слово цеплялось за слово,
тебя поднимало и словно
вы – тя – ги – ва – ло
до небес
в придуманный начерно лес.
А может, всё вовсе иначе.
Вот иволга жалится, плачет,
а воздух мерцает, маня.
И я – это только мелодия.
В сосне зазвеневшая,
вроде бы...
Я – только другая история,
рассказанная – для тебя.
В ней главное небо и лес.
И тот человек, что исчез.

*

...Они живут как птицы на руке.
Мелодика их речи такова,
что можно предсказать:
пройдёт забвенья ночь,
и снова всплески рек,
и снова говор роц,
и снова птичий щебет на руке
у Господа, от мира вдалеке.
И, может быть,
живая эта жизнь
известна
лишь поэтам и влюбленным –
смеющимся, упрямым, окрылённым.
Бог даст им сил на долгие лета,
чтоб птичий жил язык,
чтоб эта му - зы - ка...

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

Москва

Поэт, прозаик, литературный критик и переводчик. Родился 14 марта 1930 года в бессарабском селе Ташлык (ныне Каменское Арцызского района Одесской области) в болгарско-армянской семье. Детство К.В. Ковальджи прошло в Кагуле, Аккермане и Одессе.

В 1954 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал журналистом в Кишинёве (1954-1959), консультантом в правлении Союза писателей СССР (1959-1970), зам. главного редактора журнала «Советская литература» (на иностранных языках) (1970-1972), зав. отделом журнала «Литературное обозрение» (1972-1977), зав. отделом критики журнала «Юность» (1977-1990), главный редактор издательства «Московский рабочий» (1992-2000), с 2001 по 2013 гг. – руководитель программы интернет-журнал «Пролог» (Фонд СЭИП), с марта 2013 года – главный редактор журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А».

Публикуется как поэт с 1947 года. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Континент», «Октябрь», «Юность», «Огонёк», «Арион», «Нева», «Южное Сияние» и других. Автор ряда книг стихов: «Испытание» (1955), «Голоса» (1972), «После полудня» (1981), «Книга лирики» (1993), «Невидимый порог» (1999), «Тебе. До востребования» (2003) «Зёрна» (2005), «Избранная лирика» (2007) – и прозы: роман «Лиманские истории» (1970), «Свеча на сквозняке» (1996), «Обратный отсчёт» (2004). К 80-летию писателя вышло «Литературное досье. Кирилл Ковальджи» (2010). Сборник новых стихотворений «Дополнительный взнос» (2012). «Моя мозаика, или По следам кентавра» (2013). Переводил поэтов Молдавии – Андрея Лупана, Ем. Букова, Г. Менюка, П. Боцу, а также поэтов Румынии – М. Эминеску, Дж. Кошбука, Н. Стэнеску, М. Сореску, М. Динеску, Лео Бутнару и др.

Из литературной студии Кирилла Ковальджи вышли Иван Жданов Александр Ерёмченко, Юрий Арабов, Нина Искренко, Алексей Парщиков, Владимир Тучков и другие известные фигуры литературы конца XX – начала XXI вв.

Член Союза писателей СССР (1956), секретарь Союза писателей Москвы (1992). Член Русского ПЕН-центра. Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2006) Член Южнорусского Союза Писателей (2013).

Чтоб отброшенным быть в предысторию,
ночью нужен простой предлог...
В современной санатории
отключился электроток,
вот и стали мы первобытными...
Но, пожалуй, нехстати пример:
вовсе не были беззащитными
первобытные в мире пещер.
Это нас пугают горы и степи,
ночь, где зверь появиться не прочь...
Это наши чины и учёные степени
слабонервным не в силах помочь.
Современники, сбитые толками
о технической слепоте,
не хотите ли тихими толпами
встать и слушать стихи в темноте?

Ну, как вы там в раю? В неведении, что ли,
что существует ад и вопли вечной боли?
А под землёй вулкан – не видно сквозь асфальт?
В большие города с неоновым фасадом
вползают смертники, а с майским райским садом
соседствует Содом и Бухенвальд!
Не слышит ухо и не видит око
хотя бы одного
среди толпы
пророка!

Поликлиника у ресторана,
старые московские дворы,
девочки, сошедшие с экрана –
наши параллельные миры.

Банк с охраной – пред воротами рая? –
а под ним – для грешников – метро.
Параллели: в казино играя,
верить в справедливость и добро!
Параллели: храмы и постели,
и гламур у дураков и дур;
берегись – нанижет параллели
молния на огненный шампур.

Параллели – словно рельсы к цели,
вместе и не вместе – визави...
Так ещё ни разу не болели
параллели возрастов любви.
Помогите, Лобачевский, Риман –
точки встречи больно далеки!
Мир – улитка. В круге обозримом –
петли, завитки и узелки.
Параллелям вверенным не верьте,
прямым пора пересмотреть.
То ли вихрем ты – к небесной тверди
то ли смерчем ты – в земную смерть.
Но о параллелях и спиралях,
о мирах, сокрытых про запас,
о глубинах и духовных далях
свет лазурный знает лучше нас.

ТОТ САД

В том краю – раю – где тигры и ягнята,
я не виноват и ты не виновата.

Встречам расстояния послушны,
поцелуи истинно воздушны.

Кланяются нам лиса и косялапый
в том краю – раю – где мама с папой.

Нет времён и песенка не спета,
Никаких желаний, кроме света.

В том саду на детские хлопушки
разобрали атомные пушки,

в том краю, как в клетках зоосада,
как бы человеки – чада ада –

деспоты покоя тщетно просят,
обезьянки им орешки носят, –

райские не знают обезьянки
нашей человеческой изнанки,

от какого – удивляются – укуса
каплет кровь из раны Иисуса...

ТЫ БЕЛКОЙ В РОССИИ БЫЛА

Ты белкой в России была,
доверчиво-дикой была ты,
была ты ручной и крылатой,
крылатой, не зная крыла;
летела в лесные палаты,
где рдели сквозные закаты
и молча сгорали дотла.

Пушистый комочек тепла,
ты жалась во мраке дупла,
когда октябри моросили,
не знача ни бедной России,
ни боли сознания, ни зла.

Я знаю: теперь и когда-то
ни в чём не была виновата, –
за что и откуда расплата,
зачем с пепелища заката
летит золотая зола?

Россия, Россия, Россия...
Постой, надвигается мгла;
я сна не увижу красивей,
чем тот, когда в бедной России
ты белкой лесною была.

Откуда удары набата,
чья это беда и утрата,
по ком это – колокола?
По веткам горящим бежала,
сквозь пламя – живая стрела...

В глазах твоих отблеск пожара,
неведомой боли игла.

ЛЕОНИД КУЛАКОВСКИЙ

Ильичёвск

Поэт и прозаик. Родился в селе Дальник Овидиопольского района Одесской области 20 сентября 1965 года.

Победитель поэтического конкурса-посвящения Эдит Пиаф (2012). Лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «ЯЛОС – 2013» (1-е место в номинации «Тайный гость»). Лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «Чеховская осень – 2013» (2-е место в анонимном конкурсе одного стихотворения). Лауреат областного литературно-музыкального фестиваля «Осень в Бирзуле – 2013» (Котовск).

Стихотворения печатались в журналах «Твои стихи» (Киев), «Склянка часу» (Канев), в коллективных сборниках «Берег» (Ильичёвск, 2005), «Формула осени» (Новокузнецк, 2012), «Планета друзей» (Ялта, 2014), «Провинция у моря – 2013», «Провинция у моря – 2014», в международных альманахах «Вахтенный журнал» (Одесса), «Скифия» (Канев) и др. Автор поэтических сборников «Мои меридианы» (2008) и «Пространство многоочий» (2014).

Член Украинской ассоциации писателей (2012). Председатель литературного объединения имени Владимира Домрина (2013).

ТАМ

*А по крестам стекают солнечные слёзы
И застывают, превращаясь в купола.
Алексей Котельников*

Где слезами солнца древний зодчий
отогрел миры сердечных стуж,
там душа тихонько слезоточит
посреди таких же скорбных душ.

Время мчится, дни сменяют ночи,
а сомнений дух, как был – колюч,
и душа, как прежде, слезоточит,
и ржавеет откровений ключ.

Стуком в двери, шифром между строчек
к нам взывает праведный банкир,
а душа всё также слезоточит.
Видно, так устроен этот мир –

то ли сеть крепка – никак не рвётся,
то ли – просто мокрая душа.
Но однажды всё перевернётся
от небес до пыльного гроша.

Вдруг поймёт душа, срывая сети:
вера – справедливый казначей...
Там под куполами солнце светит
даже самой лунной из ночей.

СТО ПЕРВЫЙ

На небе, опечатанном Луной,
притих в своём величьи Млечный Путь.
Я признаюсь в любви тебе одной
в сто первый раз и не смущён ничуть.

Ничуть. Никак. И нет на то причин.
И места нет в душе для мук и ран.
Я говорю. Вселенная молчит.
И только зорко бдит Альдебаран.

И жизнь волшебной кажется такой,
когда в сто первый раз, как прежде, тобой,
когда, тот самый, сладостный покой
на сердце, опечатанном тобой.

ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ

Я свободна. Уже и присно.
Хоть бери и сейчас лети.
Понедельник – не худший признак.
Хуже – просто вот так уйти:

не допив из хрустальной чаши,
не допев «Голубой вагон»...
И на небо, увы, всё чаще,
почему-то из тела «вон».

Некрасиво жалеть о прошлом
и за лучшим идти вперёд.
Просто жить, как ни странно, пошло!
Или логика подло врёт?

Бог войны прямо в лоб сегодня
проскрипел на манер чинуш:
«Песни очень вредны. Свободна.
Здесь не место для светлых душ!»

Ладно, если б не «вышла рожей»...
И не факт, что уже пора...
Войны, видимо, все похожи –
слепы лучшие снайпера –

им не важно кого на мушку,
если жизни медяк цена.
И не снимут с кого-то стружку –
за стеною опять стена...

Ухожу. Улечу повыше
всем, всем, всем и себе назло!
Здесь в краю снежно-пенных вишен
не особенно мне везло:

то случилась не та эпоха,
то эпоха пошла на слом,
то банально стабильно плохо,
но стабильно цветёт шансон!..

Надоело! Лечу и точка!
Словно проданный самурай!..
До свидания оболочка,
здравствуй, солнце, нирвана, рай!

Рада новому горизонту.
Но в пятнистых степных снегах
окровавленный вижу контур,
и страшусь в нём узнать себя!..

ГОРЯЧЕЕ

*...сердце моё, остынь.
Марианна Казарян*

Редких удач хвосты
в прядь неудач сплелись.
Поздней любви мосты,
рухнув, упали в высь.

Август. Скрипят снега.
Тужится нерв струны.
Брошенные стога
воют на серп луны.

Села душа на мель.
Чувства съедает соль.
Каждая строчка – в цель.
Каждая точка – боль.

ДЕСЯТЬ ПО РИХТЕРУ

К полуночи, как в страшном сне,
на смену лёгкой лихорадке,
под стойкий рокот в глубине,
пришли земной утробы схватки.
Им было «легион» число.
А может – сто – не в этом дело.
Округу до утра трясло
И что-то яростно гудело
так, словно, угодив в острог,
рассвирепевшие титаны,
стремясь преподнести урок,
рева натужно и гортанно,
ручищи вырвав из петли,
нещадно всё круша и руша,
из тела вздыбленной земли
вытряхивали в небо душу.

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН

Кыштым

Поэт, прозаик, драматург, критик.

Родился 6 сентября 1972 году в г. Озёрск Челябинской области. С 2005 года живёт в г. Кыштым Челябинской области.

Дважды финалист премии «ЛитератураРентген» (2005, 2006). Полуфиналист международного литературного конкурса «Тамиздат» (2007). Лауреат уральского фестиваля поэзии «Глубина» (2007). Лауреат литературной премии «ЛитератураРентген» (2007) в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии). Лауреат литературных премий журналов «Дети Ра» (2008), «Зинзивер» (2010) и др.

Куратор проектов культурной программы «Антология», других литературных премий, фестивалей и семинаров. Учредитель и издатель нескольких антологий, книжных серий, альманахов и журналов: журнала актуальной литературы «Транзит-Урал», литературно-художественного фонда «Антология», фестивалей «Новый Транзит» и литературы малых городов им. Виктора Толокнова. Главный редактор литературного журнала «Новая реальность».

С 2008 года координатор независимой поэтической премии «П». С 2009 – организатор и куратор евразийского журнального портала «Мегалит» (promegalit.ru), объединяющего десятки литературных изданий.

Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Крещатик», «День и Ночь», «Аврора», «Нева», «Дети Ра», «Воздух», «Знамя», «Гвидеон», «Слово\Word», «Шо», «Эмигрантская лира», «Text only», «Топос», «Полутона», «Зинзивер», «Футурум Арт», «Журнал ПОэтов», «Новые облака», «Южное Сияние», в «Антологии современной уральской поэзии: 1997–2003» и др.

Автор сборников стихов «(В)водный ангел» (2005), «Анатомия» (2006), «Я полагаю что молчанья нет» (2007), «Кыштым: избранные стихотворения 1999-2008 годов», «Пойми, никто не виноват» (2010), «Маргиналии» (2011), «Летающий пёс» (2012), «Отидо: черновики 2013 года» (2013).

Член «Союза писателей Сибири» (2011), «Союза писателей XXI века» (2011), Южнорусского Союза писателей (2013).

Всё становится прозрачным,
если отмиранье ты
начинаешь, выдыхая свой/не свой
корявый мир.

Всё становится ребёнком,
тёплым садом и – водой
распрямяешься негромко
меж Миассом и Турой,

Всё становится зефиром,
мятною травой в устах,
отголосками эфира,
зablуждёнными в углах.

Всё становится прозрачным,
но стеклом, в котором ты
умиранием оплачен,
[как] колодцы и цветы.

И – пройдя до половины
смерть свою – из поллой тьмы
катишься – как будто мячик,
чьи черты теперь честны.

Сергею Ивкину

Там, где тяжёлая вода
клонится головою
в рыбачьи сети, никогда
не плыли мы с тобою,

но сохраняли тишину
внутри её воронок,
где опрокинутая соль
плывёт сквозь свет поломок

тяжёлых нами, как длина
воды из рыбной сетки.
А что вина? не тяжела –
поскольку не ответить

пока не станешь рыбой ты
и хлебом на пригорке,
когда воды две головы
растут из землеройки,

там, где [тяжёлый самый] свет
в мои сочится плечи
с сетей рыбацких и горчит,
и сад подземный лечит,

откуда машет мне рукой
моя на свет обида,
как ящерицы пустой ковчег,
что из воды им сшита.

Однажды в реку мы сойдём,
как бы с ума – нестрашно,
и станет лёгкими вода
что будет нам неважно.

И обретёт нас этот сад,
и обретёт свой конус
[теперь обратный] тишины
невероятный голос.

ИМИТАЦИЯ РАЯ

Александр Поповскому

Красиво так звучит Еманжелинск –
почти земля, что за пчелой летит,
что всходит Богом из его глубин,
где он по-человечески один.

Теперь уже он здесь не одинок,
но узок – если встанешь на порог
то станешь дверью и вахтёром – чай,
не чаял ты того? давай – прощай,

красивый этот, как жужжанье птиц,
где Бог вдоль состоит из наших лиц
и шуруется – как будто вновь на свет
попал, как дырка, брошенная в степь,

и возведённая, как ангела провал,
которого никто здесь не искал,
которого невидимый скелет
нам вероятно что мешает умереть

от счастья здесь родиться – в смысле в рой
его войти. Ты книгу здесь закрой
и расскажи, как плакала вода,
что жизнь дана, увы, нам навсегда,

что повод есть ей плакать, что в тоске
она не уподоблена себе,
царапками всё трёт свои глаза
чтоб наконец-то протекла река,

но вертикальный взгляд свой позабыв
пчела сквозь тень свою в дыре летит
и лижет пальцы, как Еманжелинск,
и раздаёт, как милостыню, визг

пилы, что циркулирует, как кровь
и – даже страшно повторить – любовь
которая качается внутри
качели этой – снова повтори,

что здание напротив – это рай,
что пёс кирпичный [сколько не играй]
всех ангелов приносит на слюне
в Еманжелинск, а далее – везде.

СЫСЕРТЬ

Алексею Сальникову

Снегопад тысячеглазый
[босоглазый и косою]
переходит тьму два раза,
шелестя шестой ногой.

Косит воздух и направо
песню водит, с поводком
повода теперь не надо,
и летит над небом клён.

– Древо жизни, древо жизни!» –
голубь там или птенец?
Небо сводится к отчизне,
где идёт [тебя] конец,

где прядёт из снегопада
тот, что к нам из тьмы грядёт
с белым венчиком из ада –
в смысле с крыльями из роз,

и, когда нас всех докурит
здесь балканская звезда,
стрекоза в лицо убудет –
без остатка, навсегда.

И сидит Бажов в Сысерти,
крутит в слайдах из потьмы
жизнь, что состоит из смерти,
свет, что – вид из темноты,

где войдёт в любую ранку
этот спелый снегопад
ранено на свет упавший,
дереву клыки разжать.

Андрею Таврову

Дудка светлая, июнь,
завершаешься пичугой –
человека пройден круг
неспасительный испуга.

Дудка, светлая в цвету,
переменчивей мелодий
всех своих, стоит в меду
несвершившейся погоды.

Вот угодыя все твои,
вот охота и гнездовье,
вот твой выдох, вот мой штрих
тела, что совсем условно.

Безусловный звук во рту
у синицы или капли –
спишь и зреешь, как зерно,
дудка белая, как цапля.

ЕЛЕНА РОСОВСКАЯ

Одесса

Поэт. Родилась в 11 ноября 1972 года в Одессе. Окончила филологический факультет Одесского государственного университета им. И. Мечникова и Экономический колледж.

Стихотворения опубликованы в журналах «Южное Сияние», коллективных сборниках «Лит-Ё», «Провинция у моря – 2014», интернет-порталах «45-я параллель», «Авророполис» и др.

Победитель Основного поэтического конкурса и Анонимного конкурса одного стихотворения на IV Международном арт-фестивале «Провинция у моря» (Одесса, 2014). Победитель IV Международного литературного фестиваля «Шорох» (Симферополь, 2014, 1 место в номинации «поэзия»).

Член Южнорусского Союза Писателей (2014).

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГУДВИНА, НЕКОГДА ВЕЛИКОГО И УЖАСНОГО

Это точно случится в обычный январский день,
ты проснёшься и вспомнишь, что Элли ушла с Тотошей.
за стеной у соседки собака и плач детей,
а тебе повезло – ни детей, ни собак, ни кошек.

тишина, тишина, ни фм ни другой волны,
сигареты, журналы и финики – три уродца.
разливается чай, как таинственный Белый Нил,
тараканы ползут к холодильнику, словно к солнцу.

ты проснёшься, Страшила сгорел, Дровосек утоп,
изумруды бомжи растащили и город умер.
день январский похож на обычный дешёвый гроб,
он такой же, как день в октябре, или день в июне.

заколочен балкон, потому что туда нельзя,
и оттуда нельзя, потому что душа больная.
телефон замолчал лет тринадцать тому назад,
одноклассник-приятель уехал с семьёй в Израиль.

ты проснёшься. беда не придёт, не придёт никто,
За стеной у соседки начнётся программа: будни.
на полу нарисуешь свой тысячу первый торт:
с Днём Рожденья, «счастливый» волшебник, Великий Гудвин.

МАШЕНЬКА

Все детали сегодня важны, потому что
Будет Машенька ёлку одна украшать:
Черепашки, снежинки, солдатики, пушки
И на самой верхушке оранжевый шар.

Так спокойно, снегурка и дед краснощёкий,
Ни беды, ни еды, только снег и луна.
Очень хочется праздника, пряников, сока,
И немного здорового крепкого сна.

За окошком сиротствуют город и ветер,
А на праведном небе сиротствует Бог.
На земле же хватает гробов и отметин,
Правда, в этом году было больше гробов.

Жаль, чудес не случилось, и Машеньке ясно,
Что подарки под ёлкой – родительский трюк,
Но сегодня под ёлкой дырявая каска,
И уродливый старый угрюмый утюг.

Сон приходит внезапно, целует в затылок,
Время сладкое, будто бы сахар-песок,
Предлагает на выбор: верёвку и мыло,
Или небо, разорванное под шансон,

Под весёлые вспышки и грохот кромешный.
Но за небом дорога из белых камней.
И в саду Гефсиманском молящийся грешник
Так доверчиво смотрит и плачет о ней,

О единственной маленькой глупенькой Маше,
О прощёных убийцах и добрых царях,
О смертельно здоровых и временно павших,
О земле плодородной и мёртвых морях.

И остаться бы здесь, и прилечь под оливой,
И, свернувшись калачиком, плакать о том,
Что сегодня зима и сегодня мы живы
В нашем городе-голоде полупустом.

Но часы замирают от воя сирены.
Сон уходит без боя, сдавая дома.
Маша делит людей на героев и пленных,
На сошедших с небес и сошедших с ума.

Город дышит огнём без единого шанса
Сохранить прежний вид до скончания лет.
Маша кутает ёлку в своё одеяльце
и твердит: мамынетпапынетмашинет...
Бога нет.

АЙСВАЙС

фиолетовый берег, три домика, храм, лесок,
и покой, словно боженька выдал мне «аусвайс»:
мол, податель сего долетал до таких высот,
а потом упокоился с миром, кого-то спас.
мол, податель сего был банально убит, забыт,
обездвижен, оплакан и выброшен в добрый путь.
где смирился, ушёл с головой в безвозвратный быт.
фиолетовый берег, три домика, как-нибудь...
всё по плану, по делу, по правде, по самый крест:
и до жизни, и после жизни, и без неё.
мол, податель сего до сих пор безобразно трезв,
и живёт, и кому-то молится, и живёт.

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Чижик-пыжик – девочка, нос – картошкой,
Две косы да шапочка (мама вяжет).
Не гуляй ты по лесу, лес заброшен.
Не гуляй по городу и на пляже.

Всюду волки тощие (голод – гонит),
Всюду нечисть жадная куролесит.
Не смотри доверчиво на иконы,
Избегай, пожалуйста, тёмных лестниц.

Покидая терем твой, тополь, дворик,
Городок доверчивый в табакерке,
Улетаю с птицами. Вечер. Вторник.
Виновато радостный и бессмертный.

Чемоданы, новости, барды, борды.
День в Марселе – сказочно, ночь в Париже!
По Фонтанке шествую, сытый, гордый,
Напевая весело: чижик-пыжик.

Возвращаюсь, правда, ведь, возвращаюсь
Из заморских гаваней, ясен сокол.
То-то будет радости, жёлтый заяц
В чемодане прячется. Дворик, тополь,

Терем – яма бурая, крестик, нолик,
небо с выпирающей серой грыжей,
и соседский пьяница, тихо воет:
Чижик-пыжик, чижик... никто не выжил.

МАСТЕР. ПОЧТИ ДНЕВНИК

доктор, подскажи который час?
приобщаюсь к голосу и пыли.
магазины до утра закрыли
и закрыли каждого из нас.

доктор, я не думаю о ней,
пью микстуру, и считаю пальцы.
их двенадцать, доктор, их двенадцать!
и не думать с каждым днём больней.

белый шорох, ванна, мой сосед
по ночам скулит и гадит стоя.
чай больничный с горечью алоэ
и в конце туннеля яркий свет.

здравствуй, лампа, мне нехорошо,
на пижаме номер инвентарный.
мой сосед по лестнице пожарной
к богу на свидание ушёл.

доктор, я о ней не помню снов.
начал стоя гадить, стало легче.
время лечит, лечит, лечит, лечит!
здравствуй, лампа, я почти здоров...

МАРИНА САВВИНЫХ Красноярск

Поэт, прозаик. Родилась в Красноярске 9 декабря 1956 года. В 1978 году закончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (ныне – университета им. В.П. Астафьева).

Первая публикация – в сентябре 1973 года (молодёжка «Красноярский комсомолец»). В 1980 году – публикация в московской «Юности» (статья о поэзии Юнны Мориц). Затем стихи, проза, литературоведческие эссе и очерки печатались в журналах «Юность», «Уральский следопыт», «День и Ночь», «Дети Ра», «Сибирские Афины», «Огни Кузбасса», «Москва», литературных газетах «Звезда полей» и «Очарованный странник», многочисленных коллективных сборниках и антологиях. А в 1995 году вышел первый собственный сборник «Фамильное серебро». С тех пор издано девять книг стихов, прозы, публицистики, в т.ч «Res cogitans» (1998), «Глиняный пятигранник» (2001), «Mail.ru» (2004), «Собеседники» (2006), «Горизонты Рожкова» (2008), опубликовано множество статей о творчестве современных русских писателей, предисловия и послесловия к всевозможным сборникам.

Первый лауреат Фонда им. В.П. Астафьева (1994). Лауреат премий журналов «Зинзивер», «Дети Ра» и газеты «Литературные известия». Обладатель краевого Губернаторского гранта за заслуги в области культуры (2008). Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лица (1998 – 2011). С 2002 по 2005 гг. – Председатель Правления КРОО «Писатели Сибири». С 2007 года – главный редактор журнала «День и Ночь». С 2011 г. – член Президиума Международного Союза писателей XXI века. Заслуженный работник культуры Красноярского края.

РУМЯНЕ ВНУКОВОЙ

Претворила дождь в вино благоуханное –
Притворился ворон старцем просветлённым.
Всколыхнулся город льдами и барханами.
Потекли мосты пунцовым да зелёным.

И тогда на дерево, на большое дерево
Посадила стаю птиц с огневыми взорами –
Сторожить летучее, человечье, зверево,
Душу живую всякую над бедами скорыми...

Льётся по небу, звеня, облако скрипичное,
Каплет олово в песок у корней распятых.
Пусть сквозь мёртвых прорастёт зёрнышко горчичное,
И не будет на земле больше виноватых!

То ли там колодезь, то ли банечка...
Ржавое ведёрко на цепи...
Только не жaley Кощея, Ванечка...
Собственного счастья не проспи!
Это всё твои причуды русские –
Жля да Карна в сущности вещей...
А Кощеи – сроду – долгорукие!
Что ни долгорукий – то Кощей...
Не гляди на эти зенки впалые
И не слушай стоны да мольбы...
Видишь, милый, лапы шестипалые?
Слышишь рёв отравленной толпы?
Укrotи сердечное стеснение,
А не то – не избежать беды...
Даже за посмертное спасение
Не давай проклятому воды!

ПАМЯТИ В.М. САВВИНЫХ

Облака расступаются – тихо течёт синева
По ноябрьскому городу в необозримую слякоть.
И сжимается сердце, и глухо болит голова,
И так хочется плакать – и не получается плакать...
Словно небо разомкнуто жерлом к усталой земле,
И тяжёлые длани над общей судьбою простёрты.
Все мы – дети детей – на бегущем во мрак корабле...
И оттуда, из мрака, тревожные ловим аккорды.
Что нас ждёт за пределом? над домом колеблется свет...
И в скудельном сосуде волнуется жизнь молодая.
Старики улетают. Как птицы. Туда, где нас нет,
И куда неизбежно за ними отправимся вслед.
– Не грусти и не бойся, – мне папа сказал, улетаая...

Да – всё отвергнуть или всё принять,
Неся свой крест среди сестёр и братьев...
Так есть и будет: время обнимать,
И время – уклоняться от объятий!

Когда весь мир – театр и Колизей,
Финал – открыт, но финиш – предсказуем,
Бегу подобострастия друзей...
Но ведь Распятый – в кротости своей –
Ничьим не погнушался поцелуем?!

ИЗ АДАЛЛО

Беспечный, как ветер, стремясь за предел,
В алмазное стремя я ногу продел –
И небо рассёк ослепительный свет,
И тайна глубин загудела в ответ.

С тех пор под напором великой тоски
Я мчусь по течению горной реки,
И грохот влекомых потоком камней
Уже в голове не смолкает моей.

И солнца померкли, как детские сны,
И луны разлуки пусты и темны,
А дерзкие мысли не знают узды,
Всё рвутся –
К звезде от звезды...

Бесценный алмаз, из небесных пустот,
Прощаясь, меня твоё сердце зовёт?
Я цели достиг!
Да пребудет со мной
Скрижали твоей покой.

АЛЕКСАНДР СЕМЫКИН **Ильичёвск**

Поэт. Родился 12 декабря 1973 года в Одессе. Живёт в г. Ильичёвск (Одесская область).

Лауреат Третьего международного фестиваля литературы и культуры «Славянские Традиции – 2011» (1-е место в номинации «Поэзия, свободная тематика; 3-е место в конкурсе на приз зрительских симпатий в этой же номинации; 1-е место в Поэтри-Слэм; лауреат международной литературной премии «Славянские традиции»). Лауреат муниципальной литературной премии им. К. Паустовского (Одесса, 2013, 1-е место в номинации «поэзия»). Член жюри IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014».

Стихотворения публиковались в журналах «Дети Ра» (Москва), «Южное Сияние» (Одесса), «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса), «День и Ночь» (Красноярск), «Дон» (Ростов-на-Дону), в интернет-журналах «45-я Параллель» (Ставрополь), «Гостиная» (Филадельфия), «Ликбез» (Барнаул), «Авророполис» (Одесса), коллективных сборниках «Пространство слова. Od.ua» (Одесса, 2010), «Территория I» (Одесса, 2010), «Провинция у моря – 2013», «Провинция у моря – 2014», в альманахе «Меценат и Мир» (Москва) и др.

Автор поэтического сборника «Кризис среднего во» (2012).

Член Южнорусского Союза Писателей (2011) и творческого объединения «Территория I».

ЧОКНУТЫЙ ВОЛЧОК

Центробежно весь напрягся,
Высекая искр пучок
И цвета сливая в кляксу, –
Жизни крутится волчок...

Постигаешь скорость света –
За рывком идёт скачок...
Хоть и трудно будет это –
Сфокусируй свой зрачок:

Всё, чем мнил себя – ошибка!
Думал щука? Нет – бычок!
Но проглочена наживка
И в щеке торчит крючок...

Блеск мечты – за полкопейки!
Видишь ценник-ярлычок
На крыле судьбы-индейки?
Но об этом – ша!.. молчок...

Мы попрятались от правды,
Как горошины в стручок...
...Может, истина в руладах,
Что выводит нам сверчок?..

37

Ощущение – продрог.
Звякну ложечкой по чашке,
чай налью под ободок,
раскушу сухарь вчерашний.
Чокнусь с зеркалом:
– Дружок,
с днём рождения!
Не кашляй...

*Не прошедший ста дорог,
не постигший слова «Бог»,
и на вид – убог, дурашлив...*

Мельтешение в глазах –
тройки крутятся,
семёрки...
Очень жалко, нет туза.
Очень жаль, что руки мёрзнут.
Коньячок?
Так я же – за!
(дорогооой Семён Семёёныч...))

*Если вдаль взглянуть назад –
я уже минул родзал,
запелёнат, крепко свёрнут...*

Приглушённые огни
разгораются не сразу.
После третьей, где-то,
Мир
брызнет радужным окрасом,
будто б Ангел вдруг возник
со словами:

– Вільна каса!

*Давки нет, толпы, возни...
Хочешь, гамбургер возьми,
вроде некого аванса...*

Три и семь...
(да где ж тот туз,
где его собаки носят?!)
Этот возраст мне кургуз,
жёлт и слякотен,
как осень.
Молока горчащий вкус
в перезрелом чуть кокосе...

*Много цифр, да счётчик пуст.
Я себе, наверно, снюсь,
мне от силы, может, – восемь.*

В ИЗУМРУДНОСТЯХ ГОРОДА СТРАННОСТИ ОЗ

Избегать повседневности вылазкой в сны –
Сам себе оберег, сам себе талисман...
А у неба ободранный вид не_весны,
И распоротой дыркой зияет карман,
Из которого падает дождь, то ли снег;
Весь крошась, высыпается стылый мороз...
Ты опять убегаешь, скрываясь во сне
В изумрудностях города странности Оз.
Ах, какая же там неземная весна!
Воздух спел и румянен, и кажется, что
В нас намного реальнее в этих не_снах
Проникает любовь, умножаясь на сто.

УГОЛ

Найти себя не в том углу
По всем канонам здешним – вредно...
Но зеркала помянут вглубь,
Секундной стрелкой пустит время
По отражению круги –
Как будто эта зыбь меня ест.
Мне б оставаться тем, другим,
Но я меняюсь, я меняюсь

Не в лучшую из всех сторон
Стаканом налитого света –
Его губами только тронь,
Чтоб стать бутоном розы ветра,
Раскрыть, рассыпать лепестки,
Отбросить камешки с души на
Все те зыбучие пески,
Что заглушали и душили,
И отразиться на себе
По траектории не круглой:
Неизменившийся субъект,
И во главе всё тот же угол...

Дунет северный ветер, и я разлечусь
Мириадами светлых, но грустных пушинок.
Это лето прощаться со мной поспешило,
Эта осень встала в нас фибрами чувств.

Всё, что плавилось золотом, было, как сон,
Ночь стелилась в ладони – черна, словно метка.
Я цветок, я травинка, я рос незаметно,
Пробиваясь сквозь камни, щебёнку и сор.

Звёзды падали наземь песчинками дюн,
Море нежно светилось, и было над нами.
Ветер, как же непросто подняться до дна мне,
Потому и прошу, дунь, пожалуйста, дунь...

ВРАЩЕНИЕ

Плевать бы на вращение Земли,
Но, в грудь насквозь входящей ржавой осью,
Скрипит во мне предчувствие зимы,
Спонтанно проецируясь на осень.

Фильтрует поворотом белый шум:
Тревожное створожено стихами,
Которых я за год не напишу,
Но чей прозрачный пульс не затухаем.

Казалось бы, вращается, и что ж,
Кардиограмму вяжет нервной спицей,
Но эту ось попробуй уничтожь –
И мой волчок не сможет возвратиться.

ЛЮДМИЛА ШАРГА

Одесса

Поэт, прозаик, публицист. Автор сборников прозы и поэзии «Адамово Ребро» (2006), «На проталинах памяти» (2008), «Билет в осенний день» (2010), «Рукой подать...» (2011), «Повесть о падающих яблоках» (2013), «Яблоневые сны» (2014), «Ночной сюжет новостей» (2015).

Автор многочисленных публикаций в печатных и электронных периодических изданиях, лауреат международных литературных конкурсов и премий. Редактор сайта Творческой Гостиной «Diligans». Член Южнорусского Союза Писателей.

ЯБЛОНЕВЫЕ СНЫ

Вторая седмица месяца,
малиновый выпит квас,
и яблоки тихо светятся,
предчувствуя скорый Спас.
Предчувствуя осень скорую
да ранние холода,
плетёную гладкость короба
да стылую мглу в садах.
Туман заставляет плакать их,
иль знают – обречены...
спят семечки в неге мякоти
и вещи видят сны.
Им, семечкам, снится-верится,
что солнце растопит лёд,
зелёной стрелой деревце
из сонной земли взойдёт.
И всё повторится заново,
и будто бы смерти нет,
и влажную землю саваном
укутает палый цвет...
И в эту седмицу, в августе,
так ночи и дни ясны,
и в воздухе столько благости,
что яблоням снятся сны.

Только-только месяц зарев в окна постучит,
плачут горькими слезами яблоки в ночи.
Прилетает Сирин-птица в яблоненый сад,
и по яблоням струится мёртвая роса.
Птица Сирин навевает долгий морок-сон,
плачет птица – оmyвает яблоки росой.
До полудня плачет Сирин, не жалея слёз,
но оставит светлый Ирий птица Алконост,
и к полудню в сад заветный, в яблоненый сад,
где на ветках слёзы Сирин – мёртвая роса,
принесёт росу живую и стряхнёт с крыла
Алконост – иная птица, песнь её светла.
Тонкой кожицы коснётся чистая роса,
светом яблоко нальётся, просветлеет сад.
В том саду с тобою, ладо, нам бы век гулять,
только яблоки не надо с веток обрывать.
Не срывай до Спаса яблочек, лихо не зови,
разольётся сонный морок у тебя в крови,
стынут слёзы на ресницах – мёртвая роса...
Усыпила Сирин-птица яблоненый сад.

Август негою убаюкал,
уговорами улестил,
но прокралась в ночи разлука,
и слепым дождём шелестит.
Что ни ночь, то заря прохладней,
что ни день – то ночи длинней,
Въедет засветло Авсень-всадник
в сад мой на золотом коне.
Скажет: «Милого не ищи, мол...
не бросай на ветер слова,
на реке – за тихой лощиной –
отцвела одолень-трава.
Ночью сиверко цвет развеял,
и ушли лепестки на дно...
Зиму лютую одолеешь?
Нелегко зимовать одной...»
Нелегко, говоришь... да надо...
Только жизнь, говоришь, права?
Возвернётся весной ладо,
расцветёт одолень-трава...

За рекой, за тихой лощиной,
много ягод – да все горчат.
В пояс кланяясь: «...не ищи, мол...»,
мавкой выйду его встречать.

СЕРДЦЕ АВГУСТА

Тепло до срока лето разбазарило,
не греет солнце – сколько ни проси,
но полыхают зори;
август – заревом
издревле называли на Руси.
И утренник – из ранних – землю выбелив,
таится в оксамитовых лугах,
где сумерек лиловых взгляд погибельный
сочится сквозь полуденный угар.
А зори-заряницы сердце радуют,
медовый воздух будто загустел,
и яблоки в садах ночами падают,
во влажной исчезающей темноте –
под яблоней – в траве – где тишина густа,
где то и дело слышится в ночи,
как падает и бьётся сердце августа,
и замирает...
и опять стучит.

Август ближе к призрачной гавани,
к неизбежности детских снов...
я оттуда на лодке в плаванье
уходила с одним веслом.
Чтоб вернуться, молилась загодя,
за собою не жгла мосты.
И плыла до заветной заводи,
где ни спешки – ни суеты.
До плавучей солнечной пристани,
где ни зим не сочтёшь – ни лет,
только знала, что будут пристально
те, кто любит, смотреть мне вслед.
И, услышав: «вернись... пожалуйста...»,
снова падала наяву
спелым яблоком в сердце августа,
в ночь,
в некошеную траву.

ФИНАЛИСТЫ
ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2015»

ОЛЬГА АНДРЕЕВА
Ростов-на-Дону, Россия

НОВЫЙ АФОН, ПЕЩЕРА

Там солнце рыщет спаниелем рыжим,
но непрямоугольные миры
и первобытный хаос неподвижны
внутри курчавой Иверской горы,
лишь факельных огней протуберанцы.
Не обернусь, но знаю наизусть –
такой организацией пространства
теперь я никогда не надышусь.

Под трещинами каменного неба
неровный серый грубый известняк,
зелёные отметки наводнений,
подземные овраги – и сквозняк
там, где неверной левой я ступала
на твой ребристый серебристый спуск,
в колонию кальцитовых кристаллов,
не раскрывая створок, как моллюск,

от рукокрылых прячась в нишах скользких,
в меандрах холодея на ходу.
Мне скажет Персефона – ты не бойся,
иди, не так уж страшно здесь, в аду.
В энергию застывших водопадов,
в холодный бунт мерцающих озёр,
клыков известняковых эскапады
ты обратишь свой страх и свой позор.

Прошу – «Приятель, убери свой Nikon» –
уже одной из местных Персефон, –
как в храме – ну нельзя на фоне ликов! –
так здесь – нельзя, здесь сам ты – только фон!
Нет воли разозлиться, крикнуть – «тише!»,
их болтовня пуста – да неспроста.
Они галдят – чтобы себя не слышать –
и всё же их спасает красота,

по капле, не спеша, как сталактиты
растут в веках – так в нас растёт душа
Вселенной, так тысячелетья слиты
в спартанский твой космический ландшафт.

А поклониться каменной Медузе
лишь избранным дано – так за алтарь
не каждого пускают. Разве – музы
по кружевным полам, да пара стай

нетопырей. А в карстовых глазницах
звучит орган. Не поросли бы мхом!
И как бы мне в сердцах не разразиться
наивно-назидательным стихом...

СКРИПАЧ

Всё рушится, как планы ГОЭЛРО.
Болит затылок и стораает горло.
Но – шаг за шагом – в мир семи ветров,
в привычном рабстве у семи глаголов.

А как иначе перейти в полёт?
Не подходи. Не тронь. Не нарывайся.
Светло и зло над городом плывёт
мелодия цыганского романса.

В толстовке серой на сыром ветру,
неистово, вульгарно, балаганно
худой скрипач играет поутру –
нисколько не похожий на цыгана.

Мелькают лица, сапоги, пальто,
молчат угрюмо, сонно, дышат паром,
и джинсы-клёш русалочьим хвостом
метут сухую кожу тротуаров.

Природа крепко держит на крючке.
Рвёт струны отголоском урагана
студент с дешёвой скрипочкой в руке,
нисколько не похожий на цыгана.

В нелепой жажде вечного тепла
открыв – такой кефир не всем полезен,
отраву хлещет прямо из горла
сквозь ледяной сарказм рублей железных.

Вокруг спешат – подальше от греха.
Что воду резать – утешать влюблённых...
(Вольфрамовая ниточка стиха
уже дрожит в гортани воспалённой.)

В осенний лес умчался вольный бес.
Со всеми соглашаясь – в знак протеста –
упрямо продолжает свой ликбез
худой скрипач – ревнивый гений места.

...Я это утро сохранить хочу –
как слабое капризное растение.
Укрыть от ветра тонкую свечу
и Вербного дожждаться воскресенья.

*Я люблю одинокий человеческий голос,
истерзанный любовью.
Федерико Гарсиа Лорка*

На изгибе весны, на суставе грозы с потепленьем,
с набуханием почек, паническим ростом травы,
разветвленьем суждений о жизни и воцерковленьем
всех агностиков – к Пасхе, с прощеньем чужой нелюбви,
во младенчестве млечном и солнечном Вербной недели,
сквозь десант одуванчиков в каждый очнувшийся двор
прорастает отчаянно глупое счастье апреля,
просто так, от души, нашей злой правоте не в укор.
Как на скалах цветы – не для нас распускают созвездья
в раннем марте, под снегом, на северных склонах, во мхах –
да кому мы нужны с нашей правдой, и болью, и жестью,
вечной просьбой бессмертия и паранойей греха –
в царской щедрости мокрого парка. Так что ж мы, уроды,
сами сбываться мечтаем своим нерасказанным снам?
Под раскаты грозы пубертатного времени года
в мир, любовью истерзанный, всё ещё входит весна.

ВАДИМ БАКУЛИН
Оренбург, Россия

ТРИ ПОЭТА

*Поэтам – Льву Болдову
(недавно ушедшему из жизни) и
Анне Стреминской посвящается*

В этот двор забрели мы без спроса,
Но калитка открыта была;
И хозяйка, хоть глянула косо,
Нас, незваных гостей, приняла.

Ветви яблоней и абрикосов,
Как шатёр укрывали наш стол.
Нескончаемый дым папиросы
Превращался в седой ореол.

И казалась нам ночь бесконечной,
Точно время текло мимо нас.
Уходя в путь высокий и млечный,
Мы забыли – год, месяц и час.

Мы как будто бы правили миром,
В Коктебельской звенящей ночи;
И дыханье невидимой Лиры
Раздувало нам пламя свечи.

Три судьбы, три огня, три поэта
На задворках убогих, глухих –
Мы читали стихи до рассвета.
Мы читали запоем стихи.

Было трое нас. Третий не лишний,
Если музыкой живы сердца,
Если то, что связало их, выше
Отношений любых – до конца.

КОКТЕБЕЛЬ

Не город, а просто душа,
И чувствую – Бог её слышит.
Тропою иду не спеша
Всё выше...

Вот месяца стрелы – усы,
И тополь в готическом стиле.
И лают бродячие псы,
Но лай их приветственный, милый.

Извилист мой путь, каменист
До дома, у краешка неба.
И звёздами небо сорит;
Как птиц, кормит крошками хлеба –

Горстями сверкающих звёзд...
И в море летят эти крохи.
Задумался старый утёс –
Волошинский профиль.

Желаний хоть сто загадай,
А надо ли? Здесь от свободы
В иной попадаешь ты край.
Где музы поют с небосвода.

Вот падает спелый каштан,
Вот яблока стук; и кивая
Ветвями, мой мудрый платан
Меня, как родного встречает.

Не город, а просто душа,
И чувствую – Бог её слышит.
Тропою иду не спеша
Всё выше...

ПО ОДЕССЕ МЫ С ТОБОЙ ГУЛЯЛИ

Анне Стреминской

По Одессе мы с тобой гуляли...
Лёгкий, свежий аромат аралий...
А платаны душный воздух сжали
В листьях, заострённых, как кинжалы,
Гладких, словно плиты мостовой.
И счастливый взгляд ловил я твой.

Мы на век от времени отстали,
Многого увидеть не успели.
Мы друзей так много потеряли,
Что-то не сказали, не допели...
Погружённые в счастливый сон,
Наши души пели в унисон.

Грозди винограда были рады,
Если заходили мы в твой сад.
Кот – Мурчелка, выпрыгнув из сада,
Как родной, всем видом был мне рад.
Твой, серебряного века, дом...
Знаешь, я когда то жил в таком, –

Толстостенном, и внутри прохладном,
И текла в нём жизнь тепло и ладно...
Взгляд твоей спокойной, мудрой мамы,
Он сейчас – и близок и далёк,
И до слёз трепещет – в сердце самом –
Тёплый украинский огонёк.

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК

Харьков, Украина

Девушка с удочками
на звёздном опрокинутом плоту
закинула волосы-леса в мои объятия, в мои глаза.
Шумят колесницы листьев и витражные голоса
далёких стрельчатых мыслей.
Откуда у тебя это лёгкое дыхание, моя девочка?
Мы лежим нагие на террасе (старое ватное одеяло)
и мошки лёгкого винного перегара
ластятся, облепляют моё лицо.
Город безымянно покоится, как обручальное кольцо
на дне старинной чернильницы.
Над нами шевелится фрагмент склонившегося каштана,
и ночь трещит по швам мелких звёзд,
и луна, словно просроченный пакет с молоком,
вздулась, упругая, грозит вот-вот разорваться.
Откуда эта нескладная грация?
Эта лунная долина с мерцающими ляжками и кошками?
Что бы ты ни делала – готовила борщ, рожала дочку,
мыла свою машину – суккуб в джинсовых шортах –
всё ты делаешь с лёгкостью неопишуемой,
порхаешь стрекозой по минному полю,
перелетаешь с цветка на цветок,
с сапога мёртвого солдата
на треснувший от спелости арбуз.
(А как ты играючи окончила вуз?)
И всё в тебе вращается, танцует и скользит,
вальсирующие пузырьки
несутся вверх – сквозь носоглотку –
к зелёной свободе разбойничьих глаз.

Я хватаюсь за тебя, как тонущий за соломинку
в потном океане глупых тел и ныряющих бензопил,
а игривая девчонка подает руку Голиафу: держись.
И звонко смеётся.
Дьявольская беспечная лёгкость,
свеча танцует под натянутым лезвием гильотины,
и сквозняк ползёт по спине, как едва ощутимый паук ноктюрна.
Я вжимаюсь в тебя всеми астральными телами,
а ты мокрой змеей скользишь вдоль меня.

Откуда в тебе эта хитрая сладость?
Постой, ты куда?
Я подбрасывал мышеловки в огонь.
Думал поймать тебя, поймать пламя.
Грозно махал дубиной перед ветряным лицом,
зыбким, как отзвуки осени.
И – спустя годы – я поднимаюсь на восьмой этаж
(сломался лифт) и ощущаю небольшую одышку.
Где же наше лёгкое дыхание, моя девочка?
Где наших летних ночей
сгущённая, сверкающая в неге плоть?
Тишина рисует на стекле человечка.
И берёза в лунном свечении
забрасывает саму себя в небеса,
полные звёзд, как рыбацкую сеть.

Ну и резанула же – кривыми ножами –
идея возвращения.
Иероглиф чернильной боли на молоке
медленно расплзается по темени.
Кто-то прошёлся вальвулотомом по клапану сердца.
Вернуться? К тебе? Невозможное – возможно? Да ну его к чёрту!
Так грохит скрипку подбородком безумный музыкант,
так удивлённый стекольщик
сдавливает пальцами перерезанную вену,
но музыка пробивается – толчками, сгустками, овалами.
Маэстро, смертельно простуженный временем,
отхаркивает на ноты мелких красных улиток без панцирей.
Голые деревья валятся в ряд под натиском ветра –
валится шеренга из костяшек домино. Идея
вернуться к тебе торчит между лопаток, как шпага
тореадора. Вибрирует тяжёлой уродливой струной.
Стоит ли возвращаться?
Идти сквозь паутину прошедшего
выставив пятерню и сощурив глаза?
Может, и не существует никаких возвращений?
То, что вчера было блюдом со слезами влюблённых,
сегодня – банальность, салициловая кислота.
Я никогда не вернусь – но мысленно делал это не раз,
обвязавшись верёвкой – уходил в буран невозможного,
верёвка натягивалась, скрипели колки тысячи скрипок,
предательски тонко визжал стальной трос буксира.

Может, не стоит тревожить призраков и богов?
Не стоит возвращаться? Возвращение –
ностальгия котлеты по говяжьим ляжкам
и травяной благодати. Каждый третий
здесь инопланетянин. Плотник Йосиф,
построй мне деревянный вертолёт, чтобы смог я вернуться –
инкогнито. На несколько минут
пролететь над замершими в дивных позах днями –
над спящими прозрачными младенцами,
а внутри младенцев цветочными роями
кружатся, беснуются души миров,
утраченных навеки.

Да, люблю я осень! Люблю я писать про это лисье,
трагическое, разбойничье нагромождение гениев.
Из каждой лужи сквозит зазеркалье,
как последние капли во флаконе «Poison».
Наглые белки в парках,
словно вертикальные рыжие ящерицы,
отбрасывают пушистые хвосты
и собираются в наэлектризованные стаи,
а потом набрасываются на прохожих,
не знающих «очей очарованья».
С деревьев опадают не листья, а стихи, не написанные
миллионами несостоявшихся поэтов... Кто им Гомер?
Сколько этих матовых бульк разнеслось по поверхности?
Осень как восемь,
только со сточенным клювом. Ближе к семи
над площадью и вождём сгущается рыба стальная синева.
Вот универ, и скрипач, как снайпер с прицелом в Листа,
пересчитывает мелкие деньги в коробке из-под пиццы.
Но где же герой нашего времени?
Выйди за разум и жди. Он приедет вечером,
пропахший октябрём, кострами и псиной,
на высоком коне, состоящем из Есенина,
святой печени и пятен родимых.
Будет много музыки. Страшной музыки. Бах. Он сдирает кожу
с твоей души, как со спелого персика.
А мы поставим капельницы
с настоящим кагором и лёгкой мелкокалиберной грустью.
Или томлянку из листьев.

НАТАЛЬЯ БУГАРЕ Краснолука, Украина

ИШЕПТАЛАСЬ ВО ТЬМУ

Ишепталась во тьму... Губы-вишни
исклевали печали до ран.
Ты, наверно, вовек не простишь мне,
что не вместе мы пили туман
с ароматом черемухи пьяной,
той отцветшей так рано весной.
...Не ждала тебя в доме саманном,
на скрипящем крыльечке резном.
Ишепталась во тьму... Тихо вторит
ветер, звёзд вороша угольки.
Не делила с тобой счастье-горе,
не спасала из мутной реки,
не тянула из хлябистых селей...
И не жгла пред иконами свеч.
Скоро снегом укроют метели
перекрёстки несбывшихся встреч.
Может, всё же с лучом предзакатным
сам ко мне ты дорогу найдёшь?
Дом узнаешь по крыше в заплатах,
сад вокруг, в пятнах ярких рогож
из осенней листвы златоцветной.
Ею вновь набивает суму
листопад... Я до самых рассветов
в том саду... ишепталась во тьму...

О ЛАДЕ

Густеет небо. Август. Ночь темна.
Крыльцо облито мягким лунным светом.
Присело на ступеньку рядом лето,
как я – босое и почти раздето,
на голове – вихрастых кос кошна.

Умолк хорал лягушек на пруду.
Беззвучно звездопадом брызжет небо.
Белёсый месяц прячется за вербу.
Во мне в такие ночи плачет ведьма,
забывшая исконную волшбу...

Ещё немного – тьмы падёт оплот:
лучи пробьются сквозь тумана кокон,
с небес раздастся дробный конский топот,
и Див придет с Денницей ясноокой,
что за поводья новый день ведёт.

И лего, задремавшее на час,
зелёным взглядом одарит спросонья,
осыпав луг росой, словно солью,
уйдёт неспешно вдаль по чистополю
и осени свои права отдаст.

В сентябрьской позолоте пектораль,
такая же, как я носила в прошлом
поверх рубахи и понёвы с прошвой.
Рассыпаны во мраке знаний крошки,
и я гляжу сквозь тёмную вуаль.

Давно века свернулись берестой,
Где Русь живых богов встречала радо.
Забыты веды, сказы и обряды.
Ушли Перун и Макошь, только Лада
осталась в каждой женщине простой.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Как странно, но окна мои не помыты
осенним дождём, а заплаканны просто.
И ветер горстями мне золото сыплет
на косы.

Где вечер, где утро – уже не понятно.
Опалово-дымчатый полог у буден –
надеждой заштопан, но сильно измятый,
как судьбы.

И сны серо-синие ночью разлиты –
горчат предрассветные алые росы,
их топчут суккубы под видом Лолиты
раскосой.

Тревожно шумят чуть охрипшие ветры,
а море рождает цунами отродье.
Душа моя сирая с язвами лепры
тут бродит.

Грохочет вулкан, что проснулся внезапно,
и нечем дышать – только хлопьями пепел...
И ужас заплатки «сегодня» на «завтра»
налепит.

Наверное, всё же, пора мне проснуться
а окна помыть от потёков печали.
И луч обогреть, мутноватый и куцый,
свечами.

ВИТАЛИЙ БУДАШКО
Одесса, Украина

Третий Мир – без деньги и петли,
Ни республики, ни короны!
Где земли золотое лоно,
Как по золоту пишут иконы,
Будут лики людей светлы!
Андрей Вознесенский, Юнона и Авось

стихи имеют над поэтом власть,
они как лонжи, спущенные с неба,
секут дождями, волокут по снегу,
ведут во тьме и не дают упасть.
они в поэте, как земная ось,
продеты богом, потому и держат
на всех орбитах;
вера и надежда,
и всё, что на любовь отозвалось...

пророк:
сынوك,
там, вне икон, где всяк иезуит,
в себе слова коверкая, пророчит
мораль, что ниспадает между строчек,
где небо над землёй – прозрачный щит
вне времени и всяких там высочеств,
где смысл в изголовье многоточий,
как тишина с покинутых орбит,
чьим проведением этот смысл точат,
прозрачным иероглифом дрожит
суть имя, отделённое от отчеств,
язычник – обездушенный пиит,
ценитель упомянутых пророчеств.

и золота тончайшая фольга,
и ягод перезревших сердцевина,
комета, пролетающая мимо,
и лидер всех прокатов форрест гамп,
палящий спирт, что в глотку опрокинут,
и раб, что подставляет плети спину

и падает к властителя ногам,
прибудут в нём, пока горит лучина,
пока моря стремятся к берегам,
он будет возводить, раз он мужчина,
свой умозаключённый третий храм,
построенный христом наполовину.

проходит свет в открытое окно,
как нить в ушко ржавеющей иголки,
становится невидимым, но колким,
пронизывая жизни полотно,
признанием сквозь темень недомолвки,
шрапнелью через фетр треуголки, –
а также мозг и мысли заодно, –
слегка перебродив вдруг станет горьким,
души пиита озаряет дно
и, отрываясь от сознания, долькой
обратно опускается в окно,
к утру не просветлевшее нисколько.

земное растворяя в неземном,
как слово в подсознательной обиде,
чтоб вышедший во вне чудной овидий
донёс рациональное зерно,
попавшее с приливом в гроздья мидий,
пустых через одну... как ни смешно,
он, сам себя до тика ненавидя,
подходит к зеркалам, но бьёт озноб,
как платину разбуженный иридий,
он слышит голос, находясь у ног
властителя, которого не видит: спроси меня о чём-нибудь ином,
сынوك...

ВЛАСТЬ КОЛЕЦ

дорога
испещрена
сер рыхлый рваный снег
видавший пятки шмат столетней пемзы
весна колышет взвешенность суспензий
где каждый компонент прощённый грех
немного

налью вина
янтарный чистый звук
усеяно колечко пузырьками
шуршит, сбиваясь, галька под ногами
как выжатый бездождем бамбук

тревога

достигнет дна
и устремится вверх
послужит поплавком наивным мыслям
взгляд тронет горизонт дрожащей кистью
так трогает его парящий стерх
ей-богу

та глубина
что выгнулась окрест
в тончайшей горизонтовой оправе
цедила ноты утренней октавы
то из меня, то из окрестных мест

в итоге

шипящий знак
колечко пузырьков
янтарно разукрашенные стенки
разбили даль на вычурность оттенков
и простоту, волнующую кровь
не трогай

пусть тишина
струится сквозь кольцо
и каждый пузырёк, чуть слышно лопнув
так словно кто-то в них швыряет копьё
задышит в посветлевшее лицо

и тога

цветного сна
сползая и звеня
послужит богу лоскутком для пялец
он с тыльной стороны подставит палец
и тронет захмелевшего меня

ЖИЗНЬ КАБЕРНЕ

Миг меж трезвостью и опьянением
жизни сущность раскрыл для меня.
Крематорий, Винные мемуары

мне хочется прожить все жизни каберне,
и в бочке доходить, бродить и пузыриться,
чтоб мной, в конце концов, смогли, хоть раз, напиться,
усвоить правду,
что жила во мне

пробившийся глазок на плачущей лозе
пронзительно горел, как сбитая коленка,
и я благоволил распятым быть вдоль стенки
во всей своей светящейся красе

и вот уже моя дрожащая рука
в изнеможении цепляется за арку
мне солнце жжёт листву, но мне совсем не жарко
во мне кипит подземная река

кто слеп, тот знает мир
небесный поводыр
ведёт меня туда, где можно в гроздь налиться,
как в грудь никем ещё нетронутой девицы

кто ищет правду,
тот не чтит псалтырь

меня расквасят в кровь, когда листва падёт
сорвут семь тысяч шкур на каждые полбочки
кто знает вкус вина, тот вряд ли непорочен
тому и смерть не смерть, а лишь черёд
понять, что всё пройдет, похмелье и тоска

ты правду познаешь
она не познаётся
не всё, что греет нас, рождается от солнца
оно ж не вечно, только – на века...

ВИКТОР ВОЛОДИН
Самара, Россия

Бывает, холод на дворе,
Сквозь темень не пробиться взору.
И долгий вечер в той поре,
Когда укладываться впору.

Но печь горячая ворчит,
И в пляске пламени и в плеске
Дыханье щедрое сочит,
Так что вздыхают занавески.

И слышен голос за окном –
Там вьюга плачет, причитает.
И над трубою помелом
Дым отлетающий мотает.

И в обступающей ночи
В непроницаемые окна
Вдруг кто-то резко постучит.
От неожиданности вздрогну.

Скорей на улицу, скорей –
Кому же в час такой я нужен?
В дом облаком ворвётся стужа.
Бегом к калитке от дверей,

Но за калиткой – никого.
Да что за чёрт? Стучался кто-то,
Лишь третья смена на работу
Шагает – только и всего!

Я на высоком этаже
Живу теперь, забот не знаю.
Людей почти что не встречаю:
Зайдут в подъезд – и нет уже.

Не спорю – так предрешено.
Но как же с этим примириться?
В моё высотное окно
Теперь никто не постучится.

ПЕРЕПРАВА НА ВОЛГЕ

Две минуты уже до отхода,
С рюкзаком, задыхаясь, бегу:
К отплывающему теплоходу
Опоздать я никак не могу.

Только что это?
Вот он над кручей,
Словно вырос, стоит теплоход.
Аж трубой обозначен на туче...
Может, это совсем и не тот?

Удивительно выросла пристань.
Поразительно: бакен подрост!
А на палубе белой и чистой
Вслед за бакеном вырос матрос –

Но, когда добежал через силу,
Билетёрша звонок подала,
Здесь как будто меня осенило:
Да ведь это – вода прибыла!

Машина.
Гроб.
Четыре человека.
Отсутствующий – на сторону – взгляд.
К пристанищу, известному от века,
Гонимы деловитостью, летят.

Всё это промелькнуло мигом –
Мимо,
Но память к необычному цепка:
Кого везут так неостановимо
Без памятника,
Даже без венка?

И самому мне стало как-то сиром,
Тем более, что рядом – никого:
Ведь что-то же он требовал от мира
И мир взаимно требовал с него...

АННА ГАЛАНИНА
Москва, Россия

Мы с тобой, брат, одной околицы
деревенские дурачки.
Наши матери Богу молятся,
для надёжности сняв очки.
Бьют поклоны... Грехи не тяжкие –
Бог заметит ли в суете...
Под иконой букет ромашковый,
словно с чайника на плите.
Все надежды на Богородицу,
с ней привычнее и родней –
баба тоже, поди... Как водится,
все печали за сыновей...
Мы ж с тобой, брат, одной околицы
деревенские дурачки –
городским сумасшедшим молимся
и втираем себе очки,
что сермяжные, да исконные.
А недобрые? Город лют.
Наши матери под иконами
нас отмолят. И отпоют.

Сны из дома тревожат реже:
клином – клин.
По версте – верстой
ностальгию слоями режу
вдоль Арбата, да по Тверской.

Невидимкой в толпе прохожих,
постигаю прозрачность лиц
и молчанье скворцов. Я тоже
из таких перелётных птиц.

Клин усталых пятиэтажек
исчезает в глухой дали...
Там забудут меня. Я даже
не услышу, как отболит.

Затяну поясок потуже,
чтоб свободней и шире шаг,
и бульвары пройду по лужам,
упоительно не спеша...

Вдруг опустится небо ниже –
промокашкой на купола...
Оглянусь
и свой дом увижу,
потому что Москва мала.

У дальней дороги короткие ноги,
идёт себе, тянется мало-помалу...
На каждом шагу подбивает итоги,
на всех виражах отмечает усталых.
Скользят переправы, бегут перекрёстки,
проносятся встречные мимо попутных...
Дорога домой – невысокого роста,
из дома – становится выше как будто.
И только к себе – до того неказиста,
что к ней указатель увидишь едва ли,
а если пропустишь – вернёшься не быстро
из всех тупиковых чужих магистралей.
Дорога к себе – ни следов, ни отметин...
Здесь нет посторонних и ближнему рады.
Но только любимые смогут заметить,
что ты всё идёшь – подниматься и падать.

ЮЛИЯ ГЕРАСИМ
Николаев, Украина

ХРОНОС В ОТПУСКЕ

расскажи мне про часы без времени
у которых забирают хлеб
мы кукушкам зря тогда поверили
хронос за обедом глух и слеп

а часы как ветряные мельницы
ветреность свою боготворят
белки-стрелки отработав ленятся
ныне присно сотни лет подряд

времени зерно не перемелется
донкихотством век не заражён
больше я не пленница не пленница
вечность ты ошиблась этажом

смотри в меня души не закрывая
читай как дошколёнок по слогам
нас тишина связала ножевая
а вскоре и печали дожевали
дорога стала нам не дорога

ab ovo начинать теперь не ново
о господи хотя бы дай начать
судьба как пёс показывает норов
на яхты поменял харон паромы
а вне работы посещает чат

и просто жить становится сложнее
жевать бисквиты зажигать огни
и любоваться той небесной гжелью
и ждать когда со смертью нас поженят
когда не смогут с жизнью поженить

у котов отношение к жизни особое
коль их девять то можно гулять на все
наши буквы стыдливо маячат за скобками
опасаются что backspace их съест

у котов время тянется словно жвачка бубль-гум
если хочешь то шарики надувай
а когда они спят – у вселенной берет отгул
и безвременье ловится как wi-fi

а у нас жизнь одна как свиданье с пираньями
батарейка иссякнет умрут часы
мы конечно уйдём молодыми и ранними
будем плавать по лете и видеть сны

ГРИГОРИЙ ГОРНОВ
Москва, Россия

Футбольный матч в предгорьях Балкан.
Четыре осветительные вышки
Построены из списанных цистерн
И освещают больше облака
И городские сросшиеся крыши,
Лишая их фундаментов и стен,

Чем поле стадиона «Нови-Сад»,
Из недр чьих не выкопаны мины,
Что сеет ужас в головах гостей,
Лишает их способности играть
И делает ахиллы уязвимей
Во Стиксе прополощенных костей

Хозяев, мотивированных тем,
Что могут их казнить за поражение
(На том же поле завтра расстрелять)
И потому матч – лучшая из тем,
И оттого с крестами схожи тени
Совсем ещё молоденьких ребят.

Вот взгляд случайный чьей-нибудь жены.
Туман набился ватой в колокольню.
И на полнеба скрипнет чья-то дверь.
И будто все мы здесь разобщены,
Какой-то тьмой, хотя едины кровью,
Судьбой, святыней, памятью. Но где

Опять идёт Троянская война
Ни Кастор не узнает и ни Поллукс.
И именно поэтому футбол –
Главнейшая деталь веретена.
И время трансформируется в голос,
Когда славяне забивают гол.

Что может мниться в эндшпиле судьбы?
Вот пешка, заминировав мосты
На чёрной клетке крестики рисует.
А у неё в зеницах по орлу.
Я ночью выйду к речке, поору,
За просто так, пока мой ферзь пасует.

Темнеет небо, отражая Днепр,
И звёзды кувыркаются на дне,
Совокупляясь в новом Вавилоне.
Резвитесь же, пока хозяин спит,
И плавает его безглазый кит
В сновидческом необратимом лоне.

Когда ещё ходили поезда,
Нас согревала белая звезда
Среди черёмух, стонущих в тумане,
И утра были свежи и горьки...
И у людей не свёрнуты колки
В разумном неоглядном океане.

Когда ещё не потеряли шанс
На жизнь, на смерть, всё было, как сейчас,
Но только с оборота дней зеркальных.
Обратный продолжается отсчёт.
Мой Ангел дудку в руки не берёт.
И мне б не видеть глаз его причальных.

Уезжая в Крым, ты сожги жильё,
Паспорт выбрось прочь, а своё бельё
Замени другим и воды не пей.
Не бери туда гривен и рублей.

Поменяй цвет глаз и надень парик.
Воспредставь, что ты – пропитой старик.
Вспоминай меня, только если нет
В небесах ночных никаких комет.

Если в море нет никаких судов,
Не ходи в места мировых судов:
Погуляй в горах, собери кизил,
Прогони свой страх, чтоб не откусил
Как слепой волчок он тебя кусок –
Чтобы я не сжёг ночь наискосок.

Мне беречь тебя завещал Харон.
Не бери ты в Крым золотых корон.
Ты бери стихи и читай кустам
И вино любви подноси к устам.

АРИНА ГРАЧЁВА
Москва, Россия

ПО-ДЕТСКИ

Мне нравилось, что ехать долго-долго.
Тогдашний день был с нынешних полгода,
все реки под мостами были с Волгу
и чистотой подсинивали воду.
Чащобы были с прорезями просек,
и то неизъяснимо волновало,
как быстро их приблизит и уносит
могучее движение состава.

Загустевал, когда купе защёлкнут,
съестного дух и романтично книжный.
Казалось счастьем спать на верхней полке
и знать, что мама рядышком – на нижней.
Что можно щёки подпереть руками
и, если не навек к окну приникнуть,
то до минуты той, когда гудками
оповестят о станции каникул...

НЕСТАРОЕ

...к Е.

Ещё не прижилось словечко «старый»,
ещё от новых планов не отбиться,
безжалостно ещё глаза сударынь
Вас одаряют долей любопытства.

Ещё волнует в чувственном угаре
нить жемчуга и чей-то нежный вырез,
и, вдохновенно связки напрягая,
ложатся строчки в строфы
по четыре.

Ещё терпимы грозные удары
судьбы, и до конца не сдали нервы,
ещё не в полной мере город – кара
за преданные тишь и грусть
деревни.

Ещё не кличут «батей» и «папашей»
на улице подпившие детины,
но многое, казавшееся важным,
в неважное
уже оборотилось...

АВГУСТ

Последний месяц.
Месяц лета – третий.
Всё холоднее дышит ночь на день,
обратно в город дождь прогнал соседей,
и тишина – как в школе
без детей.

Гром кажется ошибкой, чем-то лишним,
мутнеет капель радужный хрусталь,
и жухнут, начиная с самых нижних,
на дождь не глядя,
листья на кустах.

Но жизнь вот так,
под ливня грозным душем,
от ощущений лета не отмыть,
и не теперь ещё проникнут в душу
козлов осенних горькие дымы,

ещё не скоро перестанут падать
плоды в саду, замрёт стремнина звёзд...
и чувствуешь себя Господним чадом,
и веришь – всё
до свадьбы заживёт...

НИКОЛАЙ ДАНИШ
Минск, Беларусь

МИНСК. АССОЦИАТИВНОЕ

Дома, приподнимая шляпы крыш,
Рассвет встречают мокрый и химерный,
А в лужах отражаются Париж
И я над ним. В «пролёте», как фанера.

То, вдруг, Латинский вынырнет квартал,
То Нотр-Дам, то Эйфелева башня...
Народ безмолвен, грустен и устал,
Всё время догоняя день вчерашний.

Но двадцать первый век, а налицо –
Одни дворцы. И стоит ли гордиться,
Что в области строительства дворцов
Мы скоро переплюнем все столицы?

А век идёт. Конём. И ставит мат –
В три хода мат – внезапный и постыдный.
Для умных в том и горе от ума –
Не видеть выход, где его не видно,

Смотреть чуть дальше тех, кто «у руля»,
И сокрушаясь, наблюдать в реале
Веселье крыс, бежавших с корабля
На бал, но место бала – город Гамельн.

Отрезан путь: ни воздуха глотка –
Да за любые деньги, был бы свежим! –
Ни силы – дать «волшебного пинка»
Злодеям, бюрократам и невежам.

Всё шире лужи, всё плотнее хмарь,
А мир иллюзий – выпуклей и ближе...
Ночь, улица, аптека и фонарь –
Без перемен.
Не надо –
о Париже.

СТРЕЛЯЙ, СОЛДАТ

Стреляй, солдат! Во имя сил Добра.
Добро – оно должно быть с кулаками!
Твой бывший брат тебе уже не брат,
А кто есть ты из братьев – Авель? Каин? –
Решит война. Тут пацифистов нет
И ангелов. Отнюдь. Спроси любого!
Стреляй! Свинец – весомый аргумент,
Понятен всем, в отличие от слова.
Стреляй, герой! Ведь ты – крутой пацан,
Стреляй во имя светлых идеалов.
Но всякое добро – о двух концах,
И на войне оно – не ночевало.
Над каждым тут занесена коса,
И зло к тебе вернётся бумерангом.
Стреляй, но к смерти будь готов и сам –
За «правды» тех, кто много выше рангом.
Стреляй, солдат, твоя ли в том вина,
Что ты случайно оказался крайним?!
И ненавидь. Хохочет Сатана,
А Бог взирает хмуро и печально
На этот виртуальный Колизей,
Где каждый прав, но правил нет при этом,
Где ставит на виду планеты всей
Трагедию театр марионеток.

НЕ ТРАВИ ТЫ СТИХАМИ ДУШУ

Не трави ты стихами душу, раны в памяти не бередь. Если слёзы
ночами душат – лучше выплакать эту бредь.
Да, расстаться с любимым – больно, да, и я был в твоих летах:
понимаю, что чувства-кони привередливы, мать их так! По-над
краем несут – галопом, не сорваться бы с высоты: что там даль-
ше, за поворотом – не узнаем ни я, ни ты. Обуздать их не так-то
просто – оборвут постромки и – вскачь. Ты ребёнок ещё, подро-
сток, обалдевший от неудач в этом грёбаном, жёстком мире, где
повсюду подвох и ложь.
Отпускай их на все четыре – не волнуйся – переживёшь! Не такое
уж это горе – даром сердце себе не рви. Опрометчивость – апри-
ори – вечный спутник самой любви. И ошибки бывают часто, но
бояться их – хуже нет: измеряется ценность счастья среброзвон-
ностью слёз-монет. Чем дороже заплатишь цену за любовь, тем
она прочней. Не волнуйся за сердца целость, о потерянном не

жалей! Будет всё у тебя нормально, и любимый, и жизнь – путём.
Только в память – шершавой гранью – это лето перетечёт. Время
лечит и слёзы сушит, так что думай о лучшем впредь.
Не травми ты стихами душу, раны в памяти не бередь.

МАЙЯ ДИМЕРЛИ Одесса, Украина

Глубокой ночью по небу в тумане
Плыл человек со свечкою в стакане.
Увы, во тьме не различить ни зги.
И вышить из стакана не могли.

За каждой гранью полного стакана
Выходит пьяный месяц из тумана
И, перочинный нож в руке держа,
Он режет безо всякого ножа.

Он знает, что Восток –
что кровосток.
Что Запад – заперт,
Север – серд да болен,
А Юг – многоуголен
Да туг.

И никуда не деться, милый друг,
Тебе от многогранного стакана,

Где годом обступили месяца
И ты плывёшь по небу на Ловца
В его тумане,
И в его стакане.
И лишь благодаря своей свече
Ты ничего не видишь вообще.

КАЛЕЙДОСКОП

Как ни крути, но Мир – Калейдоскоп.
Ссыпаются в любое положенье
В нём бусинки и стёклышки скольженьем
Вдоль радужки пугливых антилоп.

Пурпурный шар, как в зеркало, глядит
В ультрамарин живого Океана,
Под сладкий звук свирели бога Пана.
И васильковый день в груди хранит

Лимонный голос жадного птенца,
Сурьюмою бархатной затянутые ночи
С отметинами звёздных червоточин,
Улавливающих, как на живца,

Немые стаи разноцветных рыбок –
Молитв, проклятий и благословений.
Цветные стёклышки рассматривает гений.
Мир очень прочен, потому что зыбок.

Лиловый Кришна, золотой Христос,
Неведомый Аллах с зелёной книгой
Калейдоскоп вращают миг за мигом.
Мир дивно сложен, потому что прост.

Пусть тебе понравится природа –
Исписанный брусок сырого мела,
Глициний гроздь, строгих лилий стрелы,
Спор тысячи цветов в течение года.

Блаженной ночи бесконечны очи,
Но всё равно обманет их Факир.
Пусть с тобой пребудет вечно Мир!
Гляди в него, крути его, как хочешь!

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

*На сцене Война – полуголая и грязная старуха
с младенцем на руках:*

«Я к вам пришла с казанского вокзала
И принесла с собою сироту
С иконой Богоматери во рту.
Икону эту я сама писала.

Теперь я – мать родная сироте.
В его ушах визжат виолончели,
А я кажусь Венерой Боттичелли
В своей неотразимой наготе».

Самозабвенно жидкий скальп скребя,
Она сказала: «Я не всё сказала.
Пусть слабонервных выведут из зала
И каждый смиренный выйдет из себя.

От слов моих закладывает уши
Ослов. Они закладывают души.
Их душит и подвешивает туши
Рукою ловкою мой вечный бог.

Его искусство ищет совершенства,
Чтоб ощущать сиротство как блаженство
На том конце замедленного жеста
Вам до скончания всех земных дорог.

Являя злomu миру красоту,
Я принимаю всех в свои объятия.
И с таинством порочного зачатья
Рожаю вас с иконою во рту».

ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ
Екатеринбург, Россия

НЕ ПРОГИБАЯСЬ

Белки-летяги и мыши летучие,
волей какого нелепого случая
делите трассы воздушные с птицами
и самолётами?
Снится мне, снится мне,
как проплывают, качая ресницами,
небо царапая куцыми лапами,
не обжигаясь под лунными лампами
не прогибаясь под тяжестью тучевой –
белки-летяги и мыши летучие.

Я просыпаюсь и думаю – лучше ли,
сидя в траве поджидать неминуемое,
или вращая события лапами,
масло сбивая и небо царапая,
взять высоту и поплыть вместе с птицами
и самолётами?
Снится мне, снится мне,
как проплываю, качая ресницами,
не прогибаясь под скученной участью.
Я просыпаюсь. И думаю – лучше ли?

ВЕРБЛЮДЫ И ЛЮДИ

Верблюды вербуют людей, чтобы те,
зжав между ног шерстяные бока,
несли их наощупь, в густой темноте –
туда, где гора прорвала облака.

Верблюд к сибаритству не склонен – вода,
кустарник солянки – пожалуй и всё,
что нужно ему, но зовут иногда
ступени вверх – их три тысячи сто.

– Послушай, верблюд! – говорит Моисей, –
Ступени для тех, кто уверовал во ..!
Для вас, кораблей, есть тропа, что левей –
там Левий Матвей ждёт бакшиш страховой.

Бакшиш невелик – человечья душа,
зажав между ног шерстяные бока,
должна вознестись (слышишь, крылья шуршат?)
туда, где гора прорвала облака.

...Верблюды и люди, скрижали топча,
встречают рассвет на Синайской горе –
одни дуют на бедуиновый чай,
другие жуют в неизбежность билет.

ДОЖДЬ

Шум города, как шорох тапок мужа,
становится с годами фоном жизни,
текущей равномерно – в такт с часами,
которые бесстрастно закрывают
страницу за страницей чью-то книгу,
открыв её однажды наудачу.

А ночью шёпот улиц будет вкрадчив –
Москва прошелестит, чуть вздрогнет Рига,
на трёх китах стоящий Копенгаген
спит крепко и сопит тремя носами,
задремлет Рим на лавках пыльных ризниц,
Санкт-Петербург от сырости недужен,

и, разметавшись реками-руками,
примкнул к граниту лбом разгорячённым...
Вдруг хлынул дождь! – на Рим, на Копенгаген,
на Невский, на Арбат, на дамбы Риги –
смывая с грубой кожи тротуаров
набитые подошвами обиды.

Глубокий вдох и длинный волглый выдох –
открылись жабры вымокших бульваров;
стаккато капель, ливневые лиги –
а дождь летит, летит над городами,
гранит не разбирая – отрешённый,
и насмерть разбивается о камни.

Ему не страшно, он ещё вернётся –
в шум города и в шёпот тихих улиц,
в московский шелест, в шорох рижских листьев,
упавших в реки дремлющего Рима;
в Санкт-Петербург и в старый Копенгаген –
на спины львам, китам и пароходам.

Страниц всё меньше – год за годом, год за годом...

ОЛЕГ ДУХОВНЫЙ
Николаев, Украина

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Расколдовать тебя вряд ли сумею,
так и будешь плавать,
не то лебедь, не то гадкий утёнок,
но замёрзнет озеро,
хоть климат умерен
и лёд здесь тонок.
Зима наступит, и продрогнут перья,
белый танец метели стерильно нежен,
злой волшебник мотается,
как пропеллер,
не отпуская тебя, да нет же, нет же,
причём здесь он, это чёрный лебедь
кружит, порочен, заглушая лепет
сердца,
ещё на пороге теплообмена,
в жажде обмана и фитнес-секса.
Прощай! Не надо бросать монетку!
Музыка предвещает, что быть беде.
Начинается танец марионеток,
вернее, маленьких лебедей.

ПРИЗМА

Не возвращайся в своё былое,
оно отрезано, как пилою,
там пусто, гуляет один сквозняк,
воспоминаньями лишь казнят
настоящее – и не более.
Зачем ты снова исходишь болью,
вспоминая заветные блики счастья?
Давно ведь сказано – не возвращайся
к былым возлюбленным и местам,
забудь дорогу ко всем мостам,
ведущим в прошлое, где нас нет.
Смотри, какой драгоценный снег
витают, как детства призрак.
Что слёзы?! – всего лишь призма,
преломляющая свет души.
Можешь смеяться, но все ушли –

вон, посмотри, вдалеке фигурки
бредут, как у Брейгеля, вдоль реки,
лишь пацан катается на «снегурках»
на расстояньи вытянутой руки!

ПТИЦЫ

Вопреки прогнозам всех гидрометео,
ласточки чертят свою геометрию,
в небе бездонном летая, как бэтмены,
помесь Хичкока с Ингмаром Бергманом,
крылатые страхи военного детства –
какие вы странные, если взглядеться! –
ночные кошмары, зловещие «юнкеры»,
минуя салюты, иронию юности,
синицу удачи, пророчества авгугов,
в небесную синь журавлиного августа
влетели,
завязнув в силках проводов –
чернея платками вороньими вдов!

ГАЛИНА ИЦКОВИЧ Нью-Йорк, США

АВТОБУСНЫЕ ПОЕЗДКИ В СТРАНАХ ТРЕТЬЕГО МИРА

Что я успела узнать об этом автобусе,
мчащемся
мимо цветов на обочине,
мимо маленьких злых штопоров пыли,
мимо, мимо,
пока я думала о колонии микробов,
греющихся и растущих под пальцами
на горячем металле поручня?

Зачем, впрочем, задаваться вопросами о придорожном цветке,
если тут, в автобусе,
старуха везла оранжевые лохматые комки,
оторванные от ножек, обесточенные,
нанизанные на нитку,
говорящие «namaste»,
целующие мой локоть разбухшими, влажными то ли от росы,
то ли от старухиногo пота губами.

Их название, знакомое с детства, затерялось тоже.

Я даже не выяснила толком маршрута.
Среди непроговариваемых названий
не было видно моей остановки,
но, очевидно, автобус всё-таки
позаботился обо мне,
поскольку пишу эти строки из места, которое я зову
домом.

Был в моей биографии и другой,
деревенский автобус,
только тогда, в первом, не зияла разделительная черта
между маленькой мужской
и большой женской половиной.
Я стояла, неожиданно высокая,
на невидимой полосе между ними –
женщина, одетая не так, как подобает женщине,
решительная, как мужчина.
Americana – для мужчин,
для женщин – рута,
крадущая их мир.

Но и этот автобус
(ох, и натерпелась же страху)
не подвёл, доставил.
Водители знают, куда мне надо,
или это я привыкаю к новым местам,
новым мирам,
новым правилам
в их неуловимой похожести?

Иногда спрашиваю себя:
из того ли пишу дома, из которого
вышла с утра?

ОГОРОДНАЯ МОЛИТВА

Сон и бессонница: чёрное, белое, белое, чёрное.
Нет равновесия, есть победители. Я – побеждённая.
Чёрное/сонное, просто пугает своей чернозёмностью/.
Белое/бодрствуя, тупо тарашится твёрдую льдиною/.
Как же так, Г-споди? В картах ведь не было дома казённого?
И с обреченностью с грядки зываю я: «Пересади меня!»

Будет потеха ему, агроному-любителю.
Знаю, что некуда деться, вокруг – геометрия.
Пересади меня, Г-споди, слышишь? Иссохшими листьями
Шарю по грядке в припадке тоски и неверия.
Эта разметка уже утомила, и выело
всё, что питало когда-то, из почвы отчаяние.
Эксперимент затянулся. Считаешь гордынею
Вечный мой голод и жажду, весёлый начальничек?

Ладно, чего уж, считай меня душой капризной,
неблагодарною выскочкой парниковой.
Что-то ведь есть и получше обычной любви с перегноем?
Что-то другое.
– Пересади меня, Г-споди, – горестно. –
В новую лунку, под новым именем.
Что тебе стоит, прошу, помичуринствуй:
пересади меня.

ОДА БУЛЬОНУ

Науке и логике неподвластны,
Два снадобья лечат универсально-
Имбирный эль мамыши ирландской
Да (у нас говорили о нём с придыханием)
Еврейской мамыши бульончик куриный.
Простуда ли мучит больного, язва ли,
От хвори банальной иль неисцелимой.
Я где-то услышала – бульон прозвали
Метко еврейским пенициллином.

Расплавленным золотом, жидким кристаллом
Дрожа и дымясь, опаляет весело.
А в детстве я, помнится, презирала
Бульона наваристое еврейство,
И, заболев, торговалась с мамой,
Воротясь от тарелки, ворча: «Не буду»,
Отодвигала горячей рукой упрямой
Навязчивую заботу этого блюда.

Казалось, откармливают, как курицу – просом,
Под байки да росказни, под любое
Объяснение, а это – просто:
Меня отпаивали любовью.
Меня любили, о том не зная,
Неприхотливые те несучки,
Чьи тела мне несли, вздыхая
(Деликатес, а не хлеб насущный),
С базара, шаманские телодвиженья
Их очищали от грешной крови,
И бледные жертвы кораблекрушенья
Вступали в кипящие воды бульононы.

Всплывали на гребне, потя жарко,
Целомудренно-непорочны,
Местечковые Жанны д'Арк, но
Потом тонули в расчёте точном.
Зла и голода не помнящая,
Выживающая на малом,
Курица себя отдавала полностью,
Веками еврейских детей спасала.
И бабушка, полководец куриный,
Всегда выигрывала Цусиму.

А нынче пенициллин – в аптеке,
И, если мне заболеть придётся,
Не пощупают лоб, не оттянут веки,
Суэта тревожная не начнётся.
Сухарей засушите из старой булки,
Отведите в детство, где неудержимо
Любовь на плите, выкипая, булькает
Во вредных прозрачных разводах жира.
Где вы, тетушки, бабушки? Где ты, мама?
Разотрите спину, укройте плечи.
По звонку из китайского ресторана
Принесут чикен суп, только он не лечит.

РОМАН КАЗИМИРСКИЙ

Будва, Черногория

КОЛЕСНИЦА

На земной простыне – перекрёстки рогатых путей,
по которым из пункта в пунктир держат путь пассажиры.
Пусть из глины конечная цель. Чем ничтожней, тем злей
бестолковая тяга к конечной трамвайного мира.

Мы с тобой – на ходу, в два прыжка и четыре руки,
зацепившись зубами за ветхий кафтан контролёра,
пополняем ряды паразитов электродуги.

И на взятой измором, хромающей стуком колёс
колеснице сидящих в наклон мы лежим в полный рост.

А на крыше – светло. И вокруг всё как будто светлей.
Разливаем свою слепоту, глухотой разбавляя.
Посмотри: мимо нас, допивающих выворот дней,
пролетает дворняга в трёхлапом костюме рояля.

ДВОЕ

Идущая молча мимо сорвавших глотки
в колготках самого банального цвета –
где ты, отказавшаяся от наследного трона,
чёрная ворона в стае ворон белых?

Не видящая разницы между словом и делом,
из феникса вытряхиваешь застрявший пепел,
чтобы вывел себя из себя и прошёл гладко,
прокудахтав, что и тебя из твоих лекал слепит.

Извлекаю тебя на свет, как Эйлер занозы
из насквозь прозаической извлекал константы –
у твоих секундантов закончилось время заряда.
Заряжай и лети, я в соседнее дуло лягу.

ПТИЦА

Изловчишься оплавить себя в тчк –
и летишь себе оловом, голым теплом,
истепляясь в одну из чужих атмосфер.
А летящая рядом коснется тебя –
и согреется впрок, и отдаст, что взяла,
и «прости, но вчера я стекла со стекла».
Коло-ко коло-ло коло-ко коло-ла
разнесут на весь мир до затычек в ушах,
до огня, от которого стынет Земля.
Посмотри: я принёс – эта птица твоя.
Посмотри: эта птица – живая.

ВЛАДИМИР КАЦ
Одесса, Украина

*«Жизнь течёт, впадая в детство...»
Б. Херсонский*

Жизнь течёт, впадая в детство...
В белом кружеве акаций
Катя, вечная невеста,
в подвенечном бродит платье,
повторяя: «Где же Миша?
Что-то я его не вижу!?».
Еле слышно, еле слышно, –
детство дальше, детство ближе...

Во дворе пирамидальный
тополь разрезает небо.
Осень, кипяток вокзальный,
с перебитым носом ребе
вопрошает: «Где же Миша?
Что-то я его не вижу!?».
Еле слышно, еле слышно, –
Детство дальше, детство ближе...

Каждой ночью я в тоннеле
между старостью и детством,
то кружусь на карусели,
то раскачиваюсь в кресле,
воскликая: «Где же Миша?
Что-то я его не вижу!?».
Еле слышно, еле слышно, –
Детство дальше, детство ближе...

То ли Тора вторит небу,
то ли небо вторит Торе...
Разломив буханку хлеба,
не поставив точку в споре
безнадёжном, словно вечность,
словно жизни многоточье,
снова время бьёт картечью,
снова я, проснувшись ночью,
повторяю: «Где же Миша?
Что-то я его не вижу!?».
Еле слышно, еле слышно, –
Детство дальше, детство ближе...

Мы любим далеко не самых лучших,
не самых добрых и красивых, тех
мы любим, лишь кого нам дарит случай.
Вернее, Б-г. Чей ручейковый смех
нам снится по ночам, чьих рук объятья
не в силах мы до гроба позабыть...
Мы помним жесты, пуговицы, платья, –
а как ещё прикажете любить?

БАЛЛАДА

Был жаркий май. Цветы акации
покрылись пухом тополиным.
В степи, недалеко от станции,
мы встретились. Ты в платье длинном,
в очках, огромных до нелепости,
в сандалиях на босу ногу
тропинкой шла к турецкой крепости,
уснувшей на холме пологом.
Косынку, на затылок сбитую,
поправила знакомым жестом.
И всё давным-давно забытое
внезапно в памяти воскресло.
Давно разорванная линия
моей судьбы опять сомкнулась.
Тебя окликнул я по имени,
ты вздрогнула и обернулась, –
за кратким мигом узнавания
раздался возглас удивленья...
– Ты здесь одна? – Нет, я с компанией.
А ты? – Да я работы пленник,
в командировке. Поезд вечером,
решил немного прогуляться.
А ведь с последней нашей встречи той
прошло, пожалуй, лет семнадцать? –
– Семнадцать лет и девять месяцев.

ВЛАДИСЛАВ КИТИК
Одесса, Украина

Берёзы мглой обведены,
И пахнет вербой воскресенье.
Прибавив пять минут весны,
День удлинил часы волнения.

И я хотел бы, но не каюсь,
В том, что не значился в героях,
И Авель есть во мне, и Каин,
И страшно их признать обоих.

Расколотым сознанием всем
Я с разделенным миром связан,
Но в двуединстве том никем
И не прощен, и не наказан.

Ну что ещё: сырой воды
Напиться? Комнату проветрить,
Своей не в силах правоты
Ни доказать, ни опровергнуть?

Но так и прибывает век,
Налив бутристый мускул часа,
Малиновою кровью вен,
Пульсирующей часто-часто.

Крапающий дождик осторожно
Сыпет на терновый первоцвет,
Тишины почти коснуться можно,
Только б не обидеть словом ложным,
Не спугнуть начавшийся рассвет.
Жизнь хоть в опрометчивой догадке,
Хоть в забвенье сладостном, но кратком,
Хоть в упадке, а возьмет своё.
Что ни капля, то и обещанье,
Но красноречивее молчанья
Купина зеленая её.

Всё здесь: дождик обложной и редкий,
Ниточка слезы по чёрной ветке,
Дух весенний, белые цветы,
Здесь же ореол венца суровый,
Здесь и тот, кто, создав шип терновый,
Исколол творящие персты.

НА КУХНЕ

Солонка на столе и лук,
Початая бутылка пива.
Нетороплив ночной досуг,
К словам бумага терпелива,
Скрывает тайну каждый звук:
Урчанье труб, шипенье газа,
Неощутимую для рук,
Неразличимую для глаза.
К чему упорствовать, – пора
Вернуться к точке невозврата:
Домой.
Здесь отчего добра
На грош, да заумей палата.
Но есть в углах и закромах
Порядок свой и беззаконье.
Где грех привадился, там страх,
Где совесть, там корит бессонье.
Теперь довольно и того,
Что есть, не сделалось бы хуже,
Достойно весен естество,
Чтоб стены выбелить снаружи.
Но прежде, чем воспринял я
Всё приходящее как милость,
И соль рассыпалась моя,
И зеркало моё разбилось.

ЮЛИЯ КРЫЛОВА
Санкт-Петербург, Россия

ПРОГУЛКА

А.Л.

в маленьком городе где каждая хата с краю
не любовь бесконечна ряды дощатых заборов
где раз в месяц проходит скорый
и никто его не замечает

где все тебя знают и каждый прохожий знакомый
где крик петуха звучит как песнь Соломона
где все ждут от соседа динь-дона
и поэтому вечно дома

где хранит тебя рухлядь иконки родные стены
с цветочками зла завядшими на обоях
подоконник на нём растенье
солнцем залитое и водою

где женщина лет за сорок с гусиной кожей
вспоминает по праздникам как она с ним летала
и зеркало каждое в чём-то схоже
с одной из картин Шагала

где в субботу скрипач на раскаленной крыше
Мендельсона играет и ест незрелые сливы
где я слава Богу себя не слышу
где себе я кажусь счастливой

Оставь его наедине с собой,
оставь себя в объятиях квартиры,
где пребывание во скорби мировой
становится привычкой мирной,
где меряешь расстояние в шагах
меж небесами, кухней и диваном,
и, чтоб куда-нибудь себя девать,
сама себя ты утром одеваешь

стакан подает с памятью о воде,
ради которого пары доживают до смерти,
зная, что рядом совсем не те,
с кем закроешь глаза и почувствуешь
нестучащее сердце.

И ветер колышет чуть пожелтевший тюль,
и бьётся неслышно чашка из перламутра.
Так заканчивается июль,
и стучится в твоё окно
всегда наступавшее утро.

ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА
Москва, Россия

Кончилось лето
после обеда.
Ветер улёгся
спать на полу.
Пасынок Феба
катит по небу
медного солнца
тусклый валун.
Время за сорок –
время разборок.
Тонут в стакане
наши пути.
Пыль на ступенях.
Где же мой веник?
Галилеянин,
ты победил.

Мы грешим без удовольствия,
мы печалимся без слёз.
Наши души под коростою,
а движения – всерьёз.
Не осколки – злое крошево,
что дорога, что кровать.
– Знаешь, милый, я хорошая.
– Знаешь, как-то наплевать.
Хватит места пониманию –
сил не хватит на него.
Мы отметили заранее
Новый год и Рождество.
Позабыв, что были гордыми,
каждый день, до темноты,
ложь и правда трутся мордами,
как весенние коты.

Улыбка небесного гения,
погоды случайный каприз.
Флажок моего настроения
устал трепетать – и завис.
Покоя фамильная вотчина,
обитель морали святой.
Уснули желанья порочные
в качелях над чёрной водой.
Так много судьбою подарено,
так трудно не ждать новостей.
Я буду серьёзной и правильной,
у входа встречая гостей.
И впору запить и отчаяться,
блестяшки меняя на ржу.
Ты видел, как небо качается?
Пойдём, я тебе покажу...

ИРИНА КУЗНЕЦОВА-ГРУЗДЕВА Харьков, Украина

Эти буквы и строчки впитали тебя самого
До последнего вздоха,
до капельки липкого пота.
Ты в стихах укрывался, спасаясь от разных невзгод,
Ты в стихах открывался,
забыв о житейских заботах.

Будто не было пропасти лет, временной суеты,
Расширилось пространство неубранной комнаты в доме.
Два окна выходили на старый заросший пустырь,
Где томился под ласковым солнцем желтеющий донник
И гудели шмели...

Всё казалось: так будет всегда.
Да поди ж ты, не вышло.
Хотелось, да не повторится.
Продаётся твой старенький дом у речного пруда
И кружится над садом, гнездо потерявшая, птица.

Утомлённо вздыхает о чём-то ночами река.
Из тумана во мгле выплывает не облако – лодка,
В ней какая-то женщина держит тебя на руках
и доносится лай,
скорбный лай со всего околотка.

А молодка плывёт. И над нею сорока кричит,
Что забрали до срока тебя...
Ей ли думать о сроках?
Кто-то молится в доме твоём у погасшей свечи
И сметает слова,
будто снег с ледяного порога.

Ты запомнил, гончар, как дрожала под пальцами плоть,
Как послушна бывает она, как призывно танцует?
Как молила она на гончарном кругу поцелуя –
Разве можно в себе эту страсть заглушить, побороть?

Как же просто такую обмять, прикоснувшись слегка,
Ничего совершеннее нет, чем дозревшая глина.
Ты касался её, понимая насколько невинна.
И солёная влага стекала по впалым щекам.

Ты вдохнул в неё душу, и сколько бы жаждущих рук
Не тянулись потом к обожженному пламенем телу,
Никого не любила она, никого не хотела.
Всё, что помнила – слёзы твои и стремительный круг.
Ты запомнил, гончар...

Ты не жди понапрасну – неласковый этот дождь.
Просто время разлуки удобного ждёт момента,
Ты молчишь и вздыхаешь. Он знает, что ты уйдёшь,
Будет старый механик обратно крутить киноленту
И показывать всё, через что вы однажды прошли:
С замиранием сердца художник рисует картину,
Ты его узнаёшь? Это твой эксцентричный Дали,
Он рисует часы, обнажённую женскую спину,
И окно. Безмятежно спокоен глубокий залив.
Из реальности ломанной сотканный мир сновидений...
Ты любишься им, до чего же сейчас терпелив
Тот, чья жизнь – эпатаж! Слабовольный художник и гений.
Это он для тебя дивный мир превращает в холсты,
Ты повсюду на них, он твоей лучезарностью болен.
Будет ночь холодна, будет дом обречённо пустым,
Ты устанешь ему потакать, отказавшись от роли...
А теперь, посмотри, видишь, райские кущи и сад,
И тропинку в саду? Там идут совершенные двое,
Для которых не будет уже возвращенья назад,
Потому что сознание их – воплощенье земное.
Но пока они счастливы. Смерти и времени нет.
Нет ещё никого, кто посмотрит с упрёком им в спину.
Это снится тебе. Сонных окон коснётся рассвет
И рука акушерки привычно зажмёт пуповину,
Так легко и обыденно связи твои разорвав.
Ты пытаешься помнить о прошлом, но что-то мешает,
И уже заполняют пространство чужие слова,
В белом небе парит невесомо светящийся шарик
И улыбка мадонны склонившейся нежно к тебе...
Пьёшь молочный нектар, погружаясь в блаженство и негу.
Так не скоро ещё будет дождь с обожжённых небес,
Дождь, чей холод в судьбе равносильен летящему снегу.

ЕЛЕНА ЛАЗАРЕВА
Киев, Украина

СУДЬБА ПОЭТА

Когда слова не для красы,
Когда печаль не для забавы,
Твоя судьба – дурная слава,
Твоя слеза – сестра росы.

Когда душа твоя горит,
И Дантов ад манит прохладой,
Иди на сцену – без бравады,
Но никому не говори

О том, куда ведут мечты,
О том, чем сердце успокоят...
Среди поэтов мы – изгой,
Среди изгоев мы – шуты.

Когда войска одной страны
Бесславно гложут кости мира,
Поэт не может быть кумиром,
Певцом единственной струны.

Когда любимое плечо –
Твоя последняя опора,
Рождают истину не споры –
Не нанимайся палачом.

Изобличая, не кори
Раба – за страх, за праздность – Бога.
Насквозь прогнившая эпоха
Сама себя приговорит.

Не будь ни чёртом, ни святым,
Не верь толпе, лихой на подкуп.
Не поливай кровавым потом
Бессмертной мудрости цветы.

Обиду в сердце не тая,
С котомкой песен за спиною
Шагай по жизни. Остальное –
Уже забота не твоя.

ВОКЗАЛЬНОЕ

Не молчи. Слова – они милосерднее,
Чем родные наши вкупе с соседями,
Я давно на волю Божью не сетую
И удар держу – как подлинный дар.
Вот иду одна – пропавшая без вести,
Онемев от боли и неизвестности,
А вокруг толпа, погрязшая в бедности –
И души, и плоти. И никогда

Не поймут они, какого нечистого
Головой о небо бьюсь так неистово,
Никому уже не нужные истины
Облекая в строки – не для красоты...
Мне стихи – не что иное, как выстрелы,
И пускай простое кажется выпреним,
Но они как водка – горестно искренни,
А трезвее мыслить – и не проси.

И пока собратья маются планами,
Я дышу тобой – объятая пламенем,
Обнажаю дно. Постигнуто главное:
Легче выпить залпом, чем по глотку.
Но цежу по каплям беды и радости.
Мы с тобой распяты знаками равенства...
Нет. Моими снами ты не отравишься.
Я тебя в объятых уволоку

В свой туманный мир, начертанный прописью,
Где удел светила – редкие проблески.
Обними меня – сегодня без робости,
Над последней пропастью, осмелев.
Где, закрыв глаза, по воле Всевышнего
Мы шагнули вниз – и всё-таки выжили,
Хоть сердца дотла прозрением выжжены,
Но шагаем за руки по земле...

ЗАКАТ ВСЕЛЕННОЙ

Не пить ни кофе, ни вина –
Чтоб не затёрлась новизна
В пылу азарта.
Не ждать из дома новостей
И непременно в темноте
Грустить о завтра,

Когда скомандуют: «Подъём!», –
И на рассвете мы уйдём
В иное небо.
Какие хрупкие мосты!
Какие мачты – и кресты...
Давно я не был

В такой отчаянной зиме –
Как будто разом заимел
Врага по счастью...
На личном кладбище основ
Макаю в раны хлопя снов –
А сны нечасты.

Стихи запоем – и посты.
Не ошибаясь, не постичь
Высоты бездны.
Мне жадный мастер – не указ:
Я в чём-то гений, в чём-то – ас,
А в чём-то – бездарь.

Какая терпкая печаль!
Ты пей до дна – не отвечай.
Не отключайся.
Чтоб мир не умер молодым,
Чтоб мы истаяли как дым,
Но – в одночасье.

О нас не вспомнят – что с того?
Бессмертно наше естество,
И мы воскреснем.
Возможно, где-нибудь не здесь.
Возможно, там, где точно есть
Простор для песни.

АННА МАРКИНА
Климовск, Россия

человек умирал не какой-то шальной человек
не пылинка какая-то бабочка и черемша
не кривой старичок что в троллейбусе рядом дышал
фитилек на огрызке одной из замызганных свечек
мандельштамовский томик что ты прочитал и не понял
не приятель с которым на Ленина ты выпивал
не сходящая осенью в руки глухая листва
не забытый щенок дескать жаль и котенок и пони
а родной человек вся гармония тяжесть и гамма
для которого в омут на паперть давай-ка по сто
тот который тебе вместо пенного луга цветов
самолётки с сожжённым крылом человек оригами
это смерть эта смерть будто в вечность запущено эхо
и не ходит уже человек и лежит и молчит
и в тебе тишина что давай ты её закричи
и давай и давай будто взял он и просто уехал
будто вытащил два пострадавших в пути чемодана
и адью говорит отлетаю как стая грачей
только вот он лежит а ты рядом живой и ничей
словно город на милость каким-нибудь варварам сданный
человечек родной что мне сделать обнять может чаю
может просто сесть рядом обмякнуть уже зареветь
где ты прячешься свет моей жизни потерянный свет
я за этим кошмаром почти что тебя различаю.

СТАНСЫ

1.

Уходит человек. Почти ушёл.
Покинул дом и телом, и душой.
И вот как гром среди аппендицита
тебя закрутит ледяной волной.
Стоишь зимой, присыпан стрептоцидом,
стерильный, бодрый, но ещё больной.

2.

А помнишь только море чепухи:
ряд коридоров, облачка бахил,
подсолнухи на кухонной клеёнке,
держачие просыпанную соль.
Ты памятью наполнен, словно ёмкость
по капле высыхающей росой.

3.

И немудрёные дорожки слёз
вплелись весной, наверно, в сок берёз.
Минуты скачут – жеребцы на хорде.
Тем удивительней, что всё как будто гуд,
ничто не сбилось с принятого хода:
все тикают, бормочут и живут.

4.

Который раз консьерж, слепой, как крот,
роняет маслом на пол бутерброд.
И пахнет заливаемым асфальтом,
и груши созревают в свой черёд,
и девочка закапывает фантик,
надеясь, что он в землю прорастёт.

5.

И в голове строка опять поёт,
слегка треща, как в газировке лёд.
Ты попадаешь в жизнь, куда ни целься:
вот дети в парке тянутся, как нить,
и самой безнадежной из процессий
ежа с дороги тащат хоронить.

6.

И ходит молоко внутри коров,
и в теле ходит молодость и кровь.
А то, что там в тебе дыра сквозная
(и сквозь неё проходят поезда,
да батискаф свободно пролезает),
то никому, по сути, не видать.

7.

Но вот пока ты красишь в голубой
прихожую и, раздражен собой,
идёшь мотаться в снежности двора,
где обливается товарищ закалённый,
вдруг замерзает чёртова дыра,
как лунка, под поношенной дублёнкой.

Вот перекресток – гогочут матом,
вот всё идет, да и шло бы мартом.
Сходит на двор пыльца
белая, снежная – на рябину,
дворнику на руки и на спину
мимо его лица.

Встань и оставь все свои печали,
что тебя в люльке зимы качали,
это легко – оставь,
их перетянет (так может статься)
в южные скалы с одной из станций
дышащий тьмой состав.

Вот и давай на вокзал с вещами,
в поезд запрыгни, пообещай мне
всю эту ночь глазеть,
слушать, как движетесь вы по карте,
храп оседает на дне плацкарты
и на краях газет.

Утром вздремнуть, обругать кого-то,
брызнуть на спутников анекдотом
и занести в блокнот
фразу о том, что ты знаешь точно
запад к закату не кровотоцит,
поезд идёт в тепло.

Там, где кларнеты крадут Клариссы,
в полдень со службы спешат хористы,
и на краю тепла
день безразмерен, тягуч и ровен,
круглое время поют вороны,
парки, колокола.

Что же ты, веришь? А я на совесть
всё сочиняю про море, поезд,
пляжи, колокола.
Ехать нельзя, но давай воспрянем.
Если всмотреться – под фонарями
ночь до сих пор светла.

АНДРЕЙ МЕДИНСКИЙ Севастополь, Крым

Саблезубый монгол на затошленной улице Китежа
точит саблю и зубы, сияет промасленный взгляд.
Если долго смотреть в эту воду, то можно не выдержать,
а ведь это всего лишь твой собственный внутренний ад.

Долго, коротко ли бродишь берегом странного озера,
прячешь тайны и стыд в непролазном его камыше,
а вдоль берега едут цыгане на ржавом бульдозере,
и облезлые кошки гоняют летучих мышей.

Да невесты в трико скачут в чащу лесную лягушками
за отпущенной кем-то случайной любовной стрелой,
а над ними кружат одичавшие томики Пушкина,
и сбиваются в стаи, готовые встать на крыло.

Просыпаешься и понимаешь: «Всё!
Дальше некуда. Остановилось. Замерло. Замело».
Крутится в голове: «Может быть, повезёт?».
Повезёт – не то слово. Будто раньше везло.
Точнее, везло, но само собой и бог весть куда,
на таких скоростях, что попробуй, затормози –
во все стороны сразу так начинает кидать,
что летишь кувырком, на ходу расплескав бензин.
Но потом, очнувшись в сугробе, считай, что почти в гробу,
встаешь,правляешь рубаху в штаны, а жизнь – в судьбу.

Так вот, просыпаешься и понимаешь – тебя больше нет.
Впрочем, и раньше не было, просто не замечал,
что всё то, что принималось за чистый свет,
таковым не является, но может обозначать
точку, где скорость, помноженная на время, равна пути,
достаточному, чтобы мёртвого разбудить.

И тогда во тьме, передвигаясь на четырёх,
находишь себя, ощупываешь каждый нерв,
из темноты вырастает ухо, ты вползаешь в него и орёшь
так, что из тела сбегает последний червь.
И распятый младенец, улыбающийся с креста,
шёпотом произносит: «Встать!».

ДВОРНИК

Я больше дворник, нежели поэт,
и, с этим примирившийся однажды,
я обметаю деревья скелет,
проглоченный двором многоэтажным.
Опавшая к морозам желтизна
бросается под ноги сквозняками,
но если дереву зимы не знать,
откуда б эти строчки возникали?

Я больше птица, нежели звезда,
восход которой птица отмечает,
июнем поселённая в кустах
бессонными и юными ночами.
Но если умолкает соловей –
всё потому, что птица точно чувствует,
что жизнь без солнца – смерти солоней,
и от того всю жизнь за ним кочует.

Я больше мальчик, нежели старик,
и для меня естественней и ближе
терпеть, пока под рёбрами сгорит,
чем жечь костры из рукописей книжек.
И осенью, найдя среди двора
себя с метлой стоящим у берёзы,
осенние останки убирать,
не замечая вынужденной прозы.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛЕНКО
Одесса, Украина

Спасибо, всевидящий Господи,
Отнял остатки гордыни.
Взамен получил я смирение, –
Августа сладкие дыни.
Пройдусь по колючему гравию,
Волны мне ноги омоют.
Любая столица – провинция,
Если она не у моря.

Кончатся страсти – начнутся напасти,
Ну, а пока, избежав дележа,
Сочный арбуз разрезая на части,
Пенку искристую слижешь с ножа.

Чёрные семечки в мякоти красной
Светятся, словно турчанки глаза,
Значит, ничто не проходит напрасно –
Краткое лето, любовь и друзья.

Жизнь истончилась, и с ней не поспоришь,
Тяжко и страшно, а нравится жить.
Счастье моё – непутевый оборвыш,
Бабочка осени, где твоя пруть?

Вот, на обочине – корки арбуза
И перламутр обездоленных крыл,
И никаких, понимаешь, иллюзий,
Всё, что судилось – открыл и прикрыл.

Только б судьба под себя не подмяла
И равнодушие не взяло бы верх, –
Радости в жизни ни много, ни мало,
Если не жадничать, хватит на всех.

Деньги ночуют в карманах у скряги,
Если же нет за душой ни гроша,
Хватит для счастья и стопки бумаги,
Даже в отсутствие карандаша.

ИЗ ПИСЬМА К ДРУГУ

В общем, да и в частности, прогнозы
Далеки ещё от совершенства:
Если холода не доконают,
То сторим, как мотыльки сгорают.
Выбор нам достался небогатый,
Но какой ни есть, а всё же выбор,
С чем тебя, мой друг, и поздравляю,
Ибо с чем тебя ещё поздравить?
А пока что черноморский август
Нам свои объятия простирает,
Ветер с облаками интригует,
И зелёным зацвела софора,
Потому что, говоря по правде,
Жизнь – она хоть чем-то, но волнует!
С чем тебя, мой друг, и поздравляю,
Ибо с чем тебя ещё поздравить?
Я намедни поклонился морю,
Глине и песку на старом пляже,
Где на жёлтом камне у прибоя
До сих пор тоскует наша юность:
Если по боку отбросить годы,
Там осталось всё, как было прежде,
С чем тебя, мой друг, и поздравляю,
Ибо с чем тебя ещё поздравить?!

ИГОРЬ МУХАНОВ
Горный Алтай, Россия

ВСТАВАЙ, ИДИ И ДУХОМ СТАНЬ ЛЕСНЫМ...

Господь весны не метит в государи:
чтоб спину отогрел и видел сны,
опять цветную лесенку мне дарит...
«Вставай, иди и духом стань лесным!
И расселись по веткам, как по хатам,
по родникам заоблачных высот...
Страна лесным валежником богата,
и дух, земли не ведая, ведёт».

Апрель и впрямь на выгоне, с откоса
пасёт пещерных жителей – стрижей...
Я стану птицей и великороссом,
росой на спицах маленьких детей.
И если суждено упасть в канаву,
найду и в ней, среди вечной темноты
агат и сердолик в земной оправе –
задуманные Господом цветы.

И вот она спускается на нитке
поляны оросившего дождя
та лесенка цветная – муза Шнитке,
Чайковскому ближайшая родня.
Её так много... Заняла полмира,
собой прозрачный купол повторив,
и льёт на землю праздничную мирру
под тихий приснопамятный мотив.

В небе вечернем, солёном летают дельфины –
им оказаться в воздушной стихии охота!
Из переписки апостола Марка с Минфином
можно узнать, что такая имеется квота.

Им не пристало к лицу любопытство людское,
просто играть захотелось, как ветру морскому
с мысом песчаным, с лёгкой медузой-волною,
с пахнущим йодом, лечащим душу покоем.

Чёрная радуга в небе мелькнёт на мгновение –
судьбы растений и птиц, что столетьями учишь,
маленьким глазкам, как лёгкое стихотворенье,
Пушкин и пуш – прочитаешь и тотчас забудешь!

Но отпечаталась в матрице Чёрного моря
жизнь иностранная лёгкою гранью своею.
Вот почему оно тёмное лишь в разговоре,
утром, на пляже – играет воздушной свирелью.

Через какое-то время прочтёшь в Интернете –
странный детёныш родился у гаги болотной:
любит во сне улыбаться и первый на свете
крыльями машет, как будто встречает кого-то.

Гадкий утёнок, с которым один лишь убыток,
вырос в болоте, однако без всякой причины
к морю летит, позабыв про камыш и улиток,
чтоб посмотреть, как играют на солнце дельфины.

БОРИСУ ГРЕБЕНЩИКОВУ

*Ой, Волга, Волга-матушка, буддийская река...
Б. Г.*

Лунным лучом ли, солнечным Волгу измерить –
Астрахань в астрах только счастливо вздохнёт!
Зори здесь чистые, и над лиманами пери
в платьях прозрачных водят все дни хоровод.
Здесь хорошо оттого, что и Русь есть, и дельта.
Утром, в тумане теряет свой берег река.
Ветер-ревун, и безмолвие ровного света:
«Мир безграничен. Бакен не нужен. Пока!»

Вот потому только здесь, в камышовой ловушке,
словно маяк повседневный, рука из воды,
лотос растёт, и лягушки стараются: «Пушкин!
Греки, Арина... Распутица... Алаверды!»
Волга в верховьях мордовья, чувашья, в татарах,
после по-русски ревёт, по-калмыкски поёт.
Только в конце, побывав и в Кремле, и на нарах,
лотос буддийский вживляет в аорту болот.

Пой, мой оранжевый, северный мой, эти кручи,
эту лесную, в духмяной листве благодать.
Дождик пройдёт посевной и местами могучий –
нам ли колосья в мокрых полях собирать?
Вон, за пригорком, как синяя сильная птица,
Волга мелькнула, в изгибах тугих парусов...
Лотос – он логос, он гнёт жестяную ключицу,
песней-клюкою в сердце ночное стучится:
– Эй, просыпайся... Я – Волга без берегов!

МАША НЕ
Москва, Россия

АНДЕЛ

«Что утонет, то, поди, не сгорит?
Да, иголку проще найти в золе... –
бабка Нюрка шёпотом говорит, –
Люди – божьи ангелы на земле!
Не копи, скаредничай – всё одно:
жисть – костёр, кочёвка невдалеке.
Будь простым, широким.
Добро – оно посильней чем,
денюшка в гомонке.
Не считай обиды – напрасный труд.
Заживут, как прыщики до венца.
Что грехи? И мухи к навозу льнут.
Человече – ты.
Отрухнись в сенцах.
Я б ещё добавила в Богов след:
не замай,
не жадничай,
не калдырь!».
Бабки нет уж больше десятка лет,
но приходит ночью,
поёт псалтырь.
С нами правда?
А может быть, Босх, и Бах?
Обережный круг, навесной замок?
Тихо «андел божий» скулит в сенцах –
целовальник,
висельник,
скоморох.

МОНОЛОГ НИ О ЧЁМ

Допить кагор своей бездомной ночи,
притягивать за лацканы судьбу,
смотреть в глаза и ничего не видеть
ни в них, ни за плечом... На берегу
лишь галечный грильяж и запах мидий,
как сотни лет назад такой же... точно
со старой киноплёнки чернобелой,
архивной копией застыло это лето.

Субтитрами: потрескался, облез
рояль, ещё четыре ноты до рассвета,
веревочную лестницу с небес
спускает наблюдатель жестом смелым,
от старых облаков до чёрствых вод...
Лишь только это вслух не пророни,
вспорхнёт, и не поймаешь чайку-птицу...
не говори, что ты..., что я..., что мы...
Зачитана последняя страница, –
граница дна...сюжетный поворот:
По чётным казнь, бессмертье по нечётным,
но слишком много ликов на гербе,
не в меру... На миру и смерть почётна,
когда ты носишь этот мир в себе,
наброском на раскрашенном картоне, –
перпетуум-мобиле из бытия и сна,
а знаешь... На миру и жизнь красна,
когда мой мир дрожит в твоих ладонях...

ЧЕЛОВЕЧЬЕ

*Человек человеку – волхв,
Если к ночи не станет волком.
Тейт Эш*

*

отогрел в ладонях бы сам Сварог
память – время – бусинку – узелок,
разделяя явь на своих и дальних,
человеки весь свой надмирный срок,
пили бы корнями грунтовый сок,
понимая, что без корней – лишь камни...

сказка – ложь, икоту прогнал испуг, –
смерть ворует близких, кладет в сундук,
говорят не выследить, не постичь, но
под качанье зыбки, прозрев к утру,
человек человеку – гончарный круг
до последней горсточки черепичной...

*

Дремлет кот, и сажи черней восток,
и сверчок уже потерял шесток
/перебрался просто поближе к печке/.
Оперяя крылья, расправив плечи,
набирая смелости в шепоток,
прорастает, словно весной росток,
простодушье тихое человечье.

ОЛЬГА ПИТЕРСКАЯ
Санкт-Петербург, Россия

СЫН

ты так просил родить тебе сына, а я смеялась: – зачем? смотри, вот она я – твоя половина, не надо нам лишних проблем. вон даже ботаники учат: один, потом – два, дальше – много. зачем тебе сын? суди меня, только не строго, ну, в крайнем случае, удочерим.

а ты говорил: – девчонок берут в официантки, а я хочу астронома.

а я возражала: – сыны ложатся под танки, я не переживу похоронной.

потом даже не было ссоры. просила: – повremени.

а ты собрал свои вещи.

тогда и задёрнула наглухо шторы, чтоб только не видеть луны, не выть до следующей встречи.

а знаешь, они наставляли палец, смеялись, будто я была клоуном, точнее, дворовым шутом, хихикали: – где постоялец? такая цаца в кофточке штопаной с растущим, как на дрожжах, животом.

ночами стонала и ныла убитая насмерть дверь.

я родила тебе сына.

где ты теперь

БРОДЯГА

/диптих/

бродяга. дороги

Географических карт колоду
Перетасуешь и сдашь по одной.
Город за городом, год за годом
Сам себе дурак подкидной.
То дождь, то ветер, то зной, то стужа...
Бродяга, чей искупаешь маршрут?
Ты думаешь, что никому не нужен,
А вспомни маяк, на котором – ждут.

Кровать застелена свежим бельём,
Спросишь: – Ждала? – ответит: – Скучала.
Ты прочитаешь имя своё
На чашке с горячим чаем.

Но снова листают дороги ветер,
А на обочинах стыннут следы,
И снова крик воронья на рассвете,
И хлещут заросли лебеды.
Солнце взрывает небо закатом,
Тучи раскидывают невода.
В календаре затерялись даты,
Теперь неизвестно, что и когда.

Твой выбор не прост, а дорога – проста,
Она единственная, на которой
Светит оранжевая звезда
И синие светофоры.

Кто-то, конечно, тебя подождёт,
На главный вопрос ответит: – Скучала.
Да святится имя твоё
На чашке с горячим чаем.

бродяга. маяк

Мой бродяга, в каких бы ты ни был излюбленных далях,
Приглядишься – заметишь огонь моего маяка
И вернёшься, колючий, усталый, немного печальный.
И я жду тебя, жду. А пока

Успеваю состариться вдребезги, помолодеть,
Научиться вязать свитера и сносить их до дыр.
На дорогах твоих разных месяцев круговерть,
На моём маяке даже вёснами декабри.

Я сегодня пекла для тебя пироги и ватрушки.
Ты привык к одноразовым чашкам и кофе в притонах.
Хочешь чаю – горячий и крепкий в фарфоровой кружке?
А кофейную горечь я выпью одна и потом.

Безнадёжно и быстро рассвет превращается в вечер,
Повторяю тебя про себя, наизусть изучаю.
Мы молчим об одном? Нет, не думаю. Странная встреча,
Я смотрю на тебя – и уже по тебе скучаю.

Буду ночь напролёт собирать на дороге приметы,
Талисман тут как тут – за окном собирается дождь.
Никогда не любила тебя, не любила до смерти,
Только до жизни. А завтра ты снова уйдёшь.

НОЧНОЙ ТРАМВАЙ

Из прохожих никто рассказать о себе не спешит,
в крайнем случае, взглядом мазнёт и прошествует мимо.
Даже в давке метро ухитряются быть нелюдимы,
словно в зимнем лесу или в летней озёрной глуши.

Но бывает и так, что слетаются выход и вход –
день рожденья виной или, может, другая причина:
у окна человек, неопрятного вида мужчина,
улыбается тонко и водку из пластика пьёт.

Он увидит тебя, приподнимет бутылку и кивком:

– Будешь пить?

– Нет, спасибо, прости, но сегодня не буду.

Ты не брезгуешь, нет, одноразовой грязной посудой,
просто ночь раскачала последний трамвайный вагон.

Человек не обидится:

– Ладно, тогда закуси, –

и достанет из сумки огромную красную грушу.

Ты, единым движением стереотипы разрушив,
примешь солнечный дар и смущённо ответишь:

– Спасиб.

А потом разговор:

– Понимаешь?.. – и тишина.

Ты в ответ промолчишь:

– Понимаю. Я всё понимаю.

Вы сойдёте из разных дверей на конечной трамвая

и пойдёте туда, где у каждого дом и жена,

где у каждого жизнь закольцована в рельсовый круг.

Что-то нужно сломать изнутри, чтобы выйти наружу.

– Что случилось? – жена вдруг увидела красную грушу.

– Ничего. Хочешь грушу? Меня угостил ею друг.

АННА ПРОТАСОВА Киев, Украина

как выйдешь на шаткий мостик оденешь на лоб повязку
раскланяешься с бандитом покосишься на икарус
и слов-то уже не вспомнить не то чтобы стих и сказку
направо посмотришь детство налево посмотришь старость

а дальше река Немышля сплошные мальки да тина
оборванная тарзанка зелёный песок под пяткой
больницы дома культуры эмблемы из паутины
завхозы в плащах и куртках танцующие утята

а дальше Бавария-Нова убогие трёхэтажки
засохшие акварели не начатые тетради
избушка на курьих ножках парнишка в цветной рубашке
дворы огороды погреб фамилии на ограде

а дальше завод турбинный строенья начала века
но впору остановиться ничто под мостом не ново
хожу с фонарём по парку как будто ищу человека
смеётся начало века не спрашиваю какого

он говорил
совсем разрушен
но как-то гордо без слезы
мы снова будем жить на суше
чужой угадывать язык

делить на слоги и на строки
узор разглядывать сквозь лёд
взойдут убогие постройки
трава сквозь камень прорастёт

набухнут под коростой вены
созреет новое вино
промолвит голос довоенный
сними шинель взгляни на дно

стань пешлом во взрывной воронке
сойди с порезом на руке
на незнакомой остановке
со словарями в рюкзаке

друзья мои Главкон и Адимант
хвала богам весна пришла в Афины
запнулся на пороге месяц март
и келью осветил до половины

ударит в гонг упрямый Фрасимах
и все вокруг свидетели и судьи
толпа умалишённых и зевак
впервые докопается до сути

друзья мои мне ведома страна
где время незаметнее пространства
и вот теперь к её глухим стенам
я ухожу и смерть моя прекрасна

ЕЛИЗАВЕТА РАДВАНСКАЯ Киев, Украина

У любви не бывает сторон: не медаль,
А, скорее, Земля – лишь ядро с оболочкой.
А всё кажется: бред, а всё кажется: даль,
А всё кажется: бег... за светящейся точкой...

Но любовь не бежит. И не снится в бреду.
Это просто Земля – под ногами твоими,
И на этой Земле, может, встретишь беду,
Или – счастье своё, как оазис в пустыне.

Ты, конечно, устанешь. Но знай, что пока
Держишь землю с Земли в побледневшей ладони,
Не подпустят к тебе никакого врага,
И тоску твою стылую ветер прогонит.

Нет, любовь – не медаль. У неё нет сторон.
Только жар изнутри, а снаружи – снегами
Засыпает полмира, и листьями с крон
Остальные полмира лежат под ногами.

Нет на земле мира –
Есть на земле пир.
Нет на душе пира –
Есть – в глубине – мир.
Балом суфлёр правит.
Видно, суфлёр прав:
Нет у вранья края,
Правда – увы – вплавь,
К берегу, где не примут.
К берегу, где не ждут.
Нет на земле мира.
Гибнет во лжи уют.
Каждый, конечно, может
Счастьем назвать свой быт.
Но холодок по коже:
Голоден, хоть и сыт...

Нет на земле правды,
Есть на земле пир...
Правда наступит завтра,
Если погибнет мир.

ЗАВЕЩАНИЕ БАБУШКИ

«Красивым ракушкам привет
Передавай, когда там будешь,
И не забудь на перевале
Взглянуть на линию вдали:
Увидишь, может, корабли, –
Они ведь тоже, словно люди,
Свой путь, увы, не выбирали,
Плывя сквозь память долгих лет.

И вот ещё: когда луна
Отбросит свет на гладь морскую,
Ты молча стой, и не спугни
Её застенчивую зыбь.
А если будет шум грозы –
Промокнуть до костей рискуя,
Ты всё же хоть разок взгляни
На то, как плачет тишина

Над гладью тёмной, что в ночи
Блестит слезами дней прошедших.
А после – отправляйся в путь
По серпантинам горных троп.
Всемирный, видимо, Потоп
Виновен в том, что в скалах брешью
Чернеют гроты. Ну и пусть.
В ответ на рокот волн – молчи.

Запомни: запах моря я
Тебе навеки завещаю,
И не забудь его, прошу,
Ни наяву, ни в ярком сне...
Вот – время близится к весне.
Весна – быть теплой обещает...
Поверь, и здесь я ей дышу.
И здесь есть горы и моря.

Но ты, пока жива, спеши
На место встречи с тем, что мило
Уму и сердцу моему:
Приди на берег в час ночной.
И там под полною луной
Ты вспомни то, что я – забыла...
Мою любовь, мою вину,
И всю печаль моей души.

А после вновь вернись туда,
Где ты и плакала, и пела, –
Чтоб после смерти не пришлось
Ни петь, ни плакать, ни жалеть.
Прости, тебя мне не согреть.
Надеюсь, что тебя согрело
Тепло того, с кем ты – не врозь,
С кем – не страшна тебе беда...»

ВЯЧЕСЛАВ РАССЫПАЕВ

Киев, Украина

МП-767

Как-то всё оно – будто Сим-Сити внутри монитора:
тут разметка подстёрлась, тут двое с кравчучкой бегут...
Приснопамятный город пока ещё призрачно дорог
утомлённому сердцу с нехилой нагрузкой на жгут.
Пусть бегут – подожду. Третья – это не та передача,
что нервирует Лялю и Мулю, кокоток коряча.

Загорается нижняя секция серой трёхглазки.
Магнитола аккордом единственной песни Веласкес
атакует каналы несдержанной порцией мучо –
и объёмным рисунком дрожащая кажется туча:
груда ваты в чернилах да несколько прядей отрепья.
Лупит дождь, а опасности нет: у меня снова третья,
а за городом будет четвёртая – словом, в плену я
у железа, что мчится, упорно таможни миную.

Видел баловней бала, глотающих счастье без хлеба?
Вот таков я сейчас. Конкуренты ушли в перегной.
Подле белых бортов караван тихоходных учебок
отстаёт всё быстрее и виснет в дыре временной.
Нет лишь чувства, что эти сигналы банальных манёвров
воронкам и летящим пожаркам я сам подаю!..
Не с былинных гонцов, видно, был я природой малёван:
если б только был неуд – а то ведь и небоюд!

Переход в левый ряд, поворот – всё на автопилоте,
и змея неуверенности партизаном крадётся под локти.

Эпопея, о коей мечтал, озорует сама,
и её доказать – как дочернюю лемму Ферма
пассажирке соседнего штурбуса... Что я, в Берлине?
То-то почерк не тот у продольных разметочных линий.
И условным друзьям, что замутят пикник на леваде,
всё равно, кто к ним ехал столь слаженно – я или Вадик,
а из тех, кому впредь я давал пассажирское слово,
две последних швеи отравились в советской столовой.

Поле минное, аэропорт с волокитой багажной –
и они не хотят вспоминать о трёхглазке погасшей.

МП-789

Краснеет жимолостный ряд.
Бульоны в венах не бурлят.
Видать, пора зверюге чахлому на склад
пробитых лодок, ржавых мин –
авось хоть там кошачий тмин
внесёт в окрестный город новый витамин.

Спешат на громкие дела
дельцы юнее мал мала,
готовы к дракам за количество бабла,
а тут извечно пуст карман,
однако даже Перельман
среди коллег своих не шудра, но брахман.

Походки лёгкой больше нет.
Асфальт катками перегрет,
но не попишешь ничего: то в комитет,
то на центральный стадион
по делу логова мадонн
плетутся ноги под заброшенный уклон.

Был парень – стал диванный червь.
Обои в дымчатой парче
уже не те, что при проворном циркаче;
лишь дальний путь – шестёрка трэф –
в декоре мамонтовых древ
манит, нимало за мой век не постарев.

Всё больше крепких паутин
в углах ведических картин.
Убрать бы в доме – что ты! Сплю, как ламантин...
Мне клумбу косят на венюк –
а всё решил один пинок
от скомороха в самый важный позвонок.

Рыжеет дуб под птичью трель
на всю оставшуюся мель
злосчастных тридевяти высохших земель.
Пусть громыхает Божья месть
над всем, что шавка может съесть,
а мне с таким раскладом дел пора знать честь.

МХ-52

Смастерил бы мне к лету какую-нибудь лупоглазую с восьмитактным движком для своих экспедиторских нужд! – размышлял я, склоняя Творца падежами развязными, словно главную шишку в ряду кабинетных чинуш. А она на меня из соседней жаровни таращилась, где теплица была, где мичуринец свёклу выращивал на электрогирлянде... В те дни пионерской возни вся мечта ограничивалась белизной простыни.

Без меня ей дорога была поперёк радиатора. Поначалу терпела она кривобокий вольер, но однажды – когда я всё понял – с утра, в полдевятого прокусил колесо ей от скуки один двортерьер. Оседала машинка, едва отличаясь от пряника. Ей бы рулик – да в резвы ладошки, да с ветром, да пряменько... Попадались одни браконьеры. Отдать им свой старт означало усохнуть от немагазинных растрат.

Холоднее и прозрачнее с уменьшением клиренса становилась игрушка подвально-складских чертенят. Одноклассники обзавелись кто чем может. Я кинулся – пауки доедают резину и что-то бубнят. Беспристрастный Творец тупо съехал с профессии плотника, резюмируя: ты не узрел, мол, приличного клопика! Вроде юмор ему не присущ, но от фраерских хохм забывается капля хорошего в вечном плохом.

Обвалился вольер, штукатурка беззвучно осыпалась, вздох последний исторгла подвеска, убитая в хлам, и приснились машинке края, где как воздух – незыблемость пионерского правила «радость и боль – пополам». Тихий кемпинг под Харьковом, пункт автосервиса в Нальчике... А потом за стеклом и железом пришли коммунальщики. Грохот слышали? Чистенький виден в окошке газон. Только долг мой теперь – досмотреть экспедиторский сон.

АРКАДИЙ РАТНЕР Санкт-Петербург, Россия

Тринадцать на пять – полуюбилей,
артрит и отложение солей.
Ешь, что тебе оставят на столе,
и, равнодушно нацепив обноски,
возрадуйся, что, ходишь по земле,
а не в краях, где Бродский.

«Но гибок ум, и глаз пока остёр,
и дров хватает поддержать костёр», –
в наивный лепет, мол, ещё не вечер,
на этот раз поверил режиссёр,
бал не свернул, хотя убавил свечи.

И значит, страх поглубже спрячь внутри,
на все болячки плюнь и разотри.
На улице прекрасная погода.
Санкт-Петербург, декабрь, дожди, плюс три.
Меж лысых ёлок и крутых витрин
шагаю гордо.

Запомнилась осень, в которой
я глухо торчал на мели.
С концами накрылась контора.
Ветра вдоль проспектов мели.

Неделю лило без антракта.
В домах отрубили тепло.
Заржавленный жэковский трактор
смотрел на меня сквозь стекло,

увязнув в расплывшемся дёрне.
Соплями измазав рукав,
пошел я на кухню и сдёрнул
решительно люстру с крюка.

Проверил, насколько он крепко
вмурованный. Хрен тебе: хрясь
куском штукатурки по репе...
Озвучил, что думал про власть,

строителям выдал по полной,
на дворниках выместил зло.
И только под утро вдруг понял,
что мне, наконец, повезло.

ПИСЬМО БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА

...постреливают иногда в степи.
Казачи добивают комиссаров.
Добыл трофей – Апухтина стихи,
валялись на земле в подсумке старом

с убитым рядом. Я его узнал:
провинциал, сходил с ума от Блока
и декламировал: «Весь мир – большой вокзал».
Вагон ему не тем подали боком.

Ещё цитирую: «...Ласкал губу губой (!),
стремясь сломать сопротивление слабое».
Денщик Семён, щербатый рот, рябой,
на каждом хуторе находит бабу.

И в этом весь естественный отбор
венца творения по Дарвину и Ницше.
Вчера молился истово, чтоб Бог
оставил нам хоть маленькую нишу,

прекрасно понимая, nevermore.
В конвульсиях интеллигентских бьются...
На этом обрывается письмо
в запаснике музея революций.

ВАЛЕРИЙ РЕМЕНЮК
Выборг, Россия

ВОСПИТАНИЕ ПО МИСТЕРУ СКАЙПУ

*По наблюдениям автора, сегодня родители
всё больше заменяют реальное общение
с детьми на общение по Скайпу...*

Мы заехали в такую эпоху,
Где сменили ко всеобщему кайфу
Воспитание по доктору Споку
На общение по мистеру Скайпу.

Мы освоили такие этапы,
Где не видим ни проблемы, ни драмы
Ни в отсутствии присутствия папы,
Ни в присутствии отсутствия мамы.

Воспитание, известно, доука,
И сегодня эту жесткую пайку
Уступили без малейшего звука
Интернету и товарищу Скайпу.

И к чадящим без родителей чадам
Доставляются прямехонько на дом
Назидательные изображенья
Очень качественного разрешенья.

Паутиною объята планета,
У неё теперь девиз и эмблема:
«При наличии сети Интернета
Остальное всё уже не проблема!»

Это истинно эпохи свершенье!
Но присуще виртуальному кайфу,
Что кончается его притяженье
С завершением сеанса по Скайпу.

Звонче, песня, разлетайся и вейся!
Но о чём твои тревожные звуки? –
Не придумали ещё интерфейса
Совершеннее, чем мамины руки.

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Всё начинается со звука тишины
В неосязаемой минуте предрассветной,
Когда и сумерки оттенков лишены,
И сны прозрачны, и уже бесцветны.
Та тишина так интригующе звучит
Что по-испански, что по-фински, что по-русски,
И наступает в завершение ночи
В оркестре дня момент перезагрузки.

Потом невидимый небесный дирижёр
Движеньем палочки рассеивает чары
И будит скрипочку, и это хорошо,
И хорошо, что это лишь начало.
Та пробуждает бормотание ручья,
Потом включается гобой – дыханье ветра,
И петухи, так жизнерадостно крича,
Тревожат нас за много километров.

И всё слышнее рокотание сердец,
И стук колёс, и чей-то зов: «Вернись в Сорренто!»,
И означает это всё, что, наконец,
Настала роль ударных инструментов.
А уважаемый небесный дирижёр
И рад убавить децибелы бы, да тщетно:
День пробудился и пошёл, пошёл, пошёл –
Звучит орган! Мажорное крещендо!

Вот так устроен этот сложный механизм,
Нерасчлняемый и этим уникальный.
Хотя и старенький, но не анахронизм,
А вариант шкатулки музыкальной.
Когда мы снами, как картечью, сражены
И мягко тают отгоревшие поленья –
Всё начинается со звука тишины,
С перезагрузки темы, с обнуленья...

ФИЗМАТ ДИАМАТ

Век живёшь, а не знаешь точно,
Словно мелкий какой школяр:
Совесьть – линия или точка?
Честность – вектор или скаляр?

Жизнь подкидывает примеры,
Но не очень они ясны:
Каковы же валентность веры
Или радиус кривизны?

Не узнать из её тетрадок
Ни разгневанности вольтаж,
Ни порядочности порядок,
Ни озлобленности рН.

Всё так зыбко и неконкретно,
Лишь одно однозначно нам:
Благородство, увы, дискретно.
Непрерывны дурак и хам.

ТАТЬЯНА РУДОВСКАЯ
Токмак, Украина

Е.Л.

Ветер, вскормленный жирной блестящей листвою,
Неизбежно становится тучен, шумлив и нахален,
Он вдыхает, пьянея, глубинные запахи спален
И соцветий раскрывшихся тёмный тяжелый настой.
Эти примеси в воздухе как-то влияют на мозг,
Потому что обыденность вдруг обретает глубины,
И глупеешь при виде банально цветущей рябины
И в обёрточном мусоре видятся блёстки стрекоз.
А спускается вечер – великий гримёр-пилигрим,
Сочинитель лукавый пленительных фальсификаций,
Да ещё если рвутся повсюду гранаты акаций
Вряд ли кто-нибудь выйдет досрочно живым из игры.
Берегись! В каждом вдохе присутствует явный подвох,
Превращающий в тайну движенья твоей диафрагмы,
Ты увидишь внезапно – из логова лоз виноградных
За тобой наблюдает крылатый языческий бог.
Не уйдёшь от стрелы! Даже если в обнимку с травой,
С колотящимся сердцем, с глазами, смотрящими внутрь
Неизбежно случится в одно из сияющих утр
То, что было когда-то и что ещё будет с тобой.

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Город щедро бросает ночные огни,
как червонцы – за ворот, за пазуху, в рот
чахлой девке весне, вознесённой над ним,
раздвигающей ноги, как створы ворот.
И горят её щеки ничуть не стыдом –
то стада поднимают туманный восток,
и пульсирует жилка под тающим льдом,
и вальсирует голубь, круша водосток.
Отъедайся, весна, на московских харчах!
Не видать нам другой в этот сумрачный год.
Полудикие – ждём, когда, гол и курчав,
из горящего лона возникнет Эрот.

Наши лица – осколки недужной зимы
оплывут, протекая сквозь рук решето.
Ничего, мы возьмём друг у друга займы,
чтобы только попасть в этот цирк Шапито.

AVE, ГРУСТЬ!

Смотри! Летят пушинки сорных трав,
увидишь, только голову задрав
до хруста в позвонках. О ave, август!
О ave, грусть, рождённая травой,
а это расставаньё с головой –
то Бахусом навеянная благодать.

Держу прохладный шарик тишины
под языком и этим решены
соблазны задавания вопросов.

Всё так неясно, страшно и легко –
как будто в лавку шла за молоком,
а улетела дымом с папиросы.

ВИКТОР САПИРО
Санкт-Петербург, Россия

СИНДРОМ ТОНКОЙ КОЖИ

Отмотала кинолента кадры,
Отмелькали на экране роли...
Время косит под блокбастер – как бы –
А по сути – лишь рекламный ролик!
Старый мир застрял в глубоком детстве,
Где-то мы, наверно, с ним похожи...
Это – результат побочных действий
Моего синдрома тонкой кожи!

Если ты меняешь юг на север,
Словно цвет, отбившийся от спектра,
Если жизнь канает под бестселлер,
Сжатый до рекламного проспекта,
Если вера – странница-блудница,
А душа – изгнанница вип-ложи,
Это – просто новая страница
Твоего синдрома тонкой кожи!

В свете повсеместного психоза
Боль весьма доходчива как школа –
Только предвкушение наркоза
Глушит ощущение укола!
Где-то ад – но мы ему не рады,
Где-то рай – но мы в него не вхожи...
Вот и все возможные расклады
Нашего синдрома тонкой кожи!

Тонкости сомнительная почеть –
Вечности разменная монета...
Верят миллиарды одиночеств,
Что для них вращается планета!
В скачках чумового ипподрома
Ямщики натягивают вожжи...
Никуда не деться от синдрома –
Общего синдрома тонкой кожи!..

ЕДИНСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Единственная жизнь
В единственном числе
Идёт, летит, бежит,
Петляя на метле,
Снимая жатвы жертв
С обугленной стопы –
Классический сюжет
По версии толпы!

Единственная жизнь –
Гремят колокола,
Цветные витражи,
Кривые зеркала...
В балладах о любви,
В балладах о судьбе
Все храмы – на крови,
Все ноши – по себе!

Единственная жизнь,
Нерукотворный плен,
Над пропастью во ржи,
А дальше – силъ ву пле!
Прыжок через этаж,
Наивная игра...
Дешёвый эпатаж
Двуликого пера!

Единственная жизнь
В пассаже до минор
Надрывно дребезжит
Костяшкой домино...
Опальная молва
Разносит по дворам
Ненужные слова
Неважных телеграмм!

Единственная жизнь,
Меж точками – тире,
Усиленный режим
Грошовых кабаре...

Душа – то вверх, то вниз,
Ей хочется туда,
Где счастье без границ
Плюс рыбка из пруда!

Единственная жизнь –
На этом и стоим,
Спасаясь от чужих,
Стреляя по своим...
И лишь благая весть
Летит среди планет,
Что смысл – всё же есть,
А смерти – всё же нет!...

ЗДРАВСТВУЙ, НЕБО

Здравствуй, небо –
Вот и свиделись вновь
В блёстках недо-
переваренных снов...
Звёздной пылью
Разметало пути,
В клочья крылья,
Но сказали – лети!
В жерле пушки –
День открытых дверей,
Время сушки
Вёсел и сухарей,
Время странствий
От стены до стены
В стильном танце
Двусторонней луны!

Здравствуй, небо –
Запиши барыши
Томной негой
Воспарившей души,
Царством света,
Где с другой стороны –
Все ответы,
Что уже не важны!

Их там хватит
На таких на троих –
Здесь не катит
Уходить при своих,
В этой шкуре
Только тем и везёт,
Кто рискует
И играет на всё!

Здравствуй, небо –
Мне назначен полёт,
Тот, кто не был,
Ни за что не поймёт
Страсть азарта
Сквозь миры напрямик...
Миг до старта –
Самый сказочный миг!
Влево-вправо
Я угли ворошу,
Верой-правдой
Отслужил парашют,
К чёрту позы –
Я согласен отдать
Волю ползать
За свободу летать!

Здравствуй, небо...

ОЛЕГ СЕШКО
Витебск, Беларусь

ВЕСНА

Весна растворялась в кружении света.
Летела дворами в расстёгнутой куртке,
Влезала собакам в пустые желудки
И в них притворялась говяжьей котлетой.
Журчали от счастья желудки собачьи,
Ходили собаки счастливой походкой...
Легко управляя резиновой лодкой,
Гребли через лужу индейцы – Апачи.
Серьёзные войны, в руках бумеранги.
Текли по щекам акварельные краски...
Три кошки с плакатами: «Требуем ласки»,
Помойных котов разделяли на ранги.
Серьёзный мужчина, на облаке сидя,
Над городом пел несерьёзные песни.
Старушка не знала веселья, хоть тресни,
Брела по дорожке в задумчивом виде.
В ней было немного от знака вопроса,
Немного от послерождественской ёлки.
Весна каблучками прищёлкнула звонко,
Когда с ней столкнулась буквально нос к носу.
«Веселье – не самое глупое дело,
Ты, вижу, задорно смеёшься, без фальши,
Пора мне, пожалуй, на север, подальше», –
Моргнула старушка и вдаль улетела.
«Прощайте, Зима!», – зазвенела ручьями,
Весёлым дождём пробежала вприпрыжку,
Обняв беспокойное сердце мальчишки,
Сильнее заставила биться ночами...

АВСТРАЛИЯ

Собака лежала на грязной проталине
Под серой трубой, уходящей в Австралию,
Где пьют кенгуру за собачье здоровье,
Не зная, что зимы здесь плохо проварены.
Что кости в кастрюле до варки обглоданы,
Что в этих костях ни единого запаха.
Что лютый февраль вроде старого лабуха,
Не ценит желудок свой укусно-содовый.

Глокает пургу, барабанит по клавишам.
Танцуйте и войте, скулите, пожалуйста.
Лежишь под трубой? На похмелье не жалуйся.
Ни крохи любви от судьбы не достанешь там.
А нужно ли? Жизнь полиняла каштаново
Внутри не стучало, не билось, не цокало,
Ушли донжуаны за свежими соками.
Смешно называть кобелей донжуанами,
Они бессердечны и злобны, как правило.
С чего это вдруг размечталось о нежности?
Собака лежала. В слепой неизбежности
К ней белым огнём приближалась Австралия.

ДЕРЕВО

Дерево видели напротив острова
В цветах разноцветных, в зелёных звёздах?
Вдыхали под ним соловьиный воздух?
Срывали плоды с него – тучки чёрствые?
Ели их, плакали, от счастья мучаясь,
Судьбу проклинали, скрывая маски?
Там каждая тучка – куличик паски,
Господнего тела кусочки лучшие!
Хочется к острову? Добро пожаловать!
Мечты обернутся фантомной былью,
Горячее сердце затянет стылью,
Холодное вспыхнет кострами-жалами.

Выдержишь,пустишь ли к себе за пазуху
Гостей нарисованных, чёрных в красном?
Судьба разлетится песочным пазлом,
Пойдёт по дорогам пустынной засухой.
Стерпишь ли ангела в погонах пристава?
Впитаешь смирение кротким сердцем?
Посмеешь душевный принять Освенцим?
Сломаешь гордыню молитвой истовой?
Люди, увы, не всевышнесортные,
Пойдём на плоту, ты посмотришь близко
Своими глазами на тех, кто в списках.
Живые – они, мы пред ними – мёртвые.

ТАМИЛА СИНЕЕВА

Киев, Украина

ВО МНЕ...

Во мне поселился дракон, размером с соседний дом,
с тремя головами и сломанным в драке крылом.
Течёт и пенится кровь из пасти его одной.
А из другой – валит дым, как от трубы выхлопной.

А третья – закрыта пасть, словно воды набрала.
Три пары глаз, осколки бутылочного стекла,
глядят на меня, каждая со своей стороны,
ведь три головы – это три мира и три войны!..

Я знаю, с утра подъём, и снова на бой с собой –
с драконом, размером с дом, а я ещё тот герой.
И сердце моё с мечом, как будто Иван Дурак,
удар за ударом – бьётся с монстром, и всё никак.

Но, только ночью, когда на помощь приходит сон –
огромный, как небоскрёб, дракон во мне побеждён.
А я делю его шкуру на множество равных частей
и помню – утро вечера мудреней. И честней...

ФЛАМИНГОВОЕ

Она была странной какой-то, будто из книжек Кинга.
По вечерам к ней приходил такой же чудной фламинго.
Она привыкла к их болтовне ни о чём.
А он клал голову на её худое плечо,
от удовольствия закатывая глаза,
пытался что-то ласковое сказать.
Но получалось обычное «курлы-мурлы»,
от которого плавился потолок и плыл.
И она гнала фламинго прочь. Короче,
пинком желала ему спокойной ночи.
Потом расчёсывала непокорные волосы,
садилась в метро и мчалась к Южному полюсу.
К своему возлюбленному пингвину,
который был белым и чёрным наполовину.
Клала голову на его птичье плечо,
замирала, хотела чего-то ещё.

А пингвин улыбался ей во весь треугольный клюв.
Говорил, мол, напрасно, давно другую люблю.
И дарил невиданной красоты круглый жетон,
шёл с ней к метро, заводил в голубой вагон...
А дома ей снился фламинго, розовый, как заря.
Она во сне уже понимала, что ждёт его зря.
И утром принималась за спасительную работу.
Шила крылья из старой фаты и ещё чего-то
из прошлой жизни: обрывков чужих стихов,
детских праздников и просто забытых слов.
А за окном, невдалеке, на ветке раскидистого ореха
сидел фламинго, смотрел на ту, к которой уже придёт,
и давился от смеха...

ЛЬНЯНОЕ

Не ухожу. И не грущу. Одна.
Окно. И поворот веретена.
В стране чудес ни правды нет, ни лжи –
есть дом, где этажи и этажи.
И я пряду для Ариадны нить –
людей по этажам переводить.
Творить. И чудеса в карманы класть.
Чтоб ни война, ни демоны, ни власть
на этажах моих не завелись.
Пряду льняную нить длиною в жизнь.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ
Ростов-на-Дону, Россия

Утро и Море, – мир акварельный!..
Гаваней крики, рынков соблазны.
Блики на бивнях таранов галерных.
Разноязыки, разнообразны
люди и страсти.
Туда – без опаски,
разом шагнуть... Или просто всмотреться,
как примеряет гротескные маски
солнцем любимая древняя Греция.

Маститый ритор, седой и курчавый,
успешный в искусстве писать доносы,
клиента ждёт, опершись величаво
на свой резной кипарисовый посох...

Гроза и горе Пелопоннеса –
пират присматривает подругу...

Купец, спаливший во славу Гермеса
чужими руками чужую фелюгу,
нарядный, идущий смотреть дискобола,
во рту катающий косточку финика...

Ты сам, лицо опускающий долу
с кривой усмешкой старого киника...

Кулачный боец, напустивший лужицу
кровавой слюны и костного крошева,
с песка приподняться напрасно тужится...

Купивший девчонку-наложницу дёшево
поэт, скандирующий на агоре
напыщенный стих о гетере Лесбии...
...Ангел с глазами, таящими горечь,
ангел с меча пламенеющим лезвием...

Ночь над Элладой. Море мерцает.
В мире – ни зла, ни страха как будто...
Лодки, наполненные тунцами,
держат на север, к рыбацкой бухте.

Спящих рабов расслаблены спины,
спят винограда тёмные плети,
а на холме у храма Афины
между колоннами бродит ветер.
В дом проникая сквозь ставни неплотные,
трогает пламя в узорных площадках...

В комнате – две египетских кошки,
слуга, и в кресле – начальник сотни.
Он цедит сок, слугою налитый
из звонкой глины (стекла? фаянса?),
забыв Кирену, где смял гоплитов
и их убивал, как Ахилл – троянцев.
И он не помнит могильной глины
и мёртвых улиц с вороньим граем:
он слушает флейту младшего сына,
а мальчик играет, играет, играет...

Безвестный скульптор на козьих шкурах
лежит, насытившись девы стоном,
лежит и думает полусонно,
как завтра утром, в честь Эпикура
он будет зачатые статуи праздновать,
как будет, оставив горячую талию,
резцами из мрамора пальцы выпрастывать,
тянущие ремешок сандалии...

Три друга, поклонники Демокрита,
в прохладном саду под старой оливой
сидят на траве, холстиной покрытой,
беседой о сути мира счастливые.
Там сыр, и смоквы, и чаши трёхлетнего
в мудрой пропорции с горной водою...

Подсвеченный лунным великолепием,
пастух молоко вечернее доит.
В веревках мускулов руки смуглые,
он стар, ему шестьдесят без малого.
И лунное олово с медью углей
сплавляются в бронзу лица усталого.
Чуть-чуть иного рисунка, чем ныне,
Весы и Дракон, Береники Волосы...
...Тихо смеются ручьи в долине
и ангел, раскрывший Небо над полисом.

«Осенний крик ястреба»
И. Бродский

1.

...Наряду с другими – и нашего брата-поэта смущающий странностью голоса – он когда-то был persona non grata, но, возможно, был и посланцем Логоса. Из статьи о нём, для многих – кумира, (написанной до того, как его похоронят): «Противостояние человека жёсткому миру осмыслено в духе романтической иронии». Уникальность этого эстетического факта обусловлена неповторимостью автора. Уберём же предвзятости катаракту и оценим факт из ближайшего «завтра». ...Он звучит, привычному вопреки, игнорируя нормы во многих случаях, и порезаться можно на сколе строки, и висят абордажные рифмы-крючья. Он внедряется в память – и раной саднит, он какой-то жестокий секрет постиг!.. ...оставаясь при этом только одним из бесчисленных срезов реальности.

2.

...Далеко от Нью-Йорка и Сан-Диего, и от прерий, затканых ковылём, где в избытке снега – но только снега, где скребёт о мели паковый лёд, где и летом не щедро солнце к природе, а зимой – лишь складчатые миражи – ...иногда отрешённым сознанием бродит тот, который с бродяжьей фамилией жил, той же нации, но не из тех людей, что опять покупают в Намибии копии; препарат фразы, поэт-иудей, безразличный к попыткам офсетных копий со стилистики нобелевского лауреата, равнодушный к всемирному «гран-мерси».

...Голубой бриллиант в девятьсот каратов
на канадском чёрном небе висит.
Льётся чёрная тьма из Большого Ковша,
сыплет с Млечной Тропы молоко сухое
в эту тьму, где неровно мерцает душа,
не нашедшая в жизни себе покоя.
И молчания песня – как долгий вой
над волнистым пространством сухого снега,
под луной, ледяным бессмертьем больной...
И алмазный шип – безумная Вега
умножается в блеске сионских звёзд,
(в мириадах кристаллов, готовых вспыхнуть).

Длятся тени, упавшие в полный рост,
длятся скалы, листовницы и пихты,
из прорехи времени выпавший цент, –
длится миг между «будет» и «только что спето»,
и почти не заметен рашен-акцент
у равнин, облитых алмазным светом,
но отсюда ближе к цепочке дюн...

...Там такой же снег с таким же альбедо,
там он был – и был беззащитно-юно,
там живёт не забытая им обида –
только память, без доли телесного брутто –
неостывшим, давним, усталым горем...

...Ястребиный пух из Коннектикута
порошит из туч над Балтийским морем.

ИНОЙ АРДЖУНА Апокриф

*Классическая «Бхагавадгита» гласит,
что Кришна, разрешая сомнения Арджуны,
приобщил его к сокровенным тайнам духа...*

...И Он воплотился, прекраснейший облик приняв,
со взглядом, который затмил бы любую зарницу.
И два легконогих, как лотосы – белых, коня
по ровному полю неспешно влекли колесницу.
И, мир пронизывая – от капли до каменных плит,
от градов небесных – до джунглей зелёного лона,
Всеведущий Кришна с печальным Арджуной стоит
о правую руку и с ним говорит благосклонно:

– Ты избран, Арджуна. Пока Я с тобою – внемли! –
замолкли ручьи, и затихло дыхание ветра,
и лист облетевший не может коснуться земли,
и замерло время на глади лугов Курукшетра...
Потомок властителей! Сталь и горящая медь
уже сопоставлены грозным велениям рока.
Но ради чего собираешься ты умереть?
От этого нет никому ни малейшего прока!

Ну, что из того, что сегодня с обеих сторон
готовятся к битве друзья и родные по крови?
Заметь, победитель стяжает и славу, и трон.
Твоим надеянием всех не спасти. Прекословя
судьбе – потеряешь. Ты видишь улыбку Мою,
Подателя истины и Сокрушителя злобы?
Забудь о невечном – и щедрым потоком пролью
всё то, что иначе по каплям тебе низошло бы.

Ты смел, ты отважнее прочих. А всё-таки знай,
что в этом сраженье, где вас уцелеет немного,
имеешь, чего никакая не купит казна:
тебя охраняет ладонь всемогущего Бога.
Я тот, Кто любовь и возмездие, милость и плеть,
Кто зиждет и движет светила, планеты и луны –
и Я говорю, что не нужно о них сожалеть.
Сражайся, Арджуна!

Зачем бы Я дал эту силу и гордую стать
и в плотную массу героев принудил стесниться?
Зачем бы Я луки напруг и заставил блистать
доспехи и сбруи, мечи, человечьи зеницы?
Щиты, колесницы и злая копейная ость –
одна только Майя, игра Всемогущего Гуру!
Направо – эбен, а напротив – слоновая кость...
Всего лишь фигуры, Арджуна, всего лишь фигуры.

Ведь только тела погребальные примут костры,
и жалость тебе не пристала, как дубу – омела.
Возвысившись духом, пойми непреложность Игры!
Ты кшатрий*, Арджуна, и делай суждённое дело!
О, лучший из лучников! Выбери верную цель!
Кому неизменно довлеет невежества гуна** –
достойны ли жертвы в твоём отрешённом лице?
Подумай, Арджуна!

А руки твои – да пребудут, как прежде, чисты.
Во грех не зачтутся колосья, что карма скосила.
Ты Свету угоден – и Света исполнишься ты.
И будет расти совершенная мудрая сила,
и будут радения с теми, кто веру куёт,
рассветы над Гангом и женщин горячие очи!
Ты станешь великим пандитом*** во имя Моё,
ты сможешь вести и учиться!..
И что же – не хочешь?..

Строптивый юнец... Не безумен ли, Мне вопреки
отвергший веление жизни и знания благо?..
...Сейчас зарычат барабаны, взметнутся клинки,
и жутко слоны затрубят, напоённые брагой!
Я лезвие вижу, что гибель тебе причинит –
и плоть затрепещет, и жилы порвутся, как струны...
Мой первый из первых, любимейший Мой ученик...
До встречи, Арджуна!

* *Принадлежащий касте воинов*

** *Духовный принцип*

*** *Высокоучёный мистик*

АННА СТРЕМИНСКАЯ
Одесса, Украина

ПАРИЖ

Что ты со мною делаешь,
что ты мне говоришь?
Слышишь, Париж?
Видишь, Париж?
Знаешь, Париж?

Все бродяги твои изысканно так просты,
словно есть у них дом где-то там неземной красоты.
О, как весело нам в нечистом твоём метро –
там играют «Бесаме мучо», танго, фокстрот...

Поднимусь на вечерний Монмартр и сяду под Сакре-Кер,
чтоб глядеть на твои огни, как в глаза – в упор.
Чтобы тайны твои ты разбалтывал мне налегке
на французском, арабском, бенгальском своем языке!

Ароматы твои буду помнить я долго, до...
тех пор, как состарюсь, как мой состарится дом.
Круассаны твои, «Шанели» твои, «Ферро»...
Даже вонь негритянской мочи в ветвистом твоём метро!

Буду помнить я площадь с веселым названием Пигаль,
и как Элвиса Пресли старик из Нью-Йорка играл!
Там священные тени бродили – ты помнишь ли кто?
Кто стоял там в цилиндре и в сереньком летнем пальто?

Облака говорят на санскрите,
Облака говорят на латыни...
Говорите со мной, говорите!
Этот день был тяжёлый и длинный.

Облака надо мной проплывают
и словарь драгоценный роняют:
«агни», «веды», «поэта грекорум»
и рифмуют его с «романорум»...

Древний агни горит в наших жилах,
мимо стройная дэви проходит.
И в уме все слова колобродят:
Веды – ведьма, медведь, джива – живы...

Облака знают всё, всё видали:
древних ариев славу и горе,
древних греков дороги и дали,
древнеримских владений просторы.

Но к истокам припасть тянет снова,
что в санскрита живительной влаге.
Мама – мата, брат – братар, и слово
польхает огнём на бумаге!

Он говорит: «Я давно одноклассников не видал,
мы так редко стали встречаться в последние 10 лет...»
Он говорит: «Я с Машкой ходил туда,
где “Гости из будущего” тогда давали концерт».
Я ему говорю, что рифм половодье меня
так захлёстывает, что только давай держись.
Творчество – это молитва, что жжёт посильней огня,
и это – моя стихия, мое проклятье и жизнь!
Он говорит: «Какие суки – вчера
вновь не пришли электрики, света в подъезде нет!».
Он говорит: «А предки мои с утра
желают бутылку водки и блок сигарет».
Я говорю: «Ведь этот роман, представь,
мне дали на пару дней, и я прочитала его.
И после него я стала верить в Христа,
и поняла, что есть на свете любовь!»
Он говорит: «Я жить без любви устал!»
И так ли мне важно, что еще скажет он?
Но, Боже, как он целует в губы (или в уста)!
Таков мой самый странный роман... таков
мой вечерний звон!

ВАЛЕРИЙ СУХАРЕВ
Одесса, Украина

NIEMENA PAMIĘCI ZALOBNY RAPSOD

Довольно грязный небосвод. По-зимнему,
вдоль ветра, в профиль – люди и фасады;
портретов трёп, попробуй возрази ему;
жизнь возразила, но ему не надо.
Варшава варит митинг поминательный:
лавровый лист венков, букетов специи;
все люди – в именительном и дательном,
расходятся повспоминать, согреться.
И тротуар общественного траура
оставлен стыть: где розы, где гвоздика;
пустая тара наподобье Тауэра;
в подземке затерялась Эвридика.
Орфей – среди поездов, схвативших заживо
дыхание людское, торсы, плечи...
И по перрону пьяный лях похаживает,
слезится... Что ты плачешь, человече?

Проспекты, парки, сад в согбённой позе,
локтями порознь – точно на морозе
свело суставы; оспенный фасад,
за рябью снега, всё глядит назад,
как будто бы в тоннель, куда унёсся
горящий поезд, навалясь на оси.
Вся эта метафизика металла, –
все кадры окон без людей, – влетала
в трубу, как пневматическая почта;
вот хронос окончательного вычета.
Во тьму горизонтального колодца,
глаза раскрыв, летит локомотив,
тоннель трясётся и сейчас взорвётся,
чтобы раскрыть астральные пути.

Закрыв глаза, он слышать продолжал
подземный свист, сверчка, ночное пламя
планетной плазмы... Так его душа
прощалась с речью рек, с полями,
с земными звёздами вверху; он продолжал

улавливать помехи, как локатор:
что слышит смерть, то чуяла душа
на всех волнах эфира и покатых
холмах, чей – что ни взмах, то – шаг
в пространстве, от рассвета до заката.

Январский католический обряд.
Последняя позёмка, свечек ряд,
как многоточие во тьме. Горят.

В раю закрыто, но в аду ещё
свет не тушили, и ещё посуду
не убирали – вон белеет счёт
за сытый вечер, и тела повсюду.

В раю уже закрыто, но в аду,
куда – как мнилось – заглянул случайно,
посасывают сносную бурду,
покуривают, атмосфера чайной...

И вечный то ли жид, то ли грузин,
каких, куда ни плюнь, везде навалом,
рыдает среди прочих образин,
все – в стельку, атмосфера сеновала.

И кто-то, с нехорошим огоньком
в глазах, стоит у входа, попирая
здесь принятый устав, и ни о ком
не помнит, бросив ад не ради рая.

КАРТИНЫ

1

Сегодня снег с дождём... С ума сойти –
какое самобытное начало,
к тому ж декабрь... Отчётности с пути,
цидулки докладные; величаво
и не начать; но, с Богом, мы начнём...
Коктейль вертлявый этот тусклым днём
был взбит небесным миксером, а там
и подступила к окнам темнота.

Шантажнейшая музычка зимы,
с подскоками прохожих и пернатых,
се – слякоть, точно вышед из тюрьмы,
и дом на всё глядел, как губернатор
на голь и рвань; картинка неважней
и звук туда же – трескот и свистец;
но любо нам представить в этот час
округу, даль, где ныне нету нас.

2

Проселок, лёс, Радищевский простор
(хотя, чего Радищевский, а Пушкин?),
рыдающий рыдван под косогор,
поля убиты и гнилы опушки;
да вот шлагбаум, как воздетая рука
от римлянина – ехай хоть в Европу;
Евразия завидно велика,
так велика, что поодбило жопу
и зубы растрясло... А мы сидим,
почти в тепле, почти в своей державе,
и сигарет отечественный дым,
и на столе подержанный Державин.
О, южная тлетворная зима!
О Боже, ты хоть это не замай!
И парных рифм и перекрестных рифм
спокойствие, их строгий логарифм.

3

Вообще, о ком тут речь и в чем здесь суть?
Навеяно, читатель, непогодой,
в спине болями, бисмарком в носу,
и нездоровый образ жизни, годы,
несовпадение планов и судьбы
(как вспомнишь близких – всё одни гробы);
да мало ли чего, плохой коньяк...
А коль не понимаешь – сам дурак!
Но это – к слову, бросьте, мы не лучше:
стихи писать – не родину спасать
от клоунов с их логикой пластучей,
но это тоже, впрочем, словеса.
Настал декабрь, настал кретинский кризис.
Народы мрачно смотрят в катехизис,
в страницу для пометок, в пустоту,
и постигают жизни красоту.

ЕЛЕНА ТИХОМИРОВА
Санкт-Петербург, Россия

ДАЮЩИЙ СВЕТ

Мейер, ты стар, но, пока живой,
крутится время со скрипом гончарного круга,
домик увит виноградной лозой,
тихо воркует жена-старуха,
ужин готовится в недрах убогой кухни.
Слепок небес – нереальная белосинь –
памятью сна
отпечатался на сетчатке...

– Мейер, кончается керосин.
Софа придёт, принесёт перчатки,
те, что просил.

– Ида, ты помнишь была весна,
мы среди вишен играли в прятки?

– Помню, конечно – ты был худой,
словно та лошадь, что воду возит.

– Точно... ещё торговал водой –
знатный у бабушки был колодец.
Думал, купить тебе пару роз...

– Ты мне ромашки в саду обрывал, шлемазл.

– Яблоки райские, помнишь, принёс...

– К дяде Абраму в арбузы лазил.

– Ждал тебя ночью, под полной луной...

– Тощую Сарочку щупая за колени.
Мейер, пусть Боря придёт в выходной,
лампочки в люстре гостиной сменил.
И темновато здесь, над столом,
может, купить нам ещё светильник?

Мейер смеётся:
– Ида, мне всё равно.
Не заводись, как пустой будильник,
рядом с тобой ведь и так светло.

**имя Мейер переводится с иврита как «дающий свет».*

РЫБАРИ

Что это плещется, там, внутри,
где затихают дневные звуки?
Мы с тобой – вольные рыбаки,
сети плетём из своей разлуки,
прочность проверена тех сетей,
не пропускают ни боль, ни радость...
не миновавших семи страстей
жизнь заставляет принять, как данность,
скудный улов из прощальных фраз,
тяжесть вины и песок сомнений.
Больше крылом не коснётся нас
чайка отпущенных сновидений,
мы с тобой – вольные рыбаки,
наши моря – без конца и края.

Что это плещется там, внутри?
Не говори, я всё помню, знаю.

ТАНЦУЙ, ЭСМЕРАЛЬДА

Танцуй, Эсмеральда-жизнь, под бубен простого счастья,
пушкой Квазимодо-смерть завистливо наблюдает.

Не нам понимать, кто за нас решает
прощать ли, прощаться иль ждать причастия,
поверить, проверить, понять, запомнить –
мы можем лишь впутаться в этот танец,
души приоткрыть уголок укромный,
в котором оливы и померанец,
святые и черти, вороны да голубицы,
мессия на белом осле выбирает город.

Но сколько же это ещё продлится?
Открыты ворота, со скрипом ворот
в засохший колодец спускает вёдра
и не зачерпнуть им ни капли влаги.

Пока на ветру полыхают флаги,
танцуй, Эсмеральда,
смотри, Квазимодо.

ЕЛЕНА УВАРОВА
Алматы, Казахстан

СТЕПЬ

Опрокинуто небо в горячей степи,
Половецкое солнце висит на цепи,
Обжигая дыханием травы.
Но однажды украдкой, спугнув тишину,
Журавли, словно ангелы божьи, вспорхнут,
И крестом полетят православным.

Заиграет кимвалом разбуженный гром,
И пригоршни дождя, как богач серебро,
Разметает по сонной долине.
От мучительной спячки очнется земля,
Понесутся по свету псалмы ковыля
И дурманящий запах полыни.

ДОЛИНА СМЕРТНОЙ ТЕНИ

*Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь
зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох –
они успокаивают меня. (Псалом 22:4)*

Цвели сады, плыла по небу синь,
И всей планете было безразлично,
Что мать кричала «Бог, иже еси!»
На каменном полу,
у стен больничных.

Ей медсестра сказала: «Надо ждать.
Туда нельзя, мамаша, посторонним».
Она ждала, как может только мать.
Вонзала ногти в тонкие ладони.

А в этот миг рвалась из тела жизнь,
Сужался мир до сильных междометий.
Бессильное врачебное «Молись!»
Казалось ей дыханьем злобной смерти.

И детский хрип за стенами, во мгле
На части разрывал её неволью.
Она молилась
Прямо на земле,
Под окнами,
Коленопреклоненно.

Под ребрами стучала гулко боль.
Ей помнится: выросла земля в колени.
А Бог ребёнка к жизни нес тропой,
Идущей из долины смертной тени.

У СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ

Прикорнули кувшинки на водной задумчивой глади,
Не стрекочут кузнечики, спрятались осы в крапиву.
В пожелтевшей осоке, где квакают жабы в прохладе,
Притаилась русалка, взирая на мир сиротливо.
Рядом мельница. Раньше трудились здесь мудрые люди,
Пели песни, носили мешки ячменя и пшеницы.
Говорили, что солнце лежит на заоблачном блюде,
Что в соседнем лесу есть волшебные райские птицы.
Говорили, на окнах морозы рисуют картины,
И целебная сила томится в цветах молочая,
Что красавица-осень приходит на землю богиней.
...А ещё, что настанет война, обронили случайно.
И от слов этих вдруг потемнели их славные лица.
Зашумела тревожно листва на берёзах и клёнах.
И, себя осеняя крестом, люди стали молиться.
...А русалка была молодой и ещё несмышлёной.
Она знала лишь тихое небо и тёплую заводь,
Что приятно вьюны прикасаются к ней плавниками.
...А вдаль облака дождевые летели на запад,
И шумели там грозы, и падал огонь мотыльками.
Жизнь кипела за лесом, а здесь потихоньку смолкала.
Перестало на мельнице пахнуть созревшей пшеницей.
...И однажды под утро русалка вздохнула устало:
Вслед за грозными тучами мельники шли вереницей.
Напряжённо, сурово, от быстрой ходьбы задыхаясь,
Пели песню о том, что судьба позвала в неизвестность.
В их потухших глазах появилась смертельная завязь.
И от этого было русалке тревожно и тесно.
...На заброшенной мельнице выросла чёрная плесень,
А в пруду появились лягушки, вода стала мутной.
Не хватало русалке людей, их рассказов и песен.
...Много лет вспоминала она то печальное утро.

ЛИЛИЯ ЦЬМОХА Одесса, Украина

Дж. Китсу

«Здесь лежит тот, чьё имя начертано на воде»,
Имя твоё, писанное вилами по воде,
Бросишь камень, круги пойдут по воде
и исчезнут скоро.

– Скажи, где ты раньше был? – Нигде.
– А сейчас, скажи, где ты? – Нигде.
– А где позже будешь? – Нигде. Нигде.
И разрушил город.

Когда ласточки улетят на зимовку по направлению к Северу
(пустынная Африка, не знавшая прихода весны,
застонет от одиночества песками, водными тропами, зеленью),
бревенчатые дома, гаражи, городские улицы станут тесны,
тротуары, отяжелевшие от глыб фантомного снега,
забудут лёгкость прикосновений босых ног,
недоумённой оторопью «побега куманики», бега, пробега
транспортного средства – велосипеда, катка асфальтового
– по тесьме дорог,
торопливым шагом всегда спешащего человека,
дробными взмахами крыльев летящих птиц,
ты тоже уйдёшь, не дождавшись начала века,
небрежно смахнув опостылую пыль с ресниц.

ВЫСТАВКИ И ПОМОЙКИ
(ну очень лирическое)

III

«На душе петербуржно», –
говорил беззастенчиво, –
тусклым цветом верблюжьим
осень с небом повенчаны».

Королевским пурпуром
на губах твоей женщины
остывала бездарность
философских сентенций.
В принужденной беседе,
что пророчила ад,
(на столе в хрустале
лиловел виноград)
не смотрели друг в друга –
не рассеивать взгляд,
жизнь стучала упругим
недостатком преград.

Ты одаривал радужным
беззаботным весельем,
будто заячью лапку
в петлице носил
цвета мяты.
Она же – в сумбуре измятом
своих мыслей, чужих
представлений и судьб,
улыбалась натужно,
экстатически хмурилась,
событийным считала
переход через улицу,
не любила гортензии,
яркий свет и притворство,
ты читал ей статьи
«Жизнь и творчество
Бродского» и/или Фета.
Солнца не было, словно
дрянная конфета
растеклась карамелью
над нами тремя, –
густо-розовым бархатом
вечер осыпался.
В сигаретном дыму
терпким запахом липовым
вы чудились мне мёртвыми
и подумалось враз,
что мой Бог и ваш, общий
Бог, один на двоих –
это разные боги
и дороги, которые нам предстоит
прошагать перелесками –

параллельные.
Грусть толчками видений
отдавала тебе
и глаза её с блеском,
и платья коктейльные,
даже смех. Тут я вспомнила
тех,
кто бессмысленным смутным
туманом заутренним
проплыли чередой
ваших тайных обид
сквозь меня: мой протест
и нелепицу, вид
неуместный.
Гротеском отвесным
всё подернулось. Мир
нас не мог выносить
и не вынес. Она,
утром ранним пришедшая
(изо рта – «влюблена»),
собрала ожерелья
и бутылкой вина,
рассыпая попутно
стеклянные бусины
слов, попрощалась.
Темна
голова её с за уши забранными
волосами осталась
на твоём телефоне.

II

Я с запястий сдирала
кусками кожу,
ты шептал в пустоту:
«Никого дороже,
ничего,
в следующей жизни
мы будем вместе:
я – белым львом или рыжим котом,
она – металлической лестницей в небо,
мурлыканьем
или песней».
А я тогда дирижаблем,
что может двигаться

в любом направлении
независимо от движения
воздушных потоков,
потому что «око за око»
и закон притяжения
не имеют силы
в нашем случае.

Сам собою измученный,
ты не мог молчать:
«У неё теперь муж, герань,
макароны по-флотски,
кровать
ротанговая и в субботу вечером –
баллады Высоцкого
из фильма «Стрелы Робин Гуда»,
она гуляет с псом,
плетет венки,
покупает посуду,
на её рояле – поблекший шёлк,
а на стенах – старинная парча,
а я теперь – одинокий волк, –
проворчал
(не без усмешки), –
одинокий волк и мой удел –
выставки и помойки,
безудержный беспредел».

IV

Любая история,
что грешит избытком трагизма,
не может быть рассказана иначе,
кроме как
языком вульгарного фарса,
где так называемая
«личная» территория
теряет чёткую очерченность граней.
Посему мораль
(несмотря на риск
показаться самодовольной):
не стоит стричь волосы,
если их длина имеет значение
и делать Другому больно,
даже если очень хочется.

ПАВЕЛ ЧЕРНИКОВ
Москва, Россия

выход метро, незнакомый знакомый район
странные здания, шпили на мачтах колонн
множество залов, зелёный в саду лабиринт
и без дверей в небеса поднимается лифт
вид открывается, тянет безудержно вниз
шаг, и висишь на руках, жалко узок карниз
в комнате – люди, негромкие речи и странная грусть
завтра – расстрел, и нельзя убежать, если я не проснусь

кто взойдёт на парящий – летящий град
по плечам, головам, по сердцам, бобам
тот поступит немедленно в отряд негритят
что стоят на линейке, внимая там
нежной музыке сфер, им Гомер – пример
и судьба – облака, окиян – отец
и взмывают спокойно от дум и дел
искупаться внизу, где вода – свинец
вот, конец у считалки, венец дорог
у кисельных у рек берега – творог
девять лун, кладенец, золотой песок
и последний глоток, и прощальный рог
а на синем на небе – сияет град
а на море – воронка и смотрит гад
и ни скорби, ни боли, ни мук, ни драк
и ни шагу назад, и вперёд никак

вот, и лета последний пятак, междометий тупик, тюрьма
был небесного цвета флаг, а теперь опустила тьма
словно занавес плащ на мир, и на ветхий присела стул
у порога чужих квартир синеокий дракон уснул

на дороге к закату лет никого – ни людей, ни звёзд
перехода манящий свет в безвременьи застыл, замёрз
черепицей покрылся мир – от небес укрепленный щит
охранитель чужих квартир у порога тихонько спит

ЕЛЕНА ШЕЛКОВА
Киев, Украина

СТИХ ПОТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

Случайные встречи ложились на полку.
Прощальные взгляды бомбили планету.
Непросто, непросто найти незнакомку,
Когда от знакомых спасения нету!

Когда вся планета – сплошное болото,
Когда вся планета – шестая палата,
А рядом всё время какой-нибудь кто-то,
Кого я не знаю, кого мне не надо.

И осень всё ближе – падение яблок.
На сердце всё меньше цветущих Испаний.
Но хочется верить, что в чём-то и я – Блок,
И я незнакомку найду в ресторане.

А мир, он прекрасен. Но как надоело
Кого-то искать, от кого-то теряться.
А ливень всё рвался на мокрое дело,
Бежал, как жених от невесты из ЗАГСа!

Бежали вокзалы, причалы и пристань,
Как жить пацанами, забыли мужчины...
И осень, и осень – импрессионистка
Всё чаще и чаще рисует морщины.

Ночами звонят мне и Верка, и Томка,
А я домовитый, но страшно бездомный
Опять убегаю искать незнакомку,
Чтоб сделать её безнадёжно знакомой...

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?

Помидоры – крохотные Марсы.
Семь рублей за килограмм планет.
Ешь планету, кроха, улыбайся,
Кутайся в китайский синий плед.

Я рождён запойным фантазёром,
И наедине с собою, брат,
Я учился резать помидоры,
Спички не жалеть, когда горят.

А когда я был особо «весел»,
Кроха бегал, требуя ответ:
– Есть ли жизнь на Марсе? Есть ли? Есть ли?
Есть ли смерть на Марсе или нет?

Помидоры цвета революций
Жались к тыквам, брюквам и стене.
Их везли из Сирии, из Турций –
Распродажа раненых планет.

Ешь планету, кроха, и не кайся.
Ты поймёшь, что жалость – это бред.
Я не знаю, есть ли жизнь на Марсе,
На Земле сегодня жизни нет...

СУМАСШЕДШЕЕ СЧАСТЬЕ

Больной номер девять – сбежавшее Счастье.
В психушке – тревога. В психушке – бедлам.
В прозрачном, воздушном, смирительном платье
Танцует по сёлам и по городам.

Танцует над будущим и над прошедшим,
И смотрят нормальные в смутной тоске...
А Счастье не может не быть сумасшедшим!
А Счастье, как ослик, идёт по доске!

Медбратья несутся, хватая за пятки,
И Счастью, к несчастью, не смыться от них.
Приходится быть и случайным, и кратким
Как чей-то, как чей-то талантливый стих.

И снова утрата, и снова расплата,
И снова дожди, и уколы, и грусть.
Но Счастье опять убежит из палаты!
А значит, я к Вам непременно вернусь...

ПРОГРАММА
ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2015»

Юрий Гуртовой
Фотосерия

27 августа (четверг)

16.00 – Пресс-конференция и открытие Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2015». (*Золотой зал Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2*)

18.00 – Видеопоказ фильма «Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие на Родину» (режиссёр – Андрей Хржановский, сценарий – Юрий Арабов). (*Золотой зал Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2*)

28 августа (пятница)

15.00 – Книжная ретроспектива № 1. Презентации книг одесских авторов: Ирина Василенко, Елена Боришполец, Владислава Ильинская, также «Memento Vita» Марины Хлебниковой. (*Галерея Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2*)

29 августа (суббота)

15.00 – Книжная ретроспектива № 2. Презентации книг одесских авторов: Юлия Мельник, Илья Рейдерман, Галина Соколова, Людмила Шарга. (*Библиотека им. Эдуарда Багрицкого, г. Одесса, ул. Преображенская, 35а*)

18.00 – Видеопоказ фильма «Пустыня». К 70-летию со дня рождения Михаила Каца. По мотивам рассказов Даниила Андреева «Иуда Искариот» и «Елизар». (*Арт-клуб «Город N», г. Одесса, ул. Люстдорфская дорога, 88в*)

30 августа (воскресенье)

15.00 – Трагикомедия «Я плачу? Я плачу!». (*Студия творческой реализации «Парадокс». г. Одесса, ул. Греческая 26/28, вход со двора*)

18.00 – И.А. Крылов. Шуто-трагедия «Триумф» (ЦАЮТ «Дивосвіт», «Одесский театральный лицей», г. Одесса, ул. Спиридоновская, 10, 3-й этаж)

2 сентября (среда)

16.00 – Вечер украинской поэзии. *(Музей истории Ильичёвского торгового порта, г. Ильичёвск, ул. Транспортная, 6)*

3 сентября (четверг)

12.00 – Конкурс-фестиваль авторской песни «Поющая гавань». Прослушивание. *(Выставочный зал музея им. Белого, г. Ильичёвск, ул. Ленина, 30)*

15.00 – Круглый стол «Литературные журналы в современном медиа-пространстве». Участвуют редактора литературных журналов Дмитрий Бураго («Соты»), Ольга Ильницкая («Южное Сияние»), Кирилл Ковальджи (Кольцо «А»), Юрий Ковальский («Радуга»), Андрей Костинский («Лава»), Евгений Степанов («Дети Ра») и другие. *(Галерея Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)*

16.00 – Рок-концерт «View Rock Evening». *(Концертный комплекс «Metropolis», большой зал, г. Ильичёвск, ул. Парковая, 15)*

4 сентября (пятница)

14.00 – Мастер-классы членов жюри поэтического конкурса и гостей арт-фестиваля: Владимир Гутковский (Киев), Андрей Дмитриев (Киев), Кирилл Ковальджи (Москва), Юрий Ковальский (Киев). *(Галерея Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)*

15.30 – Презентация «толстых» литературных журналов. Евгений Степанов (Москва): «Дети Ра», «Зарубежные записки», «Крепачик», «Зинзивер», «Футурум АРТ» «Зинзивер». Станислав Айдинян (Москва): «Южное Сияние». Юрий Ковальский (Киев): «Радуга». *(Золотой зал Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)*

17.00 – Конкурс-концерт авторской песни «Поющая гавань». Финал. *(Ильичёвск, банкетный зал отеля «Кемпинг-АББО», г. Ильичёвск, ул. Набережная, 13)*

5 сентября (суббота)

9.00 – Праздник цветов и даров природы в Ильичёвске. Фотовыставки, выставки художников, концертные программы;

11.00 – «Свободный микрофон», выступления поэтов и музыкантов.

(г. Ильичёвск, Приморский парк)

13.00 – Регистрация гостей и участников поэтических конкурсов. Регистрация гостей арт-фестиваля и участников поэтических конкурсов. Приём работ на «Конкурс одного стихотворения». *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Ильичёвск, ул. Парковая, 15)*

13.30 – Конкурсная программа фестиваля. *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Ильичёвск, ул. Парковая, 15)*

17.00 – Творческий вечер Евгении Джен Барановой. *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Ильичёвск, ул. Парковая, 15)*

17.30 – Творческий вечер Дмитрия Бурого. *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Ильичёвск, ул. Парковая, 15)*

18.00 – «Свободный микрофон». Выступления гостей фестиваля. *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Ильичёвск, ул. Парковая, 15)*

6 сентября (воскресенье)

12.00 – Песок, вода, солнце.

(г. Ильичёвск, Городской пляж)

15.00 – Торжественная церемония награждения победителей фестиваля. Блиц-концерт членов жюри и гостей фестиваля. *(Дворец культуры и искусства, Большой зал, г. Ильичёвск, ул. Хантадзе, 1)*

18.30 – Закрытие фестиваля. Поэтри-слэм. Прощальный вечер гостей и участников фестиваля. Музыка и поэзия. Свободный микрофон. *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Ильичёвск, ул. Парковая, 15)*

«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2015»
Листая страницы...

Коротко о главном 3

**Оргкомитет арт-фестиваля «Провинция у моря – 2015»
и члены жюри поэтических конкурсов**

<i>Евгений Степанов</i>	8
<i>Станислав Айдинян</i>	13
<i>Дмитрий Артис</i>	18
<i>Евгения Баранова</i>	22
<i>Дмитрий Бураго</i>	26
<i>Ирина Василенко</i>	31
<i>Сергей Главацкий</i>	34
<i>Владимир Гутковский</i>	38
<i>Владислава Ильинская</i>	43
<i>Ольга Ильницкая</i>	47
<i>Кирилл Ковальджи</i>	51
<i>Леонид Кулаковский</i>	56
<i>Александр Петрушкин</i>	60
<i>Елена Росовская</i>	65
<i>Марина Саввиных</i>	69
<i>Александр Семькин</i>	72
<i>Людмила Шарга</i>	76

**Финалисты поэтического конкурса
«Здесь можно жить, забыв про календарь...»**

<i>Ольга Андреева (Ростов-на-Дону, Россия)</i>	80
<i>Вадим Бакулин (Оренбург, Россия)</i>	83
<i>Дмитрий Близнюк (Харьков, Украина)</i>	86
<i>Наталья Бугаре (Краснолука, Украина)</i>	89
<i>Виталий Будашко (Одесса, Украина)</i>	92
<i>Виктор Володин (Самара, Россия)</i>	96
<i>Анна Галанина (Москва, Россия)</i>	98
<i>Юлия Герасим (Николаев, Украина)</i>	100
<i>Григорий Горнов (Москва, Россия)</i>	102
<i>Арина Грачёва (Москва, Россия)</i>	105
<i>Николай Даниш (Минск, Беларусь)</i>	107

Майя Димерли (Одесса, Украина)	110
Юлия Долгановских (Екатеринбург, Россия)	113
Олег Духовный (Николаев, Украина)	115
Галина Ицкович (Нью-Йорк, США)	117
Роман Казимирский (Будва, Черногория)	121
Владимир Кац (Одесса, Украина)	123
Владислав Китик (Одесса, Украина)	125
Юлия Крылова (Санкт-Петербург, Россия)	127
Татьяна Кузнецова (Москва, Россия)	130
Ирина Кузнецова-Груздева (Харьков, Украина).....	132
Елена Лазарева (Киев, Украина)	135
Анна Маркина (Климовск, Россия)	137
Андрей Мединский (Севастополь, Крым)	141
Анатолий Михайленко (Одесса, Украина)	143
Игорь Муханов (Горный Алтай, Россия)	145
Маша Не (Москва, Россия)	148
Ольга Питерская (Санкт-Петербург, Россия)	151
Анна Протасова (Киев, Украина)	154
Елизавета Радванская (Киев, Украина)	156
Вячеслав Рассыпаев (Киев, Украина)	159
Аркадий Ратнер (Санкт-Петербург, Россия)	162
Валерий Ременюк (Выборг, Россия)	164
Татьяна Рудовская (Токмак, Украина)	167
Виктор Сапиро (Санкт-Петербург, Россия)	169
Олег Сешко (Витебск, Беларусь)	173
Тамила Синеева (Киев, Украина)	175
Александр Соболев (Ростов-на-Дону, Россия)	177
Анна Стреминская (Одесса, Украина)	183
Валерий Сухарев (Одесса, Украина)	185
Елена Тихомирова (Санкт-Петербург, Россия)	188
Елена Уварова (Алматы, Казахстан)	191
Лилия Цьмоха (Одесса, Украина)	193
Павел Черников (Москва, Россия)	197
Елена Шелкова (Киев, Украина)	198

Программа Пятого Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2015»	202
--	------------

ББК 84(4Укр-Одб)6
П 78

Литературно-художественное издание

Провинция у моря – 2015

Сборник произведений участников
Пятого Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря – 2015»

Редакционная коллегия сборника:
И. Василенко, С. Главацкий, А. Семькин
Фото на обложке – Дана Павлова

Підписано до друку 07.08.2015 р.
Формат 60x84/16. Гарнітура Georgia.
Папір офсет. Друк офсет.
Ум друк.арк. 12,09. Зам. 415
Тираж 250 прим.

Видавництво КП ОМД
(свідоцтво ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17

